

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Токтомагов Ормон Кубанычевич

ФАНАТИЗМ КАК ЛИЧНОСТНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Бадмаева Мария Валентиновна

Улан-Удэ – 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНАТИЗМА ..	16
1.1. Подходы к определению понятия и критерии фанатизма	16
1.2. Проблема фанатизма и человеческие потребности	34
1.3. Роль рациональности в исследовании аксиологической грани фанатизма...	51
Глава 2. СОЦИАЛЬНЫЙ ФАНАТИЗМ КАК СИСТЕМНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА	75
2.1. Фанатичное сознание: условия формирования, особенности, специфика....	75
2.2. Экстремизм и терроризм как крайние формы социального фанатизма	105
2.3. Глобализация и интегральная стратегия преодоления фанатизма	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	138
БИБЛИОГРАФИЯ.....	143

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется усложнением современной социально-политической ситуации в мире. Межэтнические и междивизиационные контакты значительно усилились под влиянием глобализации. Столкновение кардинально различных мировоззрений, социальных порядков, культурных стандартов, происходящее на мировой арене, способствуют росту фанатизма.

Фанатизм как неоднозначный феномен, возникший на заре человеческого общества, сопровождает все этапы его развития. И если в традиционном обществе он имел охранительную функцию, связанную с консервацией социального и культурного укладов, то в современных условиях его «оборонительный» характер становится наиболее активным и деструктивным, находясь на службе различных идеологий и становясь средством манипуляции массовым сознанием. Дефицит смысло-жизненных ориентаций, избегание подлинной самореализации человека также связаны с формированием современного общества потребления. Замещение традиционных нравственных ценностей рационалистичными идеалами вносит дополнительный вклад в складывание ощущений кризисности, субъективного неблагополучия личности и общества. Все это создает благоприятную среду для развития фанатичных течений. Кризис современной западной цивилизации выражается также в несбалансированности производства и потребления материальных благ, влекущих угрозу экологических катастроф в масштабах планеты. Нарушение природного и социо-культурного равновесия в западном мире тесно связано с его заражением, «в самой вирулентной форме», механистическими идеями о противоборстве человека и окружающей среды, стремлением к жесткому контролю над ней, главенстве принципов

экономического детерминизма, индивидуализма и фетишизации технологий, которые, по словам Г. Бейтсона, «дадут нам все».¹

Становление ориентации на безграничное потребление значительно усугубляет ситуацию. Индикаторами глубины системного кризиса современного общества могут быть признаны рост экстремистских и террористических проявлений, эскалация насилия и нетерпимости. При этом фанатизм является неотъемлемой составляющей экстремизма и терроризма. В настоящее время не осталось и следа той «слабой надежды», о которой несколько десятилетий назад упоминал Н. Аббаньяно, полагая, что «феномен терроризма сам исчерпает себя в рамках более или менее короткого отрезка времени».² В последние 15 лет процессы фанатизации, лежащие в основе пополнения рядов экстремистских организаций, преодолели барьер локальных и межэтнических конфликтов и превратились в мощную силу, создающую угрозу человечеству.

Ответ на вопрос о природе и условиях формирования современного фанатизма, структуре фанатичного сознания, особенностях его становления, является безотлагательной проблемой философии. Чтобы раскрыть социальную сущность и специфику современного фанатизма, необходимо рассматривать его в контексте конфликта систем потребностей и связанных с ними ценностей личности и общества. Выявление связи становления фанатичного сознания и удовлетворения, либо фрустрации низших и высших потребностей его носителей может открыть новые перспективы, поскольку, по мнению большинства исследователей, потребности лежат в основе любой человеческой деятельности. Фанатизм изучается комплексными усилиями философов, политологов, психологов и социологов, причем в последнее время, при общей немногочисленности посвященных ему философских работ, намечается возрастание интереса к данной проблематике. Привлечение наработок психологии, культурологии, социологии и осмысление их на социально-

¹ Бейтсон Г. Корни экологического кризиса / Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. С.454 – 459.

² Аббаньяно Н. Человек: проект 2000. Краснодар, 2010. С. 164

философском фундаменте позволяет выйти к более полному пониманию феномена фанатизма. Изучение механизмов формирования фанатизма, личностных особенностей его адептов, социальных условий и факторов является актуальной задачей. Без четкого понимания природы фанатизма и причин стремительного роста его влияния на мировой арене невозможно планирование стратегии борьбы с его проявлениями, и разработка мер профилактики. Поэтому социально-философское исследование феномена современного фанатизма имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Степень разработанности проблемы. Проблема фанатизма традиционно затрагивалась в контексте других социальных явлений, при этом можно отметить сравнительно малое количество отечественных работ, напрямую посвященных фанатизму. В историко-философском ракурсе отдельные аспекты фанатизма привлекали внимание философов Просвещения, пытавшихся решить задачу определения его сущности с помощью противопоставления научной классической картине мира, акцентирования его иррациональности и нелогичности (работы Ф. Вольтера, Ж. Сталь, Д. Гольбаха, Д. Дидро и др.³). Видение фанатизма как препятствия на пути достижения личностью своей полноты, и в то же время - как иллюзорного средства преодоления трагедии человеческого одиночества и потери жизненных смыслов, отраженное в трудах представителей экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра, А. Камю, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Аббаньяно⁴ и др., внесло значительный вклад в понимание того, как складывается и эволюционирует самосознание фанатика. Работы Г. Гегеля, К. Маркса, Ф.

³ Вольтер Ф. *Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря»*: [сб.: пер. с фран.] / Вольтер. М.: АСТ: Астрель, 2011. 748с.; Вольперт Л. *Бесмысленный и беспощадный*» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) // <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal5txt.htm> (дата обращения 4.04.2015); 33. Гольбах П. *Священная зараза. Разоблаченное христианство*. М., 1936. 128 с.; *История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Христианство*, т. 3, 1753. Л.: Наука, 1978. 318 с.

⁴ Сартр Ж.П. *Экзистенциализм – это гуманизм / Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1990. С.319 – 344.; Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*.- Политиздат, 1990. 415с.; Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс / Эстетика. Философия культуры*. М.: Прогресс, 1991. 311 с.; Аббаньяно Н. *Человек: проект 2000*. Краснодар, 2010. 188 с.

Энгельса, М. К. Мамардашвили⁵ позволили проанализировать фанатизм с диалектических позиций, выделяя проблему социальных факторов его формирования и роли общества в этом процессе. Психоаналитический подход, реализованный в трудах З. Фрейда, А. Фрейд, А. Адлера, К. Юнга, Э. Фромма⁶, привлек внимание к роли механизмов бессознательного, психологических защит и базовых влечений к жизни и смерти в картине мира фанатичной личности. Психофизиологи и психологи А. А. Ухтомский, В. Б. Ганнушкин, Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, В. Д. Менделевич, Р. Лифтон, А. Найстром⁷ и др. заложили основы научного изучения фанатичного сознания, проанализировав различные отклонения психоэмоциональной сферы и волевой регуляции фанатиков с точки зрения психопатологии личности. Следующий значимый блок, рассматривающий психологические аспекты фанатизма, охватывает тематику потребностей личности: А. Н. Леонтьев, В. С. Магун, А. Маслоу, В. Франкл, П. В. Симонов, Е. П. Ильин⁸ и др. сформулировали положения, позволяющие

⁵ Гегель Г. Философия религии. В 2-х томах. Т.2. М.: «Мысль», 1976. – 573 с.; Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. Сочинения. М.: Политиздат. 1955. Т. 1974. С. 41-174.; Маркс К. и Энгельс Ф. Об атеизме, религии и церкви / [Авт. вступ. ст. Ю. Б. Пишик] М.: Мысль, 1986. 669 с.; Маркс К., Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Сочинения, т. 22, 1962. — М.: Политиздат, 1962; Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М.: Азбука-Классика, 2014. 688 с.; Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили; сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

⁶Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука Аттикус, 2012. 192 с.; Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы / Пер с англ. – М.: Педагогика, 1993. 144 с.; Адлер А. Индивидуальная психология как путь к познанию и самопознанию человека. Киев: Port-Royal, 1997. 63 с.; Юнг К.- Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1996. 336 с.; Юнг К.- Г. Диагностируя диктаторов (Интервью, взятое у К.Г. Юнга Х. Никербокером в 1938 г.) / В. Одайник Психология политики. СПб: Ювента, 1996. С.344 –361; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ -Астрель, 2004. 625с.; Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: Попурри, 2000. 672 с.;

⁷ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб: Питер, 2002. 448с.; Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Н. Новгород: Изд-во НГМД, 1998. 128 с.; Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия. М.: Академический проект, 1999. 464 с.; Менделевич В. Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты). М.: МЕД пресс-информ. – 2003. 328 с. Lifton R. J. Destroying the World to Save It: Aum Shinrikyo, Apocalyptic Violence, and the New Global Terrorism. – Macmillan, 2000. 278 p.; Nystrom C. L. Immediate man: The symbolic environment of fanaticism //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 19-34.

⁸ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание //XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. – С. 24-36; Магун В. С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии. 1985. №. 2. С. 118-126. Маслоу А.

применить теорию человеческих потребностей и деятельностный подход к исследуемой теме. Особую роль сыграла русская православная философская традиция: сочинения И. В. Киреевского, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка⁹, противопоставившая фанатизм подлинности бытия человека и общества, стали важнейшим источником, сформировавшим авторское понимание проблемы. В современных публикациях фанатизм и фанатичная вера рассматриваются в тесных взаимосвязях с экстремизмом и терроризмом что отражено в работах Г. К. Варданянца, Д. В. Ольшанского, Е. А. Евстифеевой, С. Н. Иванова и др.¹⁰

Проблема социального и религиозного фанатизма продуктивно изучается в жанре диссертационных исследований. Основные предпосылки фанатизма, его структура, формы проявления и индикаторы выявлены в диссертации Т. Н. Санаевой,¹¹ где также определена его понятийная специфика. Связь фанатичного сознания с личностными и групповыми уровнями бытия исследуется в работе В. В. Ким¹². Религиозный фанатизм стал темой двух диссертаций: М. Н. Кузнецова¹³ раскрыла особенности религиозного и философского подходов к фанатизму,

Мотивация и личность. СПб: Питер, 2008. 352 с; Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.; Симонов П. В. Междисциплинарная концепция человека: потребностно-информационный подход // Вопросы психологии. 1988. №. 6. С. 94-100; Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002 — 512 с.

⁹ Киреевский И. В. Разум на пути к истине: Философские статьи, письма, дневник. М.: Правило веры, 2002. 662 с.; Флоренский П. А. Записка о православии // Православие: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. В. Ф. Федорова. СПб: 2001. С.298-305; Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб: РХГИ, 1996. 156 с.; Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. – 1997. Т. 9; Булгаков С.Н. Из философии культуры. Размышления о национальности / Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. – С. 188; Франк С. Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 114 - 127.

¹⁰ Варданянц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования, 2005. №7. С.78-83; Ольшанский Д.В. Психология терроризма. М.: Питер, 2007. 288 с.; Евстифеева Е.А. Феномен веры: дисс... доктора филос. наук. Тверь, 1995. 215 с.; Иванов С.Н. Терроризм смертников. Исторический аспект. // Вестник Удмуртского университета. Выпуск 1. 2008. С. 126-134.

¹¹ Санаева Т.Н. Социальный фанатизм: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Нижний Новгород, 2002. 195 с.

¹² Ким В. В. Фанатизм как социальный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2003, 195 с.

¹³ Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. Омск, 2003. 171с.

обозначила его связи с терроризмом; М. Я. Яхьяев¹⁴ проанализировал истоки и динамику религиозного фанатизма, предложил классификацию его форм. Однако в дальнейшем в философских диссертационных исследованиях на тему фанатизма наступил десятилетний перерыв. Между тем, как раз последнее десятилетие, (2006 - 2016 гг.), характеризуется значительной эскалацией мировой межэтнической и межкультурной напряженности, ростом социальной «взрывоопасности», обострением глобальных мировоззренческих и экономических противоречий, процессами глобализации, втягиванием пластов архаического сознания в орбиту высоких цифровых технологий.

В смежных дисциплинах дела обстоят схожим образом: первая (и пока – единственная) социологическая диссертация на тему религиозного фанатизма, выполненная Э. М. Шариповой¹⁵, появилась в 2014 г.; в социальной психологии, культурологии, политологии диссертационные работы, посвященные фанатизму, отсутствуют.

При сравнительной немногочисленности современных отечественных исследований фанатизма, позиции авторов кардинально различаются. Так, в ряде работ фанатизм трактуется как феномен, априорно присущий архаичным и традиционным обществам. Дdiamетрально противоположная точка зрения полагает его следствием рационалистичного мировоззрения, существует взгляд на фанатизм как проявление и индикатор социальных кризисов, а в зарубежной науке преобладающая роль отводится психологическому и социально-конструктивистскому пониманию фанатизма. Существует значительный интерес исследователей к проблемам экстремизма, терроризма, социальным конфликтам, ксенофобии и толерантности, также затрагивающих вопросы фанатизма (Б. Г. Чурков, Ю. А. Зубок, К. В. Злоказов, Г. К. Варданянц, W. Laqueur, и др.¹⁶). В

¹⁴ Яхьяев М.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Автореф. дисс. докт. философ. наук. Махачкала, 2006. 40 с.

¹⁵ Шарипова Э.М. Социокультурная специфика религиозного фанатизма. Дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. Тюмень, 2014. 198 с.

¹⁶ Чурков Б. Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Психология террористов и серийных убийц: хрестоматия. Минск: Харвест. 2004. С. 180-196.; Злоказов К. В. Экстремистский текст и свойства личности // Политическая лингвистика. 2013. №. 3. С.215-

работах М. В. Бадмаевой, Л. Р. Бартунаева и С. Э. Желаевой, И. С. Болдоновой, С. Ю. Лепехова, В. В. Мантатова и Л. В. Мантатовой, и Л. Г. Сандаковой рассмотрены ценностные, временные и глобализационные аспекты современной ситуации, позволяющие прогнозировать стратегии преодоления фанатизма.¹⁷

В названных работах рассмотрены различные аспекты фанатизма и освещены отдельные участки проблемного поля феномена, а целостные его исследования крайне немногочисленны. Поэтому напрашивается вывод о необходимости заполнения существующего пробела в философском осмыслении фанатизма как личностного и социального явления. На основе обзора основных концептуальных течений, в рамках которых шло изучение фанатизма, можно прийти к заключению о том, что установка на комплексность его исследования, интеграцию различных областей гуманитарного знания обладает значительным потенциалом.

Объектом диссертационного исследования является фанатизм.

Предмет исследования – философские основания сущности, личностные и социальные предпосылки и механизмы формирования фанатизма.

225.; Зубок Ю.А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37-47.; Варданянц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования, 2005. №7. С.78-83.; Laqueur W. The new terrorism: fanaticism and the arms of mass destruction. NY: Oxford Univ. Press, 1999. VII, 312 P.

¹⁷ Бадмаева М.В. Питирим Сорокин и философия евразийства // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) /Материалы Международной научной конференции. Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г. С. 410-420; Бадмаева М. В. Личность в период религиозной и моральной поляризации // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 3. С. 91-97.; Бартунаев Л.Р. Желаева С.Э. Экономическая форма времени как полимодального феномена природы: понятия и свойства // Вестник Бурятского государственного университета, 2013. № 2. С. 39 - 45.; Болдонова И.С. Межличностный диалог: устный и письменные дискурсы // Наука и образование, 2010, № 3. С. 69 - 73.; Лепехов С. Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. /Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча», Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. С. 195 - 205.; Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский ун-т технологий и управления, 2007. 263 с.; Сандакова Л. Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации / Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора В. А. Балханова. Улан-Удэ: БГУ, 2015. С. 46 - 49.

Цель диссертационного исследования – выявление сущности фанатизма, его личностных и социальных граней.

Достижение цели потребовало решения следующих **задач**:

- обосновать комплексное понимание предпосылок фанатизма;
- раскрыть сущность фанатизма на основе теории человеческих потребностей;
- установить связь между рациональностью, рационалистичностью и ценностными аспектами фанатизма;
- выявить механизмы формирования фанатичного сознания;
- определить взаимосвязи современного общества потребления и социального и личностного фанатизма.

Теоретические и методологические основы исследования.

В теоретическом плане исследование базируется на подходах, выработанных в различных философских системах – это прежде всего диалектико-материалистическая теория человеческих потребностей, рациональная философия и аксиологические подходы.¹⁸ Комплекс идей экзистенциальной философии о бытии, смысловом самораскрытии человека, самоактуализации и ценностях опыта, принятии феноменальной ситуации содержится в работах М. К. Мамардашвили, А. Шютца, М. Бубера, К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета, Н. Аббаньяно, В. Франкла¹⁹ и др. Эти теоретические воззрения

¹⁸ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и сознание //XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. – С. 24-36; Магун В. С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии. 1985. №. 2. С. 118-126. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Питер, 2008. 352 с; Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс,1990. 368 с.; Симонов П. В. Междисциплинарная концепция человека: потребностно-информационный подход // Вопросы психологии. 1988. №. 6. С. 94-100; Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. 512 с.; 118.; Туев В. А. Человеческие потребности. Иркутск: Изд-во ИГЭА. 1998.; Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: «Наука», 1988. 286 с Гжегорик А. Жизнь как вызов. Введение в рационалистическую философию. М.: Вузовская книга, 2006. - 320 с.; Кислов В.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985..

¹⁹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили; сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. 368 с.; Шютц А. Смысловая структура повседневного мира.

позволили рассмотреть феномен фанатизма в соотнесении со смыслами индивидуального и коллективного бытия.

Вопросы фанатизма в русской философской традиции связывались с духовным самораскрытием, категориями свободы, веры и предназначения человека. Работы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Л. И. Шестова, Н. О. Лосского²⁰ имели большое значение для данного исследования. Не менее важные аспекты проблемы поднимают психологические подходы: психоаналитическая традиция (З. Фрейд, А. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер и др.²¹), гуманистическая психология (Э. Фромм, А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс и др.²²), отечественная деятельностная психология (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник, и др.²³) раскрывают фанатизм с точки зрения динамики сознания и бессознательного, самоактуализации личности и проявления ее потребностей в продуктивной деятельности. Интегральные подходы П. А. Сорокина и К. Уилбера позволили определить стратегии преодоления фанатизма.²⁴

М.: ИФ «Общественное мнение», 2003. 336 с.; Бубер М. Проблема человека. / Перевод с немецкого. Киев: «Ника-Центр», 1998. 132 с.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 488 с.; Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч.; Аббаньяно Н. Указ. соч.; Франкл В. Указ. соч.

²⁰ Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: «Издательство АСТ», 2004. 678 с.; Бердяев Н.А. Философия свободы / Н. А. Бердяев; сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. М.: «Издательство АСТ», 2004. 732 с.; Булгаков С.Н. Указ. соч.; Франк С. Л. Указ. соч.; Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М.: Авалон Аттикус, 2011. 224 с.; Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. 864 с.

²¹ Фрейд З. Указ. соч., Фрейд А. Указ. соч., Юнг К. Указ. соч.; Адлер А. Указ. соч.

²² Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: Попурри, 2000. 672 с.; Маслоу А. Указ. соч.; Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.; Зейгарник Б.В. Теории личности в зарубежной психологии. М.: изд-во МГУ, С. 38-42.; 102. Роджерс К. Р. Гуманистическая психология. Теория и практика. М.: Изд-во «МОДЭК», 2013.

²³ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и сознание //XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. – С. 24-36.; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Издательский дом «Питер», 2011. 288 с.; Лурия А. Р. Язык и сознание. – М.: МГУ, 1979.320 с.; Зейгарник Б. В. Понятия квазипотребности и психологического поля в теории К. Левина. Хрестоматия по психологии. М.: Омега-Л., 2006. С. 182-194.

²⁴ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, ... СПб., 2000.; Уилбер К. Интегральная духовность: Новая роль религии в современном и постсовременном мире. – Ipraktik, 2013.

В работе использован комплекс общенаучных и философских подходов и методов исследования. Элементы аксиологического подхода, применение диалектического метода в контексте теории потребностей и рациональной оценки способствовали установлению связей между феноменом фанатизма, реализацией высших потребностей и характером ценностей, феноменологический метод, обращенный к опыту человека, его субъективному переживанию, позволил воссоздать жизненный мир носителя фанатичного сознания. Психологические подходы способствовали получению информации об эмоционально-аффективных сторонах фанатизма. Системный взгляд на проблему динамики человеческих потребностей обусловил понимание предпосылок формирования фанатизма.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

-обоснована необходимость изучения предпосылок фанатизма в комплексе, на базе взаимной дополнительности объективных и субъективных факторов, выявлено, что в научном и философском дискурсе проблема предпосылок фанатизма представлена неравномерно: выше изученность субъективной стороны, имеется психологизация основных характеристик и недооценка объективных факторов;

-раскрыто понимание сущности фанатизма на основе теории человеческих потребностей;

- доказана прямая связь рационалистичности и ценностных аспектов фанатизма;

-определены механизмы формирования фанатичного сознания;

- выявлена связь современного общества потребления и формирования фанатизма.

Положения, выносимые на защиту.

1.Фанатизм – сложный феномен, отличающийся совместным действием личностно-бытийных, культурно-мировоззренческими социально-политических факторов. Сочетание социально-экономических условий, благоприятствующих расколу личностной целостности, отдалению человека от подлинной

самореализации, культурных стандартов общества, способствующих разрушению традиции, социальных и личностных конфликтов создает взаимосвязанный комплекс факторов формирования современного фанатизма.

2. Сущность фанатизма состоит в потребностной подмене - когда вместо потребностей высшего уровня, ориентированных на самореализацию человека, актуализируются псевдопотребности, которые, не будучи витальными, в то же время не являются высшими. Фрустрация высших духовных потребностей и потребностей в самореализации, сведение их к усложненному, изощренному удовлетворению витальных и престижно-статусных потребностей вызывает накопление негативного психосоциального потенциала, выражающегося в фанатичной идеологии и деятельности.

3. Подмена рациональной оценки рационалистической, не позволяющей субъекту постичь подлинную ценностную сущность предмета оценивания, является основным фактором, поддерживающим целостность картины мира фанатика, и воспроизводящим фанатизм с аксиологической точки зрения. Функция рационалистичной оценки состоит в предоставлении фанатичному субъекту искаженной картины мира на основе лишенных гуманизма ценностей (антиценностей).

4. Фанатичное сознание – сложный, системный феномен, имеющий многолинейную природу. Механизмом его формирования служит деформация ценностей, невозможность реализации высших духовных потребностей личности и достижение ею самореализации, а также подмена рациональности рационалистичностью.

5. Цели общества потребления противоположны творческому саморазвитию его граждан и поэтому создают благоприятные условия для формирования социального фанатизма. Установки на прогрессирующее потребление, сопряженные с подавлением высших, духовных потребностей вызывают «протестный ответ» в форме различных видов фанатизма и популярности фанатичных движений.

6. Стратегия преодоления фанатизма в условиях глобализации должна иметь интегральный характер, сочетая объективные экономические, субъективные личностные, интерсубъективные культурно-мировоззренческие и интеоробъективные системные факторы, и основываться на росте морального сознания личности и социума к идеалам альтруистической любви.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Результаты диссертации имеют теоретическую значимость в аспекте связи фанатизма с реализацией потребностей человека, выявления влияния установки на потребление и рационализацию духовных потребностей с возможностью (и угрозой) фанатизации части общества. Выводы, сформулированные в диссертации, могут быть применены для углубления исследования социально-философской тематики, связанной с дисгармоничным развитием личности, переходящим в фанатизм, а также в смежных дисциплинах – социологии, политологии, этнологии, культурологии, психологии в области дальнейшего исследования закономерностей формирования фанатичного сознания, видов и форм фанатизма, соотношения исследуемого феномена с экстремизмом, терроризмом и консюмеризмом.

Результаты исследования применимы к разработке учебных программ, курсов лекций и учебных пособий по философии, культурологии, психологии и педагогике, отражающих проблематику современного общества и рисков его развития, терроризма, экстремизма и их связей с формированием индивидуального и коллективного мировоззрения, деятельности, идентичностей, свободы и глубины бытия, реализуемой личностью. Материалы исследования могут быть использованы при разработке социальных программ, направленных на повышение уровня толерантности, предотвращение экстремизма и терроризма, ксенофобии и иных форм социальной нетерпимости, а также для консолидации российского общества и формировании позитивных идентичностей и личностных смыслов.

Публикации по результатам диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования и полученные результаты изложены в

11 публикациях, общий объем которых составляет 4 печатных листа, в том числе в шести статьях, входящих в перечень ВАК.

Апробация диссертационного исследования. Результаты исследования докладывались на научных конференциях, в том числе V Байкальских международных социально-гуманитарных чтениях (Иркутск, 2011), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социокультурные механизмы преемственности ценностей» (Иркутск, 2012), Международной научно-практической конференции «Социокультурные механизмы преемственности ценностей» (Иркутск, 2013), XVI межрегиональной научно-практической молодежной конференции «Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы» (Иркутск, 2016), Международной научно-практической заочной конференции «Теория и практика приоритетных научных исследований» (Смоленск, 2016). Актуальность диссертационного исследования была подтверждена поддержкой Российского Гуманитарного Научного Фонда (проект № 11-33-00111a2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей») и Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (проект № МК-2493.2011.6 «Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей»).

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНАТИЗМА

1.1. Подходы к определению понятия и критерии фанатизма

В настоящее время в общественной жизни все более возрастает роль фанатизма и связанных с ним негативных социально-политических явлений: радикализации ряда религиозных течений, распространения терроризма и политического экстремизма. Пропорционально увеличивается число научных трудов, анализирующих данные процессы, фанатизм становится предметом междисциплинарных интересов. Тем не менее, пока не выработаны общепринятые основания исследования фанатизма.

Существует множество трактовок термина «фанатизм», поэтому, прежде чем приступить к раскрытию его сущности, необходимо остановиться на наиболее значимых сторонах основных определений. Большинство отечественных и зарубежных исследований фанатизма начинаются с выяснения этимологии понятия. Это связано с разночтениями, присутствующими в научной литературе и философском дискурсе, где пока не сложилось признанной большинством авторов методологии изучения фанатизма, значительно варьируют подходы к выявлению его причин и характеристик, различаются оценки.

На основе анализа литературных источников мы выделяем две основные линии этимологических значений термина. Первая, имеющая наибольшее число последователей, фиксирует его восхождение к латинскому корню «fan» и производным от него «fanum» – жертвенник, священное место, святыня, храм и «fanare» – посвящать, следовательно, «fanaticus» – посвященный.²⁵

Эта линия ясно указывает на первоначальную связь понятия «фанатизм» с религиозной стороной жизни общества: не случайно фанатиками называли

²⁵ Ким В.В. Указ. соч.; Кузнецова М.Н. Указ. соч.; Marimaa K. The many faces of fanaticism //ENDC Proceedings. – 2011. V. 14. P. 29-55.; Toscano A. et al. Fanaticism: a brief history of the concept //Eurozine. 2006. <http://www.eurozine.com/fanaticism-a-brief-history-of-the-concept>; Санаева Т.А. Указ. соч.; Яхьяев М.Я. Истоки и смысл фанатизма. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. 212 с.

жрецов культа богини Кибелы, и лишь позднее термин в нарицательном смысле распространился на других, истово преданных, ортодоксальных представителей жречества. Оценки фанатизма изначально также находились в широком спектре - от безусловно позитивных, подчеркивающих богоизбранность, истовую религиозность адепта, до негативных, акцентирующих ханжество, «веру напоказ», искажение истинного учения, «изверение».²⁶

Вторая этимологическая грань термина восходит к греческому «thanatikos» – «смертоносный»; в соответствии с данной трактовкой «фанатику всегда свойственно пренебрежительное отношение к жизни, как к чужой, так и к своей собственной».²⁷ Влечение к смерти и разрушению подтверждается исследованиями фанатизма в психоаналитической традиции²⁸.

На основе латинской этимологии М. Н. Кузнецовой были выделены четыре смысловые модели термина, акцентирующие широкий спектр значений.²⁹ Первая модель – «фанатик – посвященный» – богоизбранный субъект, обладающий высшим знанием и поэтому занимающий высокие ступени социальной иерархии, изначально позитивна. Вторая модель – «фанатик – святоша, ханжа» имеет две смысловые вариации – богоугодный избранник и «верующий напоказ», лживый в своей сути, преследующий свои цели человек, сочетает позитивный и негативный оценочный смысл. Третий вариант – «фанатик-извер» – от «изверять», т. е. убеждать в своей правоте, либо искажать смысл веры, также имеет две полярности: первая рассматривает позитивный смысл богоизбранной личности, обладающей даром к убеждению, «изверению», распространению богоугодных взглядов, вторая имеет значение извращения смысла веры, носительства ложных убеждений, сопровождающегося гонениями на инакомыслящих. Сюда же этимологически примыкает значение слова «изверг», как человек, готовый к

²⁶ Кузнецова М.А. Указ. соч., с.15

²⁷ Залевский Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 1. Психоисторическая характеристика / Г. В. Залевский // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 67.

²⁸ Концен П. Фанатизм: психоанализ этого ужасного явления. Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. 388 с.

²⁹ Кузнецова М.А. Указ. соч., с.15

насилию, насаждению своих убеждений с помощью жестокости. Четвертая модель этимологического значения термина «фанатизм» исходит из «вдохновенности»: на светлом полюсе это способность «вдыхать Святой Дух», на темном – одержимость «бесовскими мыслями».

Правомерен вывод об исходной семантической неоднозначности термина «фанатизм», при его этимологическом возведении к латинским понятиям «*fanum*», «*fanare*», «*fanaticus*», где первоначально присутствовал и позитивный, и негативный смысл. Этимологическая линия, происходящая от греческого «*thanatikos*», более однозначна в негативно-оценочном отношении.

Термин «фанатизм» претерпел смысловую трансформацию в ходе исторического развития. Уже Цицерон и Тертуллиан использовали его в негативно-оценочном смысле, как синоним суеверия. В XVII в. английские теологи считали эквивалентом фанатизма энтузиазм, оценивая его позитивно. Философы Просвещения П. Гольбах, Д'Аламбер и Д. Дидро связывали фанатизм с недостатками образованности, считая его заблуждением, обусловленным засильем темного религиозного сознания, а Д. Локк подчеркивал его значение в смысле нетерпимости, интолерантности, что также соответствует негативной полярности.³⁰ Наука, развиваясь, должна была развеять эти предрассудки, что, по их мнению, уберегло бы общество от негативного воздействия фанатизма.

Этимология понятия «фанатизм» задает общие контуры его первоначальных смыслов, в то время как определения подчеркивают важные с точки зрения их авторов, сущностные особенности феномена.

Определения фанатизма, в большинстве случаев, имеют суммативистский характер и даются через перечисление его наиболее важных внешних признаков. Задачей концептуализации термина «фанатизм» является выявление исследовательских приоритетов: при недостаточно четкой делимитации границ предметного поля и расплывчатости трактовки, «фанатизм» как категория философского осмысления и социального познания может быть подменен

³⁰ История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Христианство. Л.: Наука, 1978. 318 с.

обыденным, обиходным значением слова, встречающимся в прессе и разговорной речи.

Существует значительное разнообразие дефиниций понятия «фанатизм», поэтому обнаружение «смыслового каркаса» необходимо для выяснения его сущности. Определения фанатизма условно можно подразделить на две группы: первая ориентирована на личностный уровень, вторая подчеркивает социальный характер.

Рассмотрим определения, охватывающий личностный уровень феномена фанатизма, подобранные таким образом, чтобы проиллюстрировать расширение его смыслового поля. Ряд дефиниций выделяет в качестве основного признака идеологию. К примеру, фанатизм в понимании Н. А. Калюжной - «крайняя приверженность человека каким-либо верованиям или идеям, вызывающая неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей», определяется через привязанность к конкретному идеологическому содержанию.³¹

Вера как ключевой признак, фигурирует у В. В. Ким, которая трактует фанатизм как психосоциальный феномен, основанный на существовании в сознании человека особой веры (исступленной, измененной), направленной на определенный объект, который становится центром личностных ориентаций субъекта.³² Данное определение не содержит других признаков, кроме веры, и не раскрывает суть ее изменения.

Оба признака, идеология и вера, дополняются интенцией к деятельности: в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона присутствует следующее определение: фанатизм есть «соединенное с страстным возбуждением всего существа рвение в проведении идей и убеждений, считаемых безусловно верными, хотя бы объективно они и не были доказуемы».³³ Эту линию продолжает включение деятельности: фанатизм обуславливает зависимость

³¹ Калюжная Н. А. Фанатизм: личностные и групповые черты //Философские науки. 2007. №. 9. С. 67.

³² Ким В. В. Критерии фанатизма //Ученые записки Орловского Государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. №. 5. С. 100.

³³ Кареев Н. И. Фанатизм / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / т. XXXV (1902). С. 291.

деятельности от приверженности конкретным убеждениям, идеям и представлениям, по такому же критерию определяется стратегия взаимодействия фанатика с социальным окружением.³⁴

Неполноценность познавательных процессов, и прежде всего - мышления акцентируются Х. Перкинсоном, для которого фанатизм есть догматичный способ мышления, при котором теории, идеология и любые решения абсолютно верны в глазах его адепта³⁵. Фанатик избегает критического мышления, игнорируя, или просто находясь не в состоянии принять во внимание аргументы, факты или следствия, опровергающие его убеждения. Таким образом, идеология, вера, стремление действовать подкрепляются и оправдываются с помощью ущербных когнитивных процессов, характеризующих фанатизм. Это направление развивают психологические исследования фанатизма на уровне индивида и личности, привлекающие внимание к структуре комплекса фиксации, нарушению других познавательных процессов (восприятия, памяти, воображения), волевой регуляции, смыслообразования, целеполагания, обеднению и упрощению эмоциональной сферы, неспособности к эмпатии, выраженности и незрелости психологических защит субъекта. И, наконец, влияние эмоций проявляется в мотивации деятельности: Л. Кэлхаун заостряет внимание на негативном смысле фанатизма, обусловленном узостью мировоззрения фанатика и мотивацией его действий, где главенствует страх.³⁶ В сходном ключе словарь Уэбстера определяет фанатика как личность, обладающую крайним и некритичным энтузиазмом, или ревностностью отношений, в религиозной или политической сфере.³⁷

Вдохновенность, неистовство фанатика, зафиксированное в этимологическом значении термина, проявляется в особенностях социальных

³⁴ Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: Пер. Се, 2007. 464 с.

³⁵ Perkinson H. J. Fanaticism: flight from fallibility //ETC: A Review of General Semantics. 2002. V. 59. №. 2. P. 170-174.

³⁶ Calhoun L. An anatomy of fanaticism //Peace Review. 2004. V. 16. – №. 3. P. 349-356.

³⁷ Fanaticism. Webster Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Gramercy Books, 1996, p. 697.

конфликтов. В современном обществе содержательное наполнение крайней «вдохновенности» и «неистовства» иное, чем в античности, но такой подход обеспечивает фокусировку внимания на эмоциональной составляющей фанатичных состояний. Так, психология религии обращает внимание на экстремальность эмоциональных проявлений фанатизма и симптомы дереализации у его сторонников. Фанатизм определяется как служение или защита идей, объектов, либо ценностей, осуществляемая экстремальным, сверхординарными способами, находящимися за пределами нормы. Причем индикатором, по которому можно опознать экстремальность поведения, служит нарушение личностного, межличностного и социального коммуникативного баланса.³⁸

Статичный, ригидный характер фанатизма проявляется в определении фанатизма как состояния, связанного с личностной структурой, которое «характеризуется убежденностью в необходимости фиксации на каком-то суженном содержании или суженных системах ценностей».³⁹ Отметим, что «убежденность в необходимости фиксации» может быть неосознанной, особенно при значительном развитии психологических защит фанатика. Характеристики фанатизма, дополнительно выделяемые в названной работе: убежденность, высокая степень идентификации с лидером, интенсивность переживаний, продолжительность и настойчивость деятельности, неспособность к компромиссу, диалогу, распознавание инакомыслящих как врагов, невнимание к последствиям своих действий по воплощению сверхценных целей, помещают данную трактовку на пересечении с «эмоциональными» и «деятельностными» определениями.

Определение фанатизма как психопатологического расстройства оперирует категорией состояния психики, находящегося на грани нормы и патологии, возникшего под влиянием психической травматизации и угрожающего причинением физического вреда окружающим людям в результате

³⁸ Hughes M., Johnson G. *Fanaticism and conflict in the modern age*. Frank Cass (Taylor & Francis), Abingdon, Oxfordshire and New York, NY, 2004. 208 pp.

³⁹ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. *Социодинамическая психиатрия*. М.: Академический проект, 1999. 464 с.

насильственных действий, обусловленных следованием сверхценным идеям. Существуют достоверные медицинские данные о том, что своевременная психиатрическая помощь и социальная реабилитация субъектов снижает риск возникновения такой разновидности фанатизма и сглаживает его проявления. Это свидетельствует в пользу правомерности интерпретировать некоторые проявления фанатизма как психопатологическое расстройство.⁴⁰

Определения второй группы, затрагивающие социальный уровень фанатизма, менее многочисленны. Согласно определению П. Концена, фанатизм – преувеличенная, патологическая вера, мировоззрения, ценности, переживаемые с нездоровой пристрастностью.⁴¹ Исследователь полагает, что «приручение» фанатизма в ходе исторического развития – иллюзия, с которой общество рассталось в XX веке. Надежды мыслителей Просвещения не оправдались, и прогресс в совокупности с ростом научных знаний не препятствовал, а зачастую благоприятствовал росту насилия и фанатизма. Здесь также затрагивается деструктивная специфика явления, и отмечается его характер, угрожающий существованию социума. Это понимание созвучно традиции, идущей от Н.А. Бердяева, рассматривать самовоспроизводство социального фанатизма с помощью стратегии принудительного выбора, разделяющего мир на два непримиримых лагеря. Социальное и личностное измерение фанатизма тесно взаимосвязаны, личность фанатика формируется в результате внушенной обществом демагогии, далее распространяя в обществе свои взгляды.⁴² Современный исследователь В. В. Лазуткин полагает, что «фанатизм можно рассматривать как особую разновидность мировоззрения, сущностные черты которой проявляются независимо от конкретного содержания» и отмечает, что зараженное фанатизмом общество само рекрутирует новых фанатиков.⁴³ Роль фанатизма, по мнению названного автора, в социуме двойка, сочетая

⁴⁰ Ахмедова Х. Б. Фанатизм и идея мести у лиц, имеющих посттравматические стрессовые расстройства // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. №2. С. 24-32.

⁴¹ Концен П. Указ. соч., с.16.

⁴² Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. – 1997. Т. 9.

⁴³ Лазуткин В.В. От раскола к цельности: истоки фанатизма // Омский научный вестник. Вопросы философии, 2008. №5. С. 115.

деструктивность и охранительность, необходимую для выживания сообщества в инокультурной среде. Сложно согласиться, что ориентация на насилие и поляризацию мира может способствовать выживанию социума. Насилие, как правило, порождает насилие, деструктивность фанатизма ориентирована не на разрушение отживших структур, освобождающих место новому циклу развития, а на воспроизводство уже устоявшихся мировоззренческих и идеологических постулатов, способствующих отделению человека и сообщества от бытийных основ, противопоставлению их остальному миру. Именно поэтому наиболее обоснованным современным подходом к определению социального фанатизма, по нашему мнению, является дефиниция М. Я. Яхьяева, считающего, что фанатизм есть «иллюзорно-деструктивный способ социального действия, осуществляемого людьми фанатического склада психики, объединяющимися в фанатическое сообщество или организацию. Он характеризуется антигуманными целями, средствами и действиями, направлен на насильственное преобразование социальной действительности в соответствии с антигуманными и абсолютно утопическими идеалами, не считаясь ни с какими жертвами, ориентирован на истребление, порабощение или обращение в свою веру неприемлемых для фанатиков социальных групп и уничтожение социальной реальности, неприемлемой для фанатиков».⁴⁴

Социальные последствия деструктивных действий находятся в центре внимания названного подхода, позволяющего включить в предметное поле фанатизма социальные процессы, институциональные структуры и идеологические программы. Иллюзорность фанатичной идеологии, ее отрыв от реальности может не обнаруживать прямых проявлений в деятельности фанатика или фанатичного сообщества. Достаточно вспомнить огромную популярность мистических телевизионных программ (к примеру, «Битва экстрасенсов») в современном обществе, чью иррациональную идеологию и суеверия в какой-то

⁴⁴ Яхьяев М.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Автореф. дисс. докт. философ. наук. Махачкала, 2006. С.21.

мере разделяют выбравшие эти передачи зрители. В то же время, массовой социальной дезадаптации зрителей не отмечается.

Поэтому при исследовании социального и личностного фанатизма категории идеологии, веры, мировоззрений и ценностей должны быть дополнены понятием деятельности. Мы полагаем, что идеология не может быть признана основополагающим критерием фанатизма; деятельность – важнейший его индикатор. В большинстве источников фанатизм описывается как разновидность «исступленной» преданности какой-либо догме, идее.⁴⁵ Но мера исступленности неразличима. Более правомерно определение сущности фанатизма через способ мышления и деятельности фанатика. В этом случае религиозная (и иная, подчиненная сверхценной идее) деятельность, приверженность абсолютной, с точки зрения адепта, истине и конечной правде, отсутствие критики к собственному образу мыслей и действий, поглощенность мировоззрением своей группы и подчиненность лидеру сочетаются с установкой на немедленные, активные и целеустремленные действия по преодолению несовершенства мира, его «исправлению» в соответствии с завладевшей фанатиком доктриной.

Роль деятельности в социально-философской и социологической мысли подчеркивается с помощью определения ситуации, или «Теоремы Томаса», которая гласит: «Если ситуация определяется как реальная, она реальна по своим последствиям». У. Томас приводит такую иллюстрацию: психически больной человек в стадии обострения убил нескольких людей на улицах Нью-Йорка, так как ему казалось, что эти люди его грубо оскорбляли [] (Ионин, 1995). Таким образом, субъект определил для себя ситуацию как реальную, и в результате она оказалась «реальной» по своим последствиям. Концепция «определения ситуации» побуждает к соединению двух контекстов: первого, представляющего образ мира через систему научно-философских понятий, которыми оперирует исследователь, и второго – мировидения субъекта, индивидов, непосредственно

⁴⁵ Milgram S. The social meaning of fanaticism //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 58-61.

участвующих в социальном действии, по-своему, специфично «определяющих ситуации».

Данная концепция – попытка понять, как субъективные смыслы превращаются в объективные факты – на наш взгляд, необходима при исследовании фанатизма, поскольку разрыв между субъективными смыслами и реальными фактами преодолевается фанатиком с помощью «подгонки» реальности к своей модели мира на основе действий, вытекающих из определения ситуации.

Определения фанатизма должны обнаруживать связь с критериями его выделения. Для установления ее характера рассмотрим и критерии и виды фанатизма.

Чаще всего виды фанатизма определяются как его конкретные проявления, реализуемые в разных сферах общественной жизни либо в разных сферах деятельности общества.⁴⁶ Для этого исследователь очерчивает определенную сферу деятельности и «привязывает» к ней соответствующий вид фанатизма. По содержанию выделяются следующие виды фанатизма: 1) религиозный, 2) политический; 3) правовой; 4) расовый; 5) долга; 6) связанный с искусством; 7) спортивный; 8) фанатизм здоровья.⁴⁷ Практически без изменения эти же виды присутствуют в международной классификации психических расстройств⁴⁸. Отметим, что данная классификация страдает логическими несоответствиями: так, любой из видов фанатизма включает в себя специфическое понимание долга, политический обнаруживает близость с правовым, фанатизм здоровья также близок спортивному, и т.д. Более того, сложно исключить какую-либо сферу общественной жизни из списка потенциально подпадающих под риск возникновения фанатизма.

⁴⁶ Санаева Т.А. Указ. соч.

⁴⁷ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Указ. соч.

⁴⁸ Тимофеева В.Ю. Фанатизм как стремление решить конфликт идентичности // Электронный журнал позитивной психотерапии в России. Vol.1, август 2013 г. // <http://www.positum-russia.ru>. Режим доступа свободный: загл. с экрана.

Типы фанатизма подразделяются на эссенциальный (первичный) и индуцированный (частичный, структурный). Уязвимость этой типологии состоит в том, что любой вид фанатизма по своей сути индуцирован, то есть является результатом научения, индоктринации и социализации неопита в пространстве культурных и идеологических смыслов, идей и ценностей. Эссенциальный фанатик – обладатель «фанатического элемента» в личностной структуре, на основе которого развивается «первичный драйв». Именно этот «драйв» впоследствии наполняется конкретным идеологическим, ценностным содержанием. «Драйву» соответствует внутриспсихический мотив, выходящий на уровень глубинного подсознания, который может рассматриваться в плане влияния коллективного бессознательного.⁴⁹ Критерии типологизации фанатизма разнообразны. Так, П. Концен⁵⁰ предлагает разграничить фанатизм на два основополагающих типа – оригинальный (эссенциальный) и индуцированный. Оригинальный связан с глубинными мотивами и личностными, внутриспсихическими сбоями индивида: «оригинальный фанатик сам выступает автором, генератором какой-либо идеи, веры, определения, которые захватывают его полностью, его чувство идентичности и ценности жизни зависят от его миссии, другие содержания жизни блекнут... индуцированный фанатизм имеет место там, где люди через внешние влияния, массовый энтузиазм, демагогию, внушения оказываются втянутыми в экстремальные состояния. По выражению В. Г. Залевского, индуцированные фанатики «идут в фарватере» оригинального фанатика, это адепты сект, члены террористических и экстремистских организаций.⁵¹

Деление на индуцированных и эссенциальных фанатиков весьма небесспорно: по сути, речь идет о выраженности проявлений фанатичного сознания, а компонентная структура его остается одинаковой у обоих типов.

⁴⁹ Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Указ. соч.

⁵⁰ Концен П. Фанатизм: психоанализ этого ужасного явления. Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. 388 с.

⁵¹ Залевский Г. В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 50.

Совершенно иной путь типологии фанатизма предложен в рамках цивилизационного подхода: западная, восточная и отдельно взятая российская «линии» трансформации фанатизма развиваются относительно самостоятельно, причем основное внимание в их анализе уделяется кризисным, переходным ступеням развития: античность – феодальное общество, средневековье – становление промышленного капитализма, индустриальный капитализм – информационное общество.⁵² При этом формы фанатизма тесно коррелируют с религией, доминирующей в изучаемой цивилизации. В то же время, упомянутый автор вынужден выделить виды фанатизма, подобно перечисленным выше, поскольку, по его мнению, время доминирования религиозного общественного сознания в большинстве обществ осталось в прошлом. Основная общественная угроза заключается в противоборстве «реакционного религиозного фанатизма нетрадиционных религиозных движений с альтернативным специфическим нерелигиозным социально-политическим фанатизмом, а также в противостоянии этих видов фанатизма формирующейся новой нефанатической общечеловеческой гуманистической идеологии».⁵³

В строгом смысле нерелигиозный социально-политический фанатизм – не вид фанатизма, скорее, это родовая категория, объединяющая несколько видов, поэтому при всех недостатках и описательном характере выделенных выше видов фанатизма, приходится признать их функциональность, полезность до определенного предела.

С ростом влияния светской культуры в обществе произошло метафорическое перенесение изначально религиозного термина на иные сферы, и выделился, помимо религиозного, фанатизм в культуре, политике, юриспруденции. Религиозный фанатизм – наиболее изученный вид фанатизма, содержит в себе большинство характеристик, которые с меньшей интенсивностью, но все же проявляются в других видах. В наиболее общем виде

⁵² Яхьяев М.Я. Истоки и смысл фанатизма. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. 212 с.

⁵³ Яхьяев М.Я. Указ. соч., С.158.

он трактуется как установка на восприятие отличных от наших качеств другого в духе крайней нетерпимости.⁵⁴

В то же время в самом религиозном фанатизме заложено противоречие: личность фанатика всегда соотнесена со сферой профанного: силой утверждая свою идеологию и веру, низвергая чужих богов, нападая на храмы, оскверняя реликвии, покушаясь на несхожее мировоззрение и ценности, фанатик уже «выброшен» из сферы духовного и сакрального, поскольку такое поведение несовместимо с подлинным переживанием личностной глубины.

Следует отметить еще один аспект использования термина «фанатизм» как инструмента стигматизации, наклеивания ярлыков: люди с мировоззрением, отличающимся от мировоззрения привилегированного большинства, часто маркировались как «фанатики». Эта манипулятивная роль П. А. Флоренским обосновывается следующим образом: общепризнанное неприятие и конкуренция разных конфессий и толков внутри конфессий означает как «фанатичное» следование ненастоящей вере. Таким образом, приверженцы одного подхода полагают «фанатиками» сторонников другого, и наоборот.⁵⁵

К примеру, Лютер считал деятелей крестьянских восстаний, разрушающих святыни, фанатиками, но сам в своих сочинениях призывал к разрушению католической церкви в 1520 г., к кровавому подавлению крестьянских восстаний в 1525 г. и преданию огню еврейских синагог и школ в 1543 г.⁵⁶

Мы полагаем, что с понятием «религиозный фанатизм» сходны такие виды фанатизма, как этнический, политический, расовый. Налицо их отличия от музыкального, спортивного, литературного «фанатизмов», состоящие в большей идеологизированности, субъективной значимости и огромной роли в личностной и групповой самоидентификации. Даже этимологические истоки побуждают к проведению границы между фанатизмом (религиозным, политическим,

⁵⁴ Шарипова Э. М. Формы религиозного фанатизма в научном дискурсе // *Фундаментальные исследования*. 2015. №. 2-24. С. С.5529 -5534.

⁵⁵ Флоренский П. А. Записка о православии // *Православие: pro et contra / сост., вступ. ст., коммент. В. Ф. Федорова*. СПб.: 2001. С.298-305.

⁵⁶ Colas D. *Civil Society and Fanaticism: Conjoined Histories*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997. P.15.

этническим, идеологическим) и фанатством (фэндомом) – спортивным, музыкальным, кино- и театральным. Эти различия лежат в сфере интенсивности и разнообразия проявлений признаков: у фанатов они сводятся к сбору информации об объекте почитания, формированию стиля и облика, подражанию кумиру, заимствованию части поведенческих черт, а у фанатика подчиняют все его бытие без остатка.

Представленная неоднозначность определений фанатизма имеет параллели в разнообразии критериев его выделения. Вопрос о надежных и корректных критериях фанатизма важен не только в теоретическом, но и прикладном плане, для того чтобы квалифицировать определенную деятельность, либо идеологию, как фанатичную.

При значительном смысловом разбросе трактовок фанатизма, проблема выработки четких критериев его определения пока не решена. Существующие критерии, позволяющие обозначить фанатизм, как целостный феномен, разнообразны и выделяются по неодинаковым основаниям.

В. В. Ким отмечает, что в основе фанатизма находится вера в некую идею, идеологию, и концентрируется в основном на психологической стороне явления. Ею названы следующие критерии:

- неспособность к умеренности (склонность к аффектам);
- интенсивность социально-психологического состояния;
- неспособность критически мыслить;
- страсть как психологическая (эмоциональная) устойчивая характеристика;
- некритичная преданность, часто отождествляемая с зависимостью.

Названный автор полагает, что «фанатик не может быть связан с чувством меры, поскольку психологически он склонен к аффектам».⁵⁷ Иными словами, в данном подходе характеризуется не содержательные (что?) и генетические

⁵⁷ Ким В. В. Критерии фанатизма //Ученые записки Орловского Государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2012. №. 5. С. 101.

(почему?) стороны фанатизма, а его операциональная грань (каким образом?) – описывая фанатизм как интенсивное, аффективное состояние с отсутствием критики.

Финский автор К. Маримаа выделяет сходные, преимущественно психоментальные критерии фанатизма:

- непоколебимую убежденность в своей абсолютной правоте;
- стремление навязать другим свои убеждения;
- жертвенную посвященность цели;
- преданность, которая, как состояние, важнее объекта преданности;
- дуалистическое мировоззрение.⁵⁸

Исследователь придерживается взгляда на универсальность феномена фанатизма. Его элементы могут присутствовать практически в любой сфере человеческой деятельности, а не только в политике и религии. Конкретная социальная среда может стимулировать проявления фанатизма, и индуцировать фанатичное поведение, но все же фанатизм в большей степени связан с личностной размерностью. Так же, как Т. Н. Санаева, К. Маримаа полагает, что фанатизм – не всегда негативный феномен. Он может быть «хорошим» или «плохим» в зависимости от того, какие побудительные мотивы лежат в основе фанатичных действий. К такому заключению данный автор пришел, рассматривая фанатизм, прежде всего, как поведенческую характеристику, а не феномен личностного сознания. В то же время критерии, предложенные выше, имеют явственную психологическую направленность, не затрагивая ни содержательные, ни генетические аспекты фанатизма.

Подход М. Н. Кузнецовой, исследовавшей религиозный фанатизм, выразился в более широком наборе признаков, включающих не только психологические, но и социально-философские основания. Автор выделяет следующие критерии:

⁵⁸ Marimaa K. The many faces of fanaticism //ENDC Proceedings. – 2011. V. 14. P. 29-55.

- полную поглощенность (тотальную суженность) религиозного сознания, во-первых, идеей духовного спасения, как личного, так и коллективного, во-вторых, поиском наиболее эффективных путей достижения этой цели на базе «истинной» религиозной концепции;
- ориентированность на немедленное практическое воплощение в практике религиозных норм и идеалов, признанных фанатиком в качестве единственной истины;
- существование личной неосознанной цели, которая подменяет собой религиозную истину, но отождествляется религиозным фанатиком с требованием религиозной истины;
- повышенную степень личной ответственности за «истинность» религиозной веры окружающих;
- повышенный эмоциональный фон восприятия идеи спасения.⁵⁹

Отличие фанатика от верующего состоит в том, что фанатик стремится немедленно достичь спасения посредством практического воплощения своей истины, верующий стремится гармонично выстроить жизнь на основе системы нравственно-религиозных ценностей. Фанатик отрицает важность и ценность всего, кроме спасения.

Здесь пролегает граница между фанатизмом и преданностью, героизмом. Мы не разделяем точку зрения Т. Н. Санаевой⁶⁰ о позитивном фанатизме ученых, деятелей культуры и героев-патриотов, поскольку фанатичные состояния исключают рефлексию и свободный выбор, а героизм отличается как глубокой личностной зрелостью субъекта, так и тем, что героический поступок – результат морального выбора, а не характерного для фанатика суженного сознания и запрограммированного поведения.

Манипуляция ярлыками также может быть признана косвенным критерием, указывающим на возможность фанатичного содержания идеологии, либо поведения. К примеру, войска США, принимая решение о ядерной бомбардировке

⁵⁹ Кузнецова М.А. Указ. соч. С.22

⁶⁰ Санаева Т.Н. Указ. соч.

японских городов в конце Второй мировой войны, аргументировали свою позицию борьбой с японскими фанатиками, но несоразмерность ядерной атаки объектам – городам, населенными мирными жителями, указывает на фанатичность применённых мер.

Сформулируем основные выводы относительно определения понятия «фанатизм» и его критериев.

- Изначально существовало две этимологические линии, связывающие понятие фанатизма с латинским «*fanum*» (жертвенник) и греческим «*thanatikos*» (смертоносный). Трактовка фанатизма претерпела изменения: от соединенности с культом и божественным вдохновением в древние и античные времена, к связи с ненаучными суевериями, мотивирующими людей на неразумные поступки (в философии Просвещения) и далее к нетерпимости и насилию в отношении людей, непохожих на членов своего сообщества, либо не разделяющих взгляды фанатичной личности или группы. Приведенные примеры формулировок фанатизма показывают полезность этимологического исследования, иллюстрируя расширение смыслового поля термина с течением времени.
- Проблема выработки критериев фанатизма не решена до настоящего времени. Существуют противоречия между дефинициями фанатизма, трактующими его как личностный и социальный феномен, описывающими особенности сознания, мышления и деятельности фанатика и предлагаемыми (часто – теми же авторами) более узкими по смысловому охвату критериями, которые сконцентрированы на психологической стороне фанатизма. К таким критериям относятся: религиозная (и иная деятельность), подчиненная сверхценной идее, приверженность абсолютной, с точки зрения адепта, истине и конечной правде, отсутствие критического отношения к собственному образу мыслей и действий, аффективная напряженность. Поглощенность мировоззрением своей группы и подчиненность

лидеру сочетаются с установкой на немедленные, активные и целеустремленные действия по преодолению несовершенства мира, его «исправлению» в соответствии с завладевшей фанатиком доктриной.

- В итоге обзора основных определений социального и личностного фанатизма можно заключить, что в основу его смыслового каркаса заложены категории идеологии, мировоззрений, ценностей, коммуникаций с миром, эмоциональных состояний и когнитивных процессов. Определения фанатизма адресуются либо к личностному, либо к социальному уровню, но взаимосвязь данных уровней в существующих дефинициях не подчеркивается.
- В то же время ни одно из приведенных определений не рассматривает фанатизм с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей, упуская из виду понимание фанатизма как следствия блокировки высших потребностей и невозможности достижения личностью самоактуализации. На наш взгляд, теория человеческих потребностей позволяет ответить на вопросы о социально-исторических предпосылках зарождения фанатизма, его эволюции, специфике проявления в традиционном и современном обществе, показать связи между идеологией, социальными условиями, рациональностью, рационалистичностью и психологией фанатизма. Поэтому в качестве рабочего определения нами сформулировано следующее понимание фанатизма: современный фанатизм есть системная деформация личности и общества, характеризующаяся догматизмом, рационалистичностью, ориентацией на антиценности, поляризацией мира, ориентированная на саморазрушение и деструктивную деятельность, возникающая в условиях невозможности удовлетворения высших духовных потребностей, механизм которой заключается в переводе внутреннего конфликта личности во внешний мир. Иными словами, в нашем понимании фанатизм возникает как

ложная компенсация невозможности удовлетворения высших потребностей личности.

1.2. Проблема фанатизма и человеческие потребности

В комплексе современных наук о человеке системе потребностей отводится одно из важнейших мест. Мы исходим из расширительного толкования потребности, как внутренней необходимости активной деятельности социальной системы, представляющей собой совместный продукт индивидуальной жизни организма и реализации социально-личностных ролей индивида в обществе.⁶¹ Потребности соотносятся с индивидуальным и с социальным уровнями бытия. Поэтому для целей рассмотрения фанатизма как социального и личностного феномена используем системную трактовку, в которой потребности рассматриваются как динамические категории. Остановимся на наиболее значимых для нашей темы моментах. В теории человеческих потребностей доказано, что без общественной деятельности функционирование и формирование потребностей невозможно, ведь они аккумулируют жизненные силы, энергию развития и творчества отдельных индивидов в своей свободной реализации.

П. В. Симонов рассматривает личность в качестве неповторимого, индивидуального сочетания и внутренней иерархической структуры трех категорий потребностей – витальных, социальных и идеальных.⁶² Зададимся вопросом, существует ли связь личностного и социального фанатизма с удовлетворением, либо фрустрацией низших и высших потребностей, тем более что анализ литературы по теме не дает однозначного ответа. Распространенная точка зрения о том, что фанатизм представляет собой психологическую деформацию, превращая индивида в субъекта, одержимого навязчивыми

⁶¹ Туев В.А. Динамика потребностей личности [Электронный ресурс]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2015.

⁶² Симонов П. В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопросы психологии. 1982. №. 6. С. 44-56.

сверхценными идеями и склонного к насилию, догматизму и насаждению своих взглядов, является проявлением психологизации, когда содержание понятия считается преимущественно субъективным. Таким образом отрицается внутренняя объективная детерминированность фанатичного субъекта. Потребностная парадигма вскрывает объективные стороны фанатизма, поскольку ее исходная посылка состоит в единстве объективной и субъективной детерминации: «процесс удовлетворения потребности зависит от сознания субъекта, в то время как сама внутренняя необходимость действия по ее удовлетворению от сознания не зависит – иначе последует разрушение или гибель телесных и духовных структур субъекта, неважно, социальный либо индивидуальный субъект имеется в виду.⁶³

Поэтому перейдем к анализу фанатизма в контексте удовлетворения потребностей. Следует отметить, что гармоничной личности свойственна развитость высших потребностей, их реализация способствует раскрытию потенциала человека на благо социума. Дисгармоничная личность, напротив, отличается сбоями в формировании и реализации потребностей, особенно высших, социальных и идеальных. Высшие потребности индивида, будучи реализованными, «работают» на благо всего социума, выражая активное отношение личности к своей среде. Социальные потребности в рамках данной парадигмы - это потребности общества, его институтов, групп, организаций. И социальные, и личностные потребности образуют систему - функцией которой является сохранение общественного инварианта, сохранения в свою очередь, социума как системы. Таким образом, социальные потребности, понимаемые как внутренняя необходимость, и проявляющиеся в своей реализации в избирательном и деятельном отношении человека к своей социальной действительности, способствуют социальному развитию.

При психологизации феномена фанатизма и сведении его к девиации индивидуального сознания ускользает связь между социальными условиями и характером высших потребностей фанатичной личности. Между тем, социальные

⁶³ Туев В.А. Указ. соч.

условия могут препятствовать либо способствовать потребностной реализации индивида, поэтому в теории человеческих потребностей роль социально-экономической ситуации является обязательным историческим контекстом их развития. Расширительная трактовка потребностей связана с понятием «присвоения» индивидом нужд развития общества.⁶⁴ Для такого присвоения нужно осознанное отношение человека и к своим нуждам, и к специфике общества. При этом человек рефлексивно осознано соотносит свои потребности с обществом и окружающим миром, осознает зависимость от них и одновременно собственную творческую, созидательную роль в развитии общества».⁶⁵

Каким же образом происходит присвоение индивидом потребностей общества? Поскольку невозможно отрицать, что потребности индивидов находятся в динамическом взаимодействии с потребностями социума, они должны совместно реализоваться, что и происходит в системном инварианте общества - его социальной норме. Социальная норма в свою очередь, наиболее полно воплощается в понятии социокультурной традиции. Отметим, что основной функцией традиции как социальной нормы является аккумуляция индивидуального и социального опыта, его «окультуривание» и межпоколенная преемственность.⁶⁶ Традиция, до определенных пределов, консервативна, а предел этот определяется мерой реализации социальных и индивидуальных потребностей. Процесс реализации имеет необходимой предпосылкой этап интериоризации, когда потребности индивидов входят в культурную традицию и становятся ее частями настолько, что уже не могут быть помыслены вне традиции. Инвариант социокультурной традиции также соответствует инварианту социальной системы.

⁶⁴ Магун В. С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст // Вопросы психологии. 1985. №2. С. 118-126.; Радаев В. В. Потребности как экономическая категория социализма. М.: Мысль, 1970. 222 с.

⁶⁵ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.

⁶⁶ Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений // Методологические проблемы исследования этнических культур: матер. симпозиума. Ереван: Изд-во Армянской ССР, 1978. 9 с.

Если исходить из названных положений, то реализация индивидуальных и социальных потребностей способствует сохранению и развитию общества. Деструктивность фанатизма противостоит этим целям, и, следовательно, фанатизм должен сопровождаться нарушением баланса личностных и социальных потребностей. Здесь необходимо рассмотреть вопрос о том, почему в одном случае происходит возвышение потребностей, личность стремится к самореализации и духовному росту, в другом же она побуждается к сужению мировоззренческого горизонта, упрощению мышления, отказу от самостоятельного мыслетворчества, идеалов гуманизма в пользу схематичного, поляризованного восприятия общества и окружающей реальности. Общественный идеал влияет не только на гармонизацию потребностей личности; социальные условия могут способствовать развитию фанатизма и радикализации сознания индивида.

Взгляд сквозь призму потребностей личности предусматривает их высшее выражение – самоактуализацию, под которой понимается реализация личностного потенциала, гармоничное самовыражение, стремление человека к идеалу. Корни психологического неблагополучия личности, согласно теории А. Маслоу, находятся в дисгармонии разворачивания спектра потребностей – от витальных до высших психологических и духовных.⁶⁷ И если первая, базовая часть пирамиды потребностей не может игнорироваться, а при сбоях в удовлетворении активизирует мотивацию лишения, то удовлетворение потребностей второй части пирамиды связано с мотивацией роста, – расширяя горизонты личности, делая уникальной и наполненной ее жизнь, мотивация роста направлена на актуализацию человека с помощью мотивов доброты, целостности, совершенства, красоты, истинности, творчества.

Высшие духовные потребности, помимо средства самореализации личности, обладают ценностью для всего общества, поскольку в результате их гармоничного и свободного удовлетворения крепнет и развивается культурная

⁶⁷ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.; Леонтьев Д. А. Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу // Вопросы психологии. 1987. Т. 3. С. 150-158.

традиция. Индивид в процессе творчества выходит к формированию новых потребностей, которые, будучи аккумулированы до состояния «критической массы», вызывают качественную и количественную трансформацию потребностной структуры общества и его социальной активности. Таков потребностный аспект социального прогресса. При этом реализация высших потребностей может предпочитаться витальным, если это соответствует убеждениям человека: «формирующиеся у человека высшие потребности не накладываются сверху на элементарные, образуя лишь поверхностные наслоения, не способные доминировать. Напротив, когда в жизни человека на одну чашу весов ложатся фундаментальнейшие из его витальных потребностей, а на другую – его высшие потребности, то перевесить могут как раз последние. Классический образ мученика, восходящего на костер — это, конечно, не символ извращения, перверсии потребностей, а символ их высшей очеловеченности».⁶⁸ Характер потребностей, лежащий в основе мотивов деятельности, позволяет разграничить фанатизм и героизм. Непреодолимый рубеж между фанатизмом и преданностью идее, истине отмечал Н. А. Бердяев: «Возможна страстная любовь к свободе и к истине, пламенная приверженность идее, но – при огромном внимании к человеку, к человеческому пути, к человеческому исканию истины».⁶⁹ Невнимание к данному аспекту приводит исследователей в методологический тупик, когда самопожертвование на благо общества рассматривается как «фанатизм», пусть даже с прилагательным «позитивный», как это делает Т. Н. Санаева⁷⁰, а следование витальным потребностям трактуется как отсутствие фанатизма.

Чтобы проследить процесс искажения потребностей обратимся к случаю развития фанатизма на примере восприятия религиозных предрассудков, где потребности играют ключевую роль. Как правило, усвоение предрассудков – результат научения, но своей фанатичной стадии он достигает только в

⁶⁸ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание // XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум. 1966. Т. 13. С. 32.

⁶⁹ Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. – 1997. Т. 9. С.67.

⁷⁰ Санаева Т.Н., Указ. соч.

определённых условиях. «Некоего ребенка обучили обычному для взрослых комплексу идей. Христос пришел в мир, чтобы спасти всех людей, черных, коричневых и белых, – но произойдут страшные вещи, если кто-нибудь небелый будет жить по соседству ...церковь, к которой принадлежит его семья – самая лучшая, а все остальные – хуже, ...отец небесный оказывает милости, когда его попросят, но особенно детям, принадлежащим к избранным»⁷¹. Обратим внимание что исходные предписания, содержание обучения, его семантика противоречива. Само содержание провоцирует человека на конфликт с самим собой. Далее возможны два пути развития взглядов ребенка, две когнитивных модели – потенциально фанатичная, и потенциально толерантная. В первом случае ключевым фактором, обуславливающим закрепление установок фанатичного сознания, являются неудовлетворенные потребности субъекта.

Именно к потребностям апеллирует содержание предложенной ребенку когнитивной модели: если у субъекта имеются психологические проблемы, связанные с тревожностью, низкой самооценкой и дефицитом доверия, это говорит о потребностях в альтруизме, аффилиации, базового доверия к миру. Фрустрирование этих важнейших потребностей влечет усвоение когнитивной модели фанатизма. В случае с более благополучным ходом удовлетворения потребностей фанатичное мышление не формируется. Рассматривая дефицитарность потребностей, Оллпорт приводит последовательность гипотетических рассуждений, приводящих к нарциссизму и фанатизму: «Бог равнодушен ко мне. С помощью молитвы я могу вызвать Его особое расположение. Его роль заключается в том, чтобы пожаловать мне безопасность и другие блага. Моя жизненная система – это система исключения, отсечения тех соседей, которые не относятся к моей группе и угрожают моему комфорту. Моя религия и мои пристрастия вместе служат моему стилю исключения».⁷²

Различие принципиально – разделительная внешняя религиозность, замешенная на страхе, – источник и порождающий субстрат фанатизма,

⁷¹ Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. С.136.

⁷² Оллпорт Г. Указ. соч., с. 136

объединяющая внутренняя религиозность, основанная на эмпатии и ограничении догмы смирением – дорога к духовному развитию и противоядие фанатизма.

Для компенсации пустоты смыслов личность может прибегнуть к фанатичной идеологии. Это происходит на фоне дисгармоничного психосоциального и социокультурного развития, когда социальные условия складываются таким образом, что высшие потребности, в том числе и потребность в творческом, свободном труде не получили свободного развития. Для заполнения духовной пустоты человек стремится использовать фанатичные установки, дающие ему иллюзию жизненных смыслов.

Состояние «экзистенциального вакуума» и предпосылки его формирования описаны В. Франклом: «Во-первых, в отличие от животных, побуждения и инстинкты не диктуют человеку, что он должен делать. Во-вторых, в противоположность прошедшим временам, ни условия, ни традиции, ни ценности не говорят, что ему должно делать; и часто он даже не имеет представления, что же он хочет на самом деле. Вместо этого он желает делать то, что делают другие, или он делает то, что от него ожидают другие...» (Франкл, 2000, с. 288). Здесь названа триада важнейших императивных требований к человеку: он должен делать неизвестно что, он не знает, чего хочет и поэтому вынужден подражать поведению большинства, пытаться соответствовать его ожиданиям.

Фанатизм «работает» на отсечение – частей себя, мира, соседей, других людей. Он глубоко внутренне конфликтен, отличаясь непреодоленным кризисом, не приводящем к внутреннему личностному росту. В сочетании с дефицитом базового доверия и субъективным чувством враждебности социальной, культурной и природной среды, мира вообще, такие особенности самовосприятия побуждают человека сделать несколько шагов в развитии назад, отказавшись от своей целостности. Если же социальные условия не поощряют духовные поиски личностного смысла, то названные процессы усугубляются. Становление фанатизма связано с попыткой спрятаться – в понятный черно-белый мир идеологических догм, правил, который позволяет преодолеть внутренний хаос и боль становления личности, давая взамен иллюзию обладания конечной,

предельной истиной. Убежище фанатичной идеологии предоставляет личности долгожданный идеал. И этот идеал «выше человека, неадекватен как эпистемологически, так и генетически и функционально».⁷³ Фанатичное сознание запрашивает свою цену за иллюзорный покой и свободу от внутренней конфликтности: подавляя высшие потребности и таким образом переводя внутренний конфликт во внешний мир, фанатик приносит себя в жертву как уникальную, саморазвивающуюся личность.

Современная эпоха характеризуется значительным ростом информационной нагрузки на человека. В этой связи ставится вопрос о выделении особого класса «психических потребностей», не примыкающих ни к духовным, ни к материальным и заключающихся в необходимости новых впечатлений, информационном насыщении.⁷⁴ В то же время, данный автор упускает мотив – связано ли удовлетворение данных потребностей с личностным ростом и самореализацией, либо с потреблением впечатлений, аналогично потреблению вещей, что особенно актуально в наше время, когда информация в виде бесконечного потока развлекательных программ способствует не развитию, а регрессу личности. Поэтому целесообразно не выделять психические потребности в особый класс, а считать их составной частью и духовных и материальных потребностей, в зависимости от целей, на достижение которых они направлены, поскольку те и другие функционируют прежде всего в психике субъекта.

Таким образом, мы приходим к пониманию фанатизма как феномена, сопряженного с постоянным неудовлетворением потребностей. Справедливость этого вывода также подтверждается с точки зрения теории фрустрации. В данном подходе агрессивность считается ответной реакцией на отказ в удовлетворении жизненно важных потребностей личности, при этом вина за их неудовлетворение приписывается окружающим людям.⁷⁵ Когнитивно-поведенческие теории расширили взгляд на природу связи агрессивности с неудовлетворением

⁷³ Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005.С.11.

⁷⁴ Вальцев С.В. Являются ли психические потребности духовными? //Проблемы современной науки и образования. 2012. №7. С. 1-3.

⁷⁵ Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 2001. – 352 с.

потребностей: к фрустрированным потребностям был добавлен второй важнейший компонент – социальное научение.

В подходе Л. Берковитца выделены основные когнитивные процессы, способствующие формированию агрессивных установок поведения и их связи с потребностями.⁷⁶ Проведем их сопоставление с особенностями личностного фанатизма.

Во-первых, необходимо наличие фрустрации потребностей. Как мы отмечали, фанатик имеет комплекс высших потребностей, фрустрированных в своей реализации: психологические защиты и перенос влекут негативные оценки окружения.

Во-вторых, субъект должен позитивно воспринимать агрессивный стиль поведения. Фанатику свойственно проецирование негативного содержания собственного мироощущения в оценки окружения, при этом агрессивность в методах насаждения своего образа мыслей и поведения считается социально одобряемой в групповой среде фанатично настроенных единомышленников.

В-третьих, необходимо наличие эмоционального состояния сверхвозбуждения, аффекта, стресса, который требует разрядки. И этот признак также отмечается для фанатичной личности.

В-четвертых, требуется объект для агрессивного поведения, с помощью которого может быть сброшен накопленный негативный психоэнергетический потенциал и устранена фрустрация. Для фанатика с дуалистичным сознанием и четкостью границ между добром и злом, праведным и неправедным наличие такого объекта неизменно, объект постоянен и неустраним, поэтому он является своеобразным «спусковым крючком», лишь на время позволяющим фанатику сбросить небольшую часть напряжения.

По всем признакам когнитивного подхода теории научения Л. Берковитца, формирование агрессивного поведения на базе фрустрации потребностей коррелирует со спецификой фанатизма личности. Но, в то же время, глубина

⁷⁶ Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: examination and reformulation // Psychological bulletin. 1989. V. 106. №. 1. P. 59.

выраженности конкретных характеристик позволяет дифференцировать агрессивное и фанатично-агрессивное поведение. Еще одним следствием фрустрации высших потребностей является социальная и личностная стагнация, свойственная фанатизму.

Фанатик помещен в «дурную бесконечность», и принужден тиражировать свои привычные поведенческие модели, страхи, комплексы и догмы на протяжении всего времени своей жизни, пока им отвергается реализация высших духовных потребностей, собственное творческое начало и диалог с Другим. Здесь возникает вопрос о социальных следствиях «заикленности» фанатичного субъекта. Интериоризированный опыт поколений, как содержание культурной традиции, в определенный момент перестает соответствовать новым потребностям общества. Возникает «пороговое» состояние, из которого возможно движение как в сторону прогресса, так и регресса. Поскольку личное и социальное сливаются в потребностях, потребность – «совместный продукт» общества и индивида, то общество на пороге перемен неустойчиво и обладает повышенным риском развития фанатизма. В механизме его формирования важное место занимает регресс потребностей индивида, переводящий их в спящее, латентное состояние, которое, согласно А. Маслоу, чревато экзистенциальным нездоровьем.⁷⁷

Между тем потребности формируют «мост» между объективными и субъективными факторами социального и индивидуального развития: «Процесс удовлетворения потребности зависит от сознания субъекта, в то время как сама внутренняя необходимость действия по ее удовлетворению от сознания не зависит - потребность должна быть удовлетворена, иначе телесные и духовные структуры субъекта подвержены риску разрушения и даже гибели».⁷⁸ Потребность в данном понимании – объективное отношение человека к окружающей его реальности. Помимо перехода в латентное состояние, чтобы при случае возникнуть с новой силой, потребности могут удовлетворяться по гипо- и

⁷⁷ Маслоу А. Указ. соч.

⁷⁸ Туев В.А. Указ. соч. С.56

гиперкомпенсационному сценариям.⁷⁹ Критерием функциональности компенсации удовлетворения высших потребностей является полезность его результатов для индивида и общества. В случае фанатизма компенсаторные эффекты не обогащают ни личность, ни общество, они кратковременны. Поэтому целесообразно говорить о процессе потребностных подмен. Потребности высшего уровня у фанатика подвергаются существенному искажению, теряя свою сущность. Так, потребность в самоактуализации блокируется и принимает характер потребности в насаждении, инфицировании собственной идеологией и поведенческими программами окружающих людей. Таким образом, эта подмененная потребность не может быть признана способствующей личностному раскрытию, самореализации, хотя в то же время она не относится к материальным, витальным. Мотивационное ядро фанатичной личности активно, оно подпитывается отсутствием сомнений, ощущением сверхценной миссии. Потребность в идеологическом доминировании, насаждении своей точки зрения движима интересами эго, а потребность в самоактуализации, раскрытии своей миссии соответствует выходу за пределы эгоистических интересов к бытийной основе личности.

Компенсаторная «зацикленность» фанатика, переориентация его с подлинных потребностей на подмененные, «псевдопотребности» создает личностный и социальный тупик. Выходом из него могла бы стать реализация личности в творческом труде. Творческая природа свободного труда – основное условие самореализации личности, и, следовательно, реализации высших потребностей. Капиталистические отношения делают в большинстве случаев свободу труда недостижимой, более того, блокируют самовыражение личности в творческом труде. Обосновывая деструктивную природу отчуждения труда при капитализме, К. Маркс (1955) отмечает, что труд для работника не обладает внутренней, ценностной значимостью, будучи лишь средством удовлетворения

⁷⁹ Беляев И. А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. №2 (96), февраль. С. 24-30.

иных потребностей. Таким образом, высшие потребности в самореализации и в свободном творческом труде тесно связаны, являясь каждая условием другой. Но при капитализме «...труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы». ⁸⁰Поскольку труд служит не целью, а средством удовлетворения иных, как правило, базовых потребностей, отчуждение труда ведет работника не к личностному развитию, а к стагнации и регрессу⁸¹. Конечно, личностная стагнация не означает обязательного следования фанатизму. Как мы уже отметили, когда труд теряет значение цели, творческой, преобразующей личность, созидательной силы, становясь средством, позволяющей продолжить потреблять, вместо развития личности, происходит «раздувание» Эго. Вместо движения вверх, преодоления личностью своих ограничений, происходит движение по кругу, заикливание, поскольку потребление может обеспечить человека новыми вещами и впечатлениями, но не в состоянии дать ему новые жизненные смыслы, создать вокруг него коммуникативную среду, способствующую самореализации. Эта ситуация благодатна для усвоения фанатичных моделей поведения и мышления.

Почему же потребности, которые удовлетворяются за счет превращения отчужденного труда в средство, витальные? Разве не может человек, отработав положенное время на работодателя-капиталиста, занимаясь нетворческим, принужденным трудом, в свободное время перейти к реализации высших, духовных потребностей? Не отрицая возможности такого развития событий, подчеркнем, что для капиталистического общества это скорее исключение, чем правило. Если отчужденный труд, согласно приведенной мысли К. Маркса, не есть удовлетворение потребности в труде, а без творческого труда

⁸⁰ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. Сочинения. М.: Политиздат. 1955. Т. 1974. С. 75.

⁸¹ Зарева Л.С., Рабцевич А.А. Проблемы отчуждения труда // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/7267> (дата обращения: 28.04.2016).

самореализация личности невозможна, то наемный работник должен суметь совместить эти два вида труда. Прежде всего, это непросто, хотя бы потому, что для сохранения здоровья должны быть удовлетворены базовые потребности в сне, отдыхе, общении. Те немногие личности, которым удается еще и сконцентрировать силы на духовном развитии, обладают значительным волевым потенциалом, направленным на целеполагание и смыслообразование, и прибегают к осознанному самоограничению в удовлетворении витальных потребностей.

В эпоху становления промышленного капитализма была сильна роль традиций как системообразующей структуры общества. Поэтому труд, помимо жизнеобеспечения, также был средством удовлетворения потребностей аффилиации – заботы о своих близких, воспитания детей, соответствия принятым в обществе образам «хорошего» отца / матери, сына / дочери, члена семьи, общины, этноса. С развитием капитализма ситуация меняется: происходит размывание традиционных ценностей, падает роль семьи, народных обычаев и национальной культуры, личность атомизируется, рвутся ее глубинные связи с социумом.

Если в капиталистическом обществе XIX века основным ограничением творческого труда для пролетариата выступали такие характеристики эксплуатации, как значительная продолжительность рабочего дня и тяжелые условия, отчуждение от результатов труда, которые не оставляли работнику ни свободного времени, ни физической возможности заниматься творчеством, то в современном обществе потребления ситуация несколько иная.

Облегчение условий труда и увеличение продолжительности свободного времени не всегда используются современным человеком для реализации духовных потребностей, поскольку общество потребления пытается сформировать «зацикленные» на реализации витальных потребностей поведенческие модели своих граждан. «Вы этого достойны» – слоган, рекламирующий товары, довольно символичен, поскольку затрагивает тему статусных притязаний, достоинства и самоуважения. Все они сводятся к вещи,

часто – пустячной, предмету бытового обихода. Налицо намеренное сужение горизонта личности, обеднение и искажение смыслов бытия. Поэтому недостаточность реализации «духовно-душевных» потребностей и способностей и несостоятельность компенсации данной недостаточности является необходимым условием формирования фанатизма.⁸²

Фанатичная идея, заключающая в себе фанатичную ценность, в своей отдаленности от целостной, раскрывающейся к миру и Богу, экзистенциальной человеческой природы, может быть названа «псевдо-духовной». Фанатик не сводит свой мысленный горизонт исключительно к низшим потребностям: но и высшие потребности в разделенной, оторванной от мира, «закостенелой» и догматичной интерпретации, в сути своей, не являются высшими. Такие потребности при любой риторике и внешнем бескорыстии сконцентрированы около своего ядра – «эго». Это искаженные, фрустрированные ценности и потребности, исключающие саморазвитие, поскольку специфика потребностей является надежным индикатором творческого развития индивида.⁸³

Казалось бы, высказанным положениям противоречит формирование «креативного класса», который считается одной из основных характеристик постиндустриального общества. Действительно, часть интеллигенции реализует себя в творческом труде, и вместе с тем несомненно, что усилия многих дизайнеров, журналистов, специалистов по рекламе, копирайтеров, разработчиков компьютерных программ направлены на повышение эффективности потребления и расширение круга потребителей. Иными словами, «креативный класс» большей частью представлен «архитекторами» и «строителями» общества потребления. К примеру, маркетологи рассматривают в своих исследованиях не субъектов, личностей, а «целевые аудитории», потребительским поведением которых можно манипулировать в целях достижения наибольшей выгоды.

⁸² Беляев И. А. Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного мироотношения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 4 (28). С. 68-71.

⁸³ Дудик С. Г. Человеческие потребности как критерий творческой деятельности // <http://e-lib.gasu.ru/konf/SocPr/2002/sp18.shtml>

Опасность манипулирования людьми связана с «индустрией сознания», формирующей мировоззренческие стандарты и шаблоны мыслей, и с помощью средств массовой коммуникации вовлекающей в свою орбиту миллионы людей. Превращенные из людей свободных профессий в служащих, говоря современным языком, представители «креативного класса» работают на «фабриках сознания». Они имеют дело не с личностями, но с массой, которую М. К. Мамардашвили считал не просто множеством людей, но множеством людей, выбитых из традиционных социальных ячеек, из традиционных социальных связей, и поэтому «соединение средств массовой коммуникации, то есть определенного технического аппарата, появившегося в XX веке, с массой, может давать взрывчатый социальный эффект».⁸⁴ По нашему мнению, эта взрывоопасность латентна: она незаметна под внешним благополучием общества потребления, но именно благодаря действию названных процессов, и прежде всего вследствие неудовлетворения высших потребностей, в обществе накапливается огромный негативный потенциал. Он выражается в том числе и во всплеске фанатичных состояний сознания, популярности фанатичной идеологии, находящей выход в деятельности экстремистских организаций.

Развитие человеческих потребностей начинается с того, что человек действует для удовлетворения своих элементарных, витальных потребностей, но в дальнейшем ситуация меняется на противоположную: человек удовлетворяет свои витальные потребности, чтоб достичь целей, диктуемых ему высшими потребностями.⁸⁵ Общество потребления и его основные институты направляют усилия на переориентацию структуры потребностей личности в область витальных, материальных потребностей, таким образом, стоя на пути нормального развития данного процесса и пытаясь повернуть его вспять. Фанатизм возникает как иллюзорная компенсация невозможности удовлетворения высших потребностей личности.

⁸⁴ Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили; сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1990. С. 60.

⁸⁵ Леонтьев А.Н. Указ. соч. С. 33.

Фанатик не только переносит в мир свое поляризованное сознание – он также и есть порождение социальных условий этого мира. Современный фанатизм следует рассматривать в контексте капиталистического социально-экономического порядка, процессов отчуждения труда и расцвета общества потребления, которые значительно затрудняют реализацию высших потребностей личности и вынуждают ее идти по пути суррогатной самореализации. Американский философ-социалист Ф. Гаспер отмечает: «Капитализм создал богатства и технологии, которые могли бы позволить каждому прожить полноценную и наполненную смыслом жизнь. Нам предложили мельком увидеть, как могла сложиться наша жизнь не в воображении, а наяву. Но в то же время у большинства людей доступа к такой жизни нет. Лучшим решением станет не возврат к прошлому, что в любом случае невозможно, а реализация доступного нам потенциала путем преобразования общества. ... В обществе относятся к проблеме отчуждения как к проблеме отдельно взятого индивида. Открываются центры психологической помощи «как помочь самому себе», зарабатывающие на индивидуальных консультациях миллионы долларов. Издаются книги, рассматривающие проблемы отчуждения и несчастливой судьбы в более широком общественном контексте, и предлагающие советы людям, переживающим подобные проблемы. Правда в том, что индивидуальных решений продолжительного действия не существует. Счастье человека, его благополучие и индивидуальность могут быть полностью реализованы в обществе, свободном от эксплуатации и угнетения...».⁸⁶

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- Сбалансированность духовных и материальных потребностей личностей и общества в целом является залогом его целостности, прогресса и предотвращения социального фанатизма. Реализация высших духовных потребностей, помимо средства самореализации личности, необходима для всего общества, поскольку

⁸⁶ Gasper P. Capitalism and alienation // International Socialist Review. Issue № 74. November 2010. (URL: <http://isreview.org/issue/74/capitalism-and-alienation> (дата обращения: 28.04.2016).

в результате их гармоничного и свободного удовлетворения предотвращается развитие фанатических, экстремистских и фундаменталистских течений.

- Диагностическим критерием фанатизма служит невозможность реализации высших духовных потребностей индивидов и неспособность общества создать предпосылки к их реализации. В процессе формирования фанатизма возникает потребностная подмена - когда вместо потребностей высшего уровня, ориентированных на самореализацию человека, актуализируются эрзац-потребности, которые не являясь витальными, в то же время и не могут быть отнесены к высшим. Эти потребности в компенсаторных целях аккумулируют деятельностную энергию фанатичных индивидов и групп, направляя ее в деструктивное русло.

- Предпочтение высших потребностей витальным, в соответствии с убеждениями человека, позволяет провести черту, отделяющую героизм от фанатизма. Высшие потребности фанатика имеют лишь внешнее сходство с подлинными высшими потребностями развитой личности: так называемые «высшие потребности» в догматичной интерпретации и поляризованном сознании сконцентрированы вокруг ядра – «эго». Искаженные, фрустрированные потребности фанатичного субъекта направлены на снятие внутренней конфликтности личности и вместо самосовершенствования ориентированы на саморазрушение и деструктивную деятельность.

- Духовные потребности, потребности в самореализации и потребность в свободном творческом труде тесно связаны, являясь каждая условием другой, и в совокупности несовместимы с фанатизмом. Творческий труд выступает в качестве предпосылки реализации высших потребностей личности.

- Капиталистические отношения делают в большинстве случаев свободу труда проблематичной, препятствуя самореализации личности. Современное капиталистическое общество и деятельность «креативного класса» по внедрению в общественное сознание стандартов безудержного потребления провоцируют накопление негативного идейного и деятельностного потенциала, возникающего в результате подавления высших, духовных потребностей, что выражается в росте популярности фанатичных движений.

1.3. Роль рациональности в исследовании аксиологической грани фанатизма

Проблема соотношения фанатизма и рациональности многогранна: принцип *ratio* в современном гуманитарном знании трактуется неоднозначно. С одной стороны, существует уже сложившаяся в философии критика рациональных оснований анализа культуры, личностного сознания, социальных отношений. Ряд авторов связывают феномен социального фанатизма с рациональной деформацией современного общества, «изгнанием» духа, «гипертрофией» разума, которая противоречит экзистенциальным ценностям личности.⁸⁷ Другие авторы противопоставляют социальный фанатизм и фанатичное сознание как полностью иррациональные феномены, которым свойственна одержимость, абсолютность, претензия на исключительность, отсутствие сомнений, догматизм, консерватизм, рациональному сознанию – гибкому, критичному, наполненному здоровым смыслом, терпимому, умеренно скептическому, уважающему иное мнение.⁸⁸

Оба подхода имеют свои уязвимые моменты: по сути, они противоположны, и, следовательно, несут в себе лишь частичную правоту: невозможно все проявления фанатизма объяснить через категории рациональности, поскольку в нем сильны эмоционально-аффективные компоненты, так же, как и неправомерно

⁸⁷ Омельчук Р.К. Фанатизм в свете онтологического подхода к вере. //Вопросы философии. 2012. № 4. С. 25-34 Калюжная Н. А. Указ. соч.

⁸⁸ Ким В.В. Фанатизм как социальный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Москва, 2003, 195 с.

сводить фанатичное сознание к сфере иррационального, поскольку у догматизма, конформизма и нетерпимости есть рациональные, с точки зрения фанатика, аргументы.

Для разрешения данного противоречия обратимся к становлению категории рациональности. Прежде всего, обозначим, что под рациональностью мы понимаем, вслед за А.Г. Спиркиным, в наиболее широком смысле, способность к рациональной организации мышления.⁸⁹ Тождество рациональности и полезности прочно утвердилось в обыденном сознании Нового времени. В античности, разум Логос – у греков (этимологический исток от «собирать», «связывать», радио – у римлян («считать, исчислять»)) – термины очень высокого класса общности. Н. С. Автономова полагает: «Многие современные интерпретации понятия «рациональность» именно отсюда – из перехода греческого «собирать и связывать» в латинское «считать, исчислять» – выводят всю дальнейшую судьбу европейского рационализма, во всяком случае, всю дальнейшую метафизическую традицию, приведшую к становлению научно-технической цивилизации на основе «калькуляторского» отношения к природе и социальному миру».⁹⁰

На долгие годы в философии нового времени утвердилось главенство понятийных, логических аспектов разума, отделенных от этики, эстетики, интуиции. Эта парадигма названа «просветительской», суть ее – в углублении разрыва разумного и рассудочного, сведению рациональности к рационализму. Важнейшее место в формировании здоровой, полноценной рациональности играют связи субъекта с миром и социумом. Чем фрагментарнее связи человека с тем, что им производится, тем уже его связи с миром, тем беднее становятся его потребности, эмоции, его восприимчивость к окружающему. Человек, таким образом, участвует в осуществлении весьма ограниченной, усеченной и потому искаженной разумности. Отсюда возникает тяга к построению компенсаторных механизмов, иллюзорно восполняющих эту усеченную разумность как на уровне индивидуального, так и на уровне общественного сознания. Естественно, что

⁸⁹ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. - М., 1972

⁹⁰ Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: «Наука», 1988. С.13.

превращенный, характер объективных процессов порождает и превращенные, иррациональные формы сознания.⁹¹

Торжество принципа полезности в области духа, культуры, традиции вызвано гипертрофией рационалистичного мировоззрения. Доведённая до крайности рациональность выступает в виде рационализации – объяснении мира с точки зрения единственного критерия целесообразности.

Еще Л.И. Шестов предсказывал обманчивый характер рационалистического общественного идеала, укоренившегося в Новое время: «Наука покорила человеческую душу не тем, что разрешила все ее сомнения, и даже не тем, что она, как это думает большинство образованных людей, доказала невозможность удовлетворительного их разрешения. Она соблазнила людей не своим всеведением, а житейскими благами, за которыми так долго бедствовавшее человечество погналось с той стремительностью, с какой измученный продолжительным постом нищий набрасывается на предложенный ему кусок хлеба. Венцом положительных наук считается социология, обещающая выработку таких условий общежития, при которых нужда, горе и страдания навсегда исчезнут с земли. Это ли не соблазн?».⁹² Этот «соблазн» воплотился в лице общества потребления, вооруженного рационалистичным мировоззрением.

Противоречие между двумя видами рациональности – восходящим к Логосу и нисходящим к объяснению в частных категориях формальной логики должно быть признано: смешение этих видов вызывает огульное обвинение рациональности в изгнании Духа, формировании механистичной картины мира и определенности места личности – «винтика», в машине мироздания.

Следует признать существование целого спектра рациональностей разного масштаба, разных мировоззренческих уровней. С учетом относительности понятия рациональности становится понятным, как сторонний наблюдатель полагает иррациональными те события и явления, которые для члена «внутреннего круга» разделяемой культурной, социальной и межличностной

⁹¹ Автономова Н.С. Указ. соч. С.123.

⁹² Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М.: Авалон Аттикус, 2011. С.47.

реальности кажутся совершенно логичными и соответствующими принятой в обществе версии рациональности. Выход не в противопоставлении рациональности ценностям, а в их синтезе: «ценностная экспертиза» – звено связи нравственного и рационального сознания. При этом «механизмом подобного рода коррекции и совершенствования рационального сознания выступает установка на построение более масштабной модели «вписывания» человека в мир, которая расширяет горизонт мироотношения».⁹³ Ценностный разум при возникновении нравственной дилеммы побуждает человека увидеть проблему в себе. Культура, ценности и целостность личности в единстве способствуют правильному использованию принципа *ratio*, а не подчиненности формальным рационализирующим догмам, как это происходит в случае фанатизма.

Ценностная экспертиза и более широкий контекст рефлексии рациональности позволили В. С. Швыреву выделить варианты «закрытой» и «открытой» рациональности. В первом случае усилия субъекта направлены на достижение целей в рамках уже заданных мировоззренческих ориентиров. Во втором случае, «открытая рациональность предполагает установку на совершенствование и развитие исходных ориентиров и предпосылок рационального сознания и действия вплоть до отказа от них и выработки новой системы исходных координат»⁹⁴. Оба вида рациональности взаимно дополнительны, в этом их преимущество и сила. Но в случае фанатизма присутствует только один вид рациональности – закрытая, лишенная рефлексии, «движущаяся по кругу» в пределах заранее обозначенных границ. И в этом состоит понятийная подмена: забывая о двойственности, вернее, двуединстве рациональности, сочетающей Логос (открытый тип) и калькулирующий принцип *ratio* (закрытый тип), мы можем с равной долей ошибочности интерпретировать фанатизм как только рациональный либо только иррациональный феномен, что было показано в начале данного параграфа. Более правильно соотнести фанатизм

⁹³ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиции и современность. М.: Прогресс – Традиция, 2003. С.47.

⁹⁴ Швырев В.С. Указ. соч. С.49.

с закрытым типом рациональности, абсолютизируемым и подвергнутым догматизации. Диалектика полноты рациональности состоит в постоянном гибком пересмотре предпосылок обеих «рациональностей» и привлечении более широких мировоззренческих контекстов: «То, что представляется рациональным в определенных рамках «закрытой» рациональности, сплошь да рядом перестает быть таковым в контексте «открытой» рациональности.... Благодаря открытой рациональности мы именно рационально можем обосновать узость, и при известной абсолютизации последней, деструктивность, порочность действий на основе «закрытой» рациональности».⁹⁵ Несколько иным путем пошел М. К. Мамардашвили, связывая выход за пределы рациональной ограниченности с влиянием марксизма, который усилил внимание к интуиции «тела», предметно-деятельной стороне реальности. «Это и означало интуитивное понимание того, что в мире существуют структуры, размерно большие или бесконечно меньшие, чем двумерное целесообразное рациональное действие. Ее ино- и многомерность не могла быть представлена на линейной плоскости этого последнего, то есть действия, разлагающего, воссоздающего мир по модели, или модулю, сознанием и волей управляемой связности целей и средств, где все сочетания элементов и последовательностей между ними не ускользают от рефлексии человека».⁹⁶

Рациональный контроль, с одной стороны, не дает впасть разуму в самообман девиантного поведения (открытая рациональность). С другой стороны, сама рационализация (закрытая рациональность) ведет к тому, что А. Гжегорик называет «извращением рационального контроля» и видит две возможности такого извращения. Первая – ограничение его сферы, и вторая – адаптация к витальным ценностям как главным мотивам деятельности.⁹⁷

Псевдорациональная мотивация для оправдания собственного поведения, противоречащего ценностям, играет роль защиты. Это уводит человека от нравственных требований, а не предлагает возможность справиться с

⁹⁵ Там же, с. 53.

⁹⁶ Мамардашвили М. Указ. соч. С. 102.

⁹⁷ Гжегорик А. Жизнь как вызов. Введение в рационалистическую философию. М.: Вузовская книга, 2006. - 320 с.

порождаемыми ими подлинными выборами.⁹⁸ Таким образом, когда поведение контролируется не разумом, а только желанием удовлетворения витальных потребностей, оно не приводит к достижению высших ценностей. И это понятно, потому что каждая потребность предполагает соответствующую ценность, на достижение которой она направлена. Но в случае формирования фанатичного сознания подмена имеет более тонкий характер: часто извращение самоконтроля начинается с отказа от духовной и желания витальной ценности. Фанатик большей частью сконцентрирован на нематериальных целях и ценностях, но при внешнем сходстве с духовными и их декларативном «духовном» содержании, в своей глубинной сущности они являются псевдодуховными, не ведущими личность к раскрытию ее глубины. Идея завладевает сознанием фанатичного субъекта, делая его одержимым до самопожертвования. У фанатика контроль рациональности, совесть, превращается в инструментальный механизм рационализации и позволяет подогнать под себя любое поведение, не соответствующее сути декларируемых ценностей. Конфликтное содержание вытесняется на периферию сознания, при этом объем «вытесненного» значительно превышает объем актуального содержания, поэтому рационализация для него – не вспомогательный инструмент, один из «держателей» внутреннего баланса, а основная несущая конструкция личности.

Зададимся вопросом, с помощью каких механизмов происходит деструкция рациональности в фанатизме? Чтобы ответить на него, следует рассмотреть процесс оценивания на основе рационального мышления и его деформации.

Рациональность, обосновывающая саму себя, может трактоваться как ступень и уровень мышления. Это точно подмечено в проблеме рациональной оценки. Рефлексивность рациональной оценки – основной момент, отличающий рациональное знание. «Рациональная оценка – сама себе методолог, сама себе практический теоретик».⁹⁹

⁹⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.

⁹⁹ Кислов Б.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. С.149

Рассмотрим связь рациональной оценки и ценностей. Инвариант ценностей является предметом конкретной оценки. Рациональная оценка идет в сторону углубленного постижения ценности предмета, в отличие от эмоциональной, она оценивает феномен в собственно ценностных, а не значимостных для определенной личности критериях, поэтому, как отмечает Б. А. Кислов, рациональная оценка не имеет ограничений, присущих оценке эмоциональной и «отвечает именно продуктивному типу человеческой деятельности».¹⁰⁰

Как же происходит в случае фанатичного сознания? Эмоциональные оценки рационализируются, противоречие между реальностью и идеальным образом реальности – общественным порядком, нравственными идеалами, ценностями и поведением окружающих людей воспринимается сквозь призму эмоциональной оценки, но в то же время сознание фанатика пытается придать ей атрибуты рациональности. Но подлинная, саморефлексивная рациональность несовместима с попыткой уложить ее в рамки догматичной идеологии. Налицо парадокс – фанатичное сознание стремится придать эмоциональным оценкам статус объективной истины. Попытка рационализировать эмоциональную оценку, придать ей внешнюю атрибутику рациональности, лишиться самокритичности ведет к тому, что получающийся тип оценивания не является ни рациональным, ни эмоциональным. Поскольку рациональная оценка находится в непрерывном процессе саморефлексии, она является примером критического мышления. Мышление фанатика, в свою очередь, некритическое, ему не нужна внешняя референция рациональности, он убежден в собственной правоте и не нуждается ни в критике, ни в самокритике. В процессе оценивания мышление фанатика самозамкнуто на себе и не нуждается в обратной связи с предметом оценки. При этом противоречия образа предмета и его реальных свойств фанатиком не замечаются, либо встраиваются в картину ценностного образа предмета. Таким образом, фанатизм характеризуется ущербностью рационального оценивания. Фанатичные тексты часто содержат мимикрирующие под рациональные положения. Их внешне можно принять за рациональные – есть доктрина, понятия

¹⁰⁰ Кислов Б. А. Указ. соч. С. 150.

определены, логичны в рамках собственной системы представлений, но «действительная ценность, сущность ценности предметов не постигается из-за того, что недостаточна критичность и самокритичность мышления – эта оценка псевдорациональна. Б.А. Кислов использовал для такого типа оценки термин «рационалистическая» и определил ее характеристики: «рационалистическая оценка использует теоретические понятия, логический уровень мышления, но складывается по логике оценки эмоциональной и добавим, эмпирической».¹⁰¹ От подлинно рациональной ее отделяют два ключевых отличия – во-первых, в ней нет самокритичности и саморефлексии, и во-вторых в процессе рационалистического оценивания необходимости обращаться к реальности, так как шаблон оценки уже готов, и качества реальных объектов, могущие вступить в противоречие с этим готовым шаблоном просто игнорируются. Столкновение с реальностью, взятой во всем богатстве своих проявлений, угрожает рационалистическому способу оценивания в мышлении фанатика. Рационалистическая оценка полярна, обобщена и в какой-то степени примитивна, поскольку упускает сложность предмета оценивания и не может ей соответствовать. Рационалистическая оценка не совпадает ни с эмоциональной, ни с рациональной: эмоциональная оценка не требует свидетельств, доказательств, она отражает значимость явлений и предметов, рациональная оценка схватывает ценностную сущность предмета. Рациональная и эмоциональная оценки находятся в отношениях взаимосвязей и диалектического взаимодействия: эмоциональная оценка непосредственно «контактирует» с потребностями человека, она реагирует немедленно и прямо на их удовлетворение, а рациональная отражает сущностную глубину потребности. При этом включение первой служит сигналом к активизации второй.

Но в случае фанатизма, когда высшие потребности не удовлетворены, они фрустрированы, человек конформен, отвергая возможность самореализации и признание высших ценностей, он включает оценку рационалистическую, которая не ориентируется на ценности, а лишь внешне похожа на подлинно

¹⁰¹ Кислов Б. А. Указ. соч. С. 154.

рациональную, оптимально проявляющую все потенциал мышления. Автор концепта Б. А. Кислов отмечает, что поскольку рациональная оценка нередко осуществляется на уровне предельно общих, абстрактных понятий, и здесь появляется вполне реальная угроза отрыва этих абстракций от реальности, превращения рациональных понятий в рационалистические.¹⁰² Поскольку фанатизм отстраняется и от чувственного, и от ценностного богатства мира, то преодоление фанатизма, помимо работы в идеологическом направлении, связано с восстановлением восприятия ценностного и эмоционально проживаемого богатства реальности, каналов связей индивида и мира. Неудовлетворение, фрустрация высших потребностей фанатика и причина и следствие его отгороженности от бытийной основы. При фанатизме существует «реальная угроза отрыва этих абстракций от реальности, превращения рациональных понятий в рационалистические, умозрительные конструкции, деформирующие ценностную реальность, эмоциональность в рациональной оценке представляет собой «канал связи» с реальностью, корректирующий отношение абстракций с действительностью. ... Рациональная оценка есть в высшей степени оценка эмоциональная».¹⁰³ Поскольку только с помощью рациональной оценки можно прийти к постижению подлинной сути аксиологической значимости, то в ней также воплощена связь потребностей и ценностей. Вопрос рациональности и рационалистичности в содержании феномена фанатизма, особенностей фанатичного мышления приводит нас к выводу, что фанатизм отличается тем, что ему свойственна серия подмен важнейших философских категорий: как высшие потребности, не достигая своего свободного развития и реализации, подменяются псевдо-высшими, так и рациональная оценка, проникающая в глубину аксиологической сути предметов и явлений, подменяется оценкой рационалистичной, лишь внешне имеющей с ней некое поверхностное сходство. Но за разветвленной категориальной системой в рационалистичной оценке

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Кислов Б. А. Указ. соч. С. 156

«прячется» догматизм, а не здоровая самокритичность рационального мышления, которое, по афористичному выражению Б.А. Кислова, «сама себе методолог».

Фанатик, ввиду ущербности рационалистичной оценки, преобладающей в его сознании, испытывает трудности с переживанием подлинного смысла ценностей. Рассмотрим аксиологические аспекты фанатизма подробнее. Утрата прежних ценностей и «выращивание» в обществе новых – длительный процесс, который сопровождается своеобразным «духовным вакуумом». И в этой точке разрыва преемственности ценностных систем и невозможности удовлетворения потребностей в прежнем объеме возникает потенциальная возможность для внедрения фанатичных установок и идеологии, которые предлагают растерявшейся личности «простые» решения, дают возможность ощутить твердую почву под ногами. Ценности являются объединяющим, синтезирующим понятием, которое обеспечивает единство личностных и социальных, культурных, этнополитических структур человека, сообщества, этноса, организации. Гармоничность, скоординированность ценностей – предпосылка социального и психологического «мира». Кризис ценностной основы человека и общества сопровождается социальными конфликтами и столкновениями, служит признаком психологического и социально-культурного неблагополучия индивида и социума.

Утрата прежних ценностей и «выращивание» в обществе новых – длительный процесс, который сопровождается своеобразным «духовным вакуумом». И в этой точке разрыва преемственности ценностных систем и невозможности удовлетворения потребностей в прежнем объеме возникает потенциальная возможность для внедрения фанатичных установок и идеологии, которые предлагают растерявшейся личности «простые» решения, дают возможность ощутить твердую почву под ногами. Становление новых систем ценностей, кристаллизация их в ходе прохождения кризиса – основа социального и личностного развития, формирования гармонии и баланса. Коррозия ценностей

влечет экзистенциальный кризис, цинизм, ценностный нигилизм, метание от одних ценностей к другим, как симптомы социальной патологии.

Социальный фанатизм в данном контексте выступает как своеобразная «защита» от сложности и болезненности перемен, через которые проходят личность и общество: регресс к «понятной», упрощенной картине мира с помощью рационалистичных оценок позволяет снизить давление неопределённости, тревоги, неуверенности в будущем.

У фанатика происходит деформация ценностных интенций «Я» за счет обеднения высших интенций. Высшая ценностная интенция в фанатичном сознании практически единственная, и определяется содержанием сверхценной идеи.¹⁰⁴ Сведение ценностного многообразия к дуалистическим, черно-белым ценностным схемам позволяет фанатику создать ясное видение своего места в обществе, осознать «социальную миссию», придать смысл своему существованию.

Следующий важный момент – общество как субъект ценностных отношений задает рамки рассмотрения фанатизма. Фанатик противопоставлен обществу, и в то же время, поработан обществом, все его интересы, цели, мотивы связаны с преобразованием общества. Гуманистические ценности, фактически отвергаемые в любой доктрине фанатизма, позволяют Другому быть собой, развиваться, обеспечивают его безусловное принятие. Стремление к изменению Другого, борьбе с ним, ориентируется на неприятие, отношения зависимости и доминирования, выводит на первый план недоверие и связанную с ним фиксацию на идее контроля. Жизнь людей отражена в общечеловеческих ценностях, которые обеспечивают единство человечества, обобщая и суммируя сущность опыта жизнедеятельности независимо от этнической, культурной, статусной и возрастной ситуации их. Ценности объединяются в систему, которая соответствует конкретной социальной общности и представляет воплощение

¹⁰⁴ Евстифеева Е.А. Феномен веры: дисс... доктора филос. наук. Тверь, 1995. 215 с.

системы деятельностей и общественных отношений, которая, в свою очередь, отражает сущность жизнедеятельности данной общности, ее образа жизни.¹⁰⁵

В ценностях выражены как деятельность, так и общественные отношения, следовательно, чтобы реконструировать ценности, нужно анализировать деятельность, поведение, социальную стратификацию. Особый интерес представляют социальные ценности, прежде всего – конфликт ценностей при столкновении интересов групп. Деструктивные, фанатичные и экстремистские сообщества часто имеют декларативно-позитивные ценности, но средства их достижения могут быть неадекватны гуманистическому смыслу. Теоретический вклад исторического материализма состоит в том, что в системе ценностей запечатлена опредмеченность социальных взаимодействий и деятельности. Поскольку социальные общности выступают в качестве субъектов коллективных ценностей, то ценностное единство является непреложным условием консолидации групп и сообществ. Таким образом, любая неформальная группа объединена прежде всего общностью, сходством, (либо взаимной дополнительностью) ценностей и потребностей ее членов, которые, в свою очередь, определяют мотивации действий и выражаются на уровне идентичности. В этом смысле общность ценностей есть мера консолидации группы. Определить эту общность можно в деятельности, в сходном мироощущении, в оценках событий и явлений. И здесь ось социальных идеалов задает своеобразные «рамки» внутри которых складываются возможные конфигурации, конкретных личностных, групповых, культурных, субкультурных ценностей.

Одновременное «носительство» множества социальных ролей и множества ценностей может расколоть индивида на субличности, если он убегает от конфликтов, и может быть интегрировано вокруг оси смысло-жизненных ориентаций, которая сама по себе – ствол, а ценности – ветви, которые могут расти на этом стволе, питаясь его соками. Несовпадение ценностных систем групп, включающих индивида, может быть проявлено в двух вариантах – их

¹⁰⁵Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. №4. С.15 – 26

взаимного противоречия, дополнительности, либо взаимной индифферентности. То есть в последнем случае ценности не вступают во взаимоотношения – они параллельны и, следовательно, не могут быть названы системой, поскольку отношений между ними нет. Д. А. Леонтьев полагает, что в зависимости от выбора идентичности, будут предпочтительны или общечеловеческие «вечные» ценности (истина, красота, справедливость) или конкретно-исторические ценности больших социальных групп (равенство, демократия, державность), или ценности малых референтных групп (успех, богатство, мастерство, самосовершенствование)¹⁰⁶.

Со второй половины прошлого столетия гуманитарное знание обогатилось понятием «ценностного сдвига». Экономический рост в странах Запада вызвал изменение образа жизни, интересов и потребностей индивидов. Складывается теоретическое направление постиндустриальных исследований ценностей, сторонники которого (Д. Белл, Д. Рисмен, Т. Розак), полагали, что наметилась тенденция к ослаблению зависимости человека от обладания материальными благами и усилению роли духовной и познавательной сферы. Такой подход исходил из снижения необходимости борьбы за существование, конкуренции, расширяющемся производстве эпохи индустриального капитализма и предусматривал учет большей социальной защищенности граждан развитых стран, что позволяло им перенаправить свою деятельность с нужд жизнеобеспечения на интересы развития и самореализации.

Эмпирическое подтверждение взглядов неомарксистских философов и социологов было получено в исследовательских проектах Р. Инглхарта, который пришел к выводу о том, что система базовых ценностей эпохи модернизации, подкрепленная протестантской этикой и оправдывавшая накопление и движение ко все большему богатству, являлась отражением ситуации неуверенности, необеспеченности, необходимости конкурентной борьбы. Экономический подъем после Второй мировой войны и относительно равномерное распределение благ способствовало перемещению центра тяжести от ценностей достатка к ценностям

¹⁰⁶ Леонтьев Д.А. Указ. соч. С. 23.

качества жизни, общения, самовыражения, интеллектуального и эстетического удовольствия».¹⁰⁷

В то же время, протекающие процессы не могут оцениваться столь однозначно: именно к послевоенному времени относится появление работы В. Франкла, где обосновано состояние «экзистенциального вакуума», как мировоззренческого тупика для большей части мыслящих людей западного мира.¹⁰⁸ В то же время достаточно правомерно наблюдение, что нематериалистические ценности были характерны для большинства человеческих культур на протяжении истории. Это такие ценности как «борьба» и «победа», «единство» и «взаимопомощь», «бескорыстие» и «честь». Общества, переходившие к материалистическим ценностям (например, Карфаген) в прошлом отвергались большинством своих соседей.¹⁰⁹ Развитие капитализма и утверждение прагматической идеологии Нового времени «отодвинуло» нематериалистические ценности на задний план: индивидуализация, протестантская этика накопления, неприкосновенность личных имущественных границ, высокая ценность личной выгоды – все это приобретения капиталистического общества.

Проект «Всемирного исследования ценностей», охватывающий 43 общества и около 70% населения планеты и продолжающийся свыше 40 лет, выявил акцентирование ценностей качества жизни в противовес нормам индустриального общества, ориентированным на дисциплину и достижения, на первое место выдвигаются ценности свободы индивидуального выбора жизненных стилей и самовыражения. Таким образом, констатирован сдвиг от «материалистических» ценностей, с упором на экономической и физической безопасности, к ценностям

¹⁰⁷ Сизов И.В. Теория постматериалистической трансформации ценностей и политическое пространство современной России // Пространство и Время. 2010. №1. С. 97.

¹⁰⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

¹⁰⁹ Митрофанова А. Три системы ценностей в современном мире [Электронный ресурс] /А. Митрофанова // Режим доступа: <http://gumilevica.tripod.com/Matter/Article17.htm>.

«постматериальным», с упором на проблемах самовыражения и качества жизни.

110

С учетом результатов этого исследования, которое является авторитетным и не вызывает сомнения ни в технике проведения, ни в обработке данных, вскрывается парадокс: если общая тенденция ценностного сдвига в развитых странах Запада состоит в предпочтении материальным ценностям ориентации на саморазвитие, то каким образом объясняется лавинообразный рост фанатичных и экстремистских проявлений в данных обществах? Помимо этого, им (как и всем государствам, идущим по пути строительства общества потребления) свойственна массовость негативных социальных процессов – роста социального неравенства, снижения уровня образования, упрощения картины мира, и даже, как наиболее поверхностный индикатор – резкое падение информированности об окружающем мире. К примеру, опрос, проведенный Американским национальным научным Фондом с использованием репрезентативной выборки, показал, что 26% жителей США (2012 г.) и 34% населения Евросоюза (данные 2005 г.) уверены, что Солнце вращается вокруг Земли, а с теорией эволюции человека незнакомы соответственно 52% американцев и 30% европейцев.¹¹¹ В России положение примерно такое же: по данным ВЦИОМ (2011 г.), 32% полагают, что Солнце – спутник Земли, об эволюции не осведомлены 39%.¹¹²

Прояснить ситуацию может понятие социальных ценностей, отражающих жизнь общества в «снятом» виде, которыми оно обладает как субъект деятельности. Представление о социальных ценностях, как о своеобразном «снимке» жизни общества, продуктивно при расширении и углублении интерпретации социального фанатизма: помимо негативного социального явления, он становится диагностическим инструментом, указывающим на наличие глубинных конфликтов в социуме. Сопоставляя ценности

¹¹⁰ Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. Т. 4. С. 6-32.

¹¹¹ <http://www.nsf.gov/statistics/seind14/index.cfm/chapter-7/c7h.htm>

¹¹² http://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2011/02/08/tret_rossiyan_schitaet_chno_solnce_vraschaetsya_vokrug_zemli.

доминирующего общества и входящих в его состав (хотя и противопоставляющих себя большинству) фанатичных групп, можно сделать выводы о сбоях в социальном развитии. И этот «моментальный снимок» дает неоднозначную картину: формальное благополучие и творчество в диагностируемых ценностях, и полная противоположность реальной ситуации.

Ответ, по нашему мнению, помимо уже выясненной специфики подмены потребностей и привлечении рационалистичной оценки вместо рациональной, следует искать в связи ценностей и деятельности, в характеристике общества как субъекта деятельности. Иными словами, мы не должны ограничиваться «принятием на веру» формулировок о саморазвитии, необходимо сопоставить выявленные Р. Инглхартом ценности с деятельностью членов этих обществ. Анализируя ее, приходим к выводу, что основной вектор усилий человека постиндустриального общества направлен на потребление. При этом потребление становится целью, а труд средством достижения этой цели. Производя в процессе трудовой деятельности предметы потребления, включая нематериальные услуги, продукты искусства, человек почти все свободное время потребляет произведенное другими. Так замыкается круг. Мы полагаем, что потребление вписывается в группу ценностей «качество жизни». В современных условиях качество жизни предполагает, прежде всего, комфорт, которого достигают, отвергнув «дисциплину, самоотвержение и достижения» и развернувшись к «широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения», как отмечено в работе Р. Инглхарта.¹¹³ Но жизненный стиль без дисциплины и ориентации на работу над собой априорно будет определяться комфортом, в сердцевине которого заложена установка на прогрессирующее потребление. Таким образом, происходит ценностная подмена: декларируя саморазвитие, личность «располагает» его в сфере качества жизни, достижения наивысшего комфорта.

Остальные ценности имеют подчиненное положение: доброта, отзывчивость, любовь к людям, терпимость, патриотизм проявляются в системе

¹¹³ Инглхарт Р. Указ. соч. С. 7.

ценностей члена общества потребления в той мере и в таких контекстах, в которых они не препятствуют дальнейшему потреблению. В системе ценностей современного западного человека имеют место и патриотизм, и сострадание, но только в том количестве, которое не мешает его комфорту.

Таким образом, возведение «качества жизни» в его вещном, потребительском значении в приоритет влияет на структуру остальных ценностей. Саморазвитие, духовность, самоактуализация достижимы большинством субъектов лишь в границах, одобряемым господствующей общественной моралью. Ориентация основных институтов на получение максимальной прибыли, манипулятивный характер масс-медиа и рекламы не заинтересованы в становлении самостоятельной, критически мыслящей, а тем более – философствующей личности. Упрощение образовательных программ, «приземление» одобряемых культурой ценностей служат одной цели – бесконечно тиражировать потребительские модели экономики и общественного сознания. В этой ситуации происходит «упрощение» системы ценностей субъекта и облегчается формирование «потребительских» видов фанатизма – моды, автомобилей, спорта, музыкальных групп. Фанатизм литературных произведений почти не представлен в обществе потребления: чтение есть труд, который не многие могут себе позволить, гораздо доступнее визуальные аналоги – клипы, видео, иллюстрированная продукция и аудиокниги.

Такой «потребительский фанатизм» выполняет компенсаторную функцию, поскольку человек нуждается в ценностях – они структурируют личность. Но когда приходит осознание ложности ценностей комфорта, их удаленности от подлинных экзистенциальных смыслов, создаются условия для возникновения ценностной подмены. В философской литературе существуют понятия «антиценность» и «квазиценность» - в первом случае это противоположность , «темный» полюс истинной ценности – «добро- зло», «здоровье – болезнь», во втором – проявление обмана, затуманивающее истину – суеверия, обман и

самообман.¹¹⁴ Главное же отличие истинных ценностей от антиценностей – прямое и гармоничное соответствие в паре «ценность – потребность». Так, ценности «здоровье» соответствует потребность в здоровье, а ценности любви – потребность в аффилиации. Но ценности фанатика, носящие подмененный характер, иными словами – антиценности вступают в более запутанные отношения с потребностями и деятельностью по их удовлетворению. При этом между действием и намерением, интенцией существует значительный разрыв. Модальность ценностей задает вектор деятельности – иными словами, созидательная деятельность ассоциирована с ценностями, она направляется в созидательное русло, если с антиценностями – в стагнирующее или деструктивное.

Фанатик становится объектом манипуляции, либо сам стремится к иллюзорным, «подмененным» ценностям. Так, стремление к статусной жизненной роли, расширяющей диапазон возможностей потребления, подменяет ценности самоактуализации, а декларируемая любовь к себе и миру, самопринятие оборачиваются эгоцентризмом.

Вопрос об отрицании развития, «зацикленности» общества потребления связан с его отношением к времени. Ф. Джеймисон отмечает, что планируемая смена одних поколений вещей другими, постоянно убыстряющийся темп изменений стилистики моды и окружающей среды, проникновение рекламы, телевидения и медиа в самые глубокие слои социальности, нейтрализация прежнего напряжения в отношениях между городом и селом, между центром и провинцией через появление пригорода и процесс универсальной стандартизации, разрастание огромной сети хайвэев и приход автомобильной культуры, – все это лишь отдельные черты, которые отражают глубинную природу общества. Эта природа отличается таким отношением со временем, которое способствует исчезновению чувства истории. Двигаясь по этому пути, современная социальная система стала лишаться способности удерживать свое прошлое, начав жить в повторяющемся настоящем, в ситуации повторяющихся изменений, которые

¹¹⁴ Таланов В.М. Общечеловеческие ценности. М.: Изд-во РАЕ, 2010. 234 с.

аннулируют те традиции, которые более ранние социальные формации так или иначе сохраняли.¹¹⁵ «Живи сейчас!» – этот лозунг очень популярен в потребительском обществе. Не думая о будущем и «потеряв» прошлое, человек-потребитель погружен в иллюзию благополучия, которая сводится к достижению комфорта.

Отсюда выводятся два следствия: первое состоит в том, что в западном обществе, как и в современном российском, происходит утрата таких ценностей, как самодисциплина, стойкость, сила воли, альтруизм, гуманистическая направленность, свойственных советскому обществу, а разрыв с народными традициями обеспечивает унификацию и ослабление культурно-этнической специфики ценностных систем. Это единообразие облегчает манипуляции потребительским сознанием: реклама транснациональных корпораций и международных холдингов практически не имеет отличий на Западе и Востоке, Севере и Юге, это универсальный, понятный любому потребителю язык. Для него свойственна ценностная примитивность в совокупности с эффективностью: единственная цель его – стимулировать рост потребления.

Второе следствие: «зацикленный» характер бытия общества, исключая качественный изменения ценностей, неизбежно вызывает стремление части общества к гиперкомпенсации духовной пустоты и поиску простых ответов, поскольку «сложные» ответы избегаются стремящейся к комфорту потребительской культурой, а «средний», воспитанный в ценностях комфорта, человек не привык прикладывать умственные усилия. Зачастую «простые» решения сложных вопросов предлагаются фанатичной идеологией и разделяющими ее фанатичными и экстремистскими группировками.

В этом случае как раз и необходимы рефлексия и критическое, рациональное мышление: «открытая рациональность», рациональная оценка рассмотренные выше, являются и средством саморазвития и контрмерой, позволяющей избежать фанатизации субъекта.

¹¹⁵ Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. №. 4. С. 63-77.

В то же время, движение к подлинным, бытийным ценностям не абсолютизирует даже «открытую» рациональность – понимание нейтральности разума, его операциональности, «техничности» относительно экзистенциальной сферы раскрывает недостаточность определения человека лишь как существа разумного – он не только разумен, а представляет собой существо ценностное, идеологическое.¹¹⁶ Основная идея гармоничности человеческой природы проистекает из сбалансированного сочетания разумного, ценностного и экзистенциального начал.

В онтологическом аспекте придание ценностям самодовлеющего значения приводит к иллюзии обладания конечной истиной. Именно этот факт мы наблюдаем при формировании фанатичных установок сознания и деятельности. Д. А. Леонтьев справедливо отметил: «Констатировать связь духовности с ценностями и смыслами, однако, недостаточно. Важно не довольствоваться тем, чтобы связывать понятие духовности с конкретными ценностями, убеждениями, смыслами и так далее. Во-первых, нередко встречается агрессивная позиция, неколебимо опирающаяся на некоторый набор смыслов и ценностей, считаемых вечными и неизменными, настаивающая на собственной духовности и одновременно закрытая к диалогу с другими ценностями, – это духовность, выродившаяся в фанатизм и уничтожившая тем самым основания самой себя. Известно, чем отличается подлинный духовный лидер от фанатика: два духовных лидера всегда найдут общий язык между собой, невзирая на различия в их учениях, а два фанатика – никогда».¹¹⁷

Аксиологический аспект фанатизма состоит в придании подменным ценностям и идеалам статуса важности, превышающего ценности гуманистические и экзистенциально-бытийные. Ценности обеспечивают связь человека с трансцендентностью и не могут быть осмыслены лишь на основе критерия рационалистичности как подмененной рациональности.

¹¹⁶ Ильин В.В. Аксиология. М.: Изд-во МГУ, 2005. С.10.

¹¹⁷ Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С.10

Экзистенциально-гуманистический взгляд на человека придаёт решающее значение субъективности. С этих позиций человек видится как существо, постоянно находящееся «вне себя», преследующее трансцендентные цели, проявляющееся в мире через Другого и выбирающее собственные смыслы жизни, которые и есть ценности.¹¹⁸ Вместе с тем, диалектика субъективного осознания ценностей и объективного проявления выражается в их теснейшей взаимосвязи: недостаточно субъективного самоощущения свободы от корысти, ориентации на благо для другого человека, жертвенности, следования долгу, – требуется и объективное соответствие поступков названным мотивам. В истории достаточно примеров оправдания бесчеловечных поступков идеалами любви, прогресса, великими принципами гуманизма. Фанатик, как отмечал Н. О. Лосский, ставит отвлеченную идею, теорию, проект реформ выше живого человека, и поэтому способен убивать, насиловать, коверкать жизнь людей ради своего идеала.... Обыкновенно в душе таких поборников добра, считающих себя благодетелями человечества, таится гордыня; она побуждает их ценить выше живого человека выработанные ими идеалы и проекты. Сухость, замкнутость в себе, неспособность любить живую конкретную индивидуальность ближнего есть обыкновенный спутник гордыни, ведущий к фанатизму».¹¹⁹

Таким образом, встает вопрос о нравственном и безнравственном как критериях оценки фанатичной идеологии. Нравственность как совесть, внутренний стержень человека, естественна, она смыкается с самоактуализацией и, по сути, с ней неразделима. Нравственность, с позиции деятельностного подхода – глубоко интериоризированные, «сердцем принятые» нормы жизни человека как бытийного существа. Нравственность не может существовать без любви, так же как и любовь – без нравственности. Нравственность опирается на диалог Себя и Другого, Другого как себя. У фанатика не возникает «диалогической связи» (в терминах М. Бубера,) с Другим, тонкого и едва

¹¹⁸ Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм /Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С.319 – 344.

¹¹⁹ Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей. Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. С.355.

уловимого, не рационализируемого единства душ. Даже оценивание с точки зрения нравственности – прежде всего внутреннее предписание, разрешающее, либо запрещающее определенный вид поведения, полагающее его достойным личности.

Таким образом, связь ценностей гуманитарности и потребности «быть собой» для высокоразвитой личности очевидна. Поэтому идентичность такого человека воплощает гуманитарные ценности и строится на базе самопонимания как «естественного» поведения, реализующего данную потребность. Ценностная структура фанатика ригидная, высшие интенции мотивируются внутренним конфликтом, но в силу неосознанности последнего воспринимаются как направленные на исправление пороков других людей, народов, групп, и в итоге, всего мира. Мы полагаем, что ценности (а точнее – антиценности) фанатика формируются двумя основными путями. В первом случае – это результат индукции, заражения, конструирования. Во втором – в результате психотравмирующих событий личность фанатичного субъекта «застряла» на тех этапах детского и подросткового развития, где крайний эгоцентризм, групповые идентификации, конфликтное сознание («мы», противостоящие порочным «не нам») выполняли функции адаптивных механизмов. Но более вероятен вариант, когда «заражение» фанатичными ценностями происходит на фоне дисгармоничного психосоциального и социокультурного развития личности.

«Ценностям невозможно научить – отмечает В. Франкл, – их нужно прожить».¹²⁰ И в то же время «проживание» подлинных ценностей возможно в обществе, стремящемся к гуманистическим идеалам, а не движимом заботой о финансовом обогащении его верхушки и массовом отгораживании от собственной экзистенциальной природы остальных граждан.

В итоге параграфа можно сформулировать основные выводы:

В итоге анализа роли рациональности в формировании и функционировании фанатизма мы приходим к следующим выводам:

¹²⁰ Франкл В. Воля к смыслу / Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, 2000. 369 с.

- рациональность, как основополагающий принцип современной философии, обладает диалектическим двуединством: ее открытый тип восходит к осмысляющему греческому Логосу, закрытый тип – к калькулирующему принципу *ratio*. Диалектика целостной рациональности заключается во взаимной дополнительности обоих типов. Недоучет названной двойственности ведет как к недооценке роли рациональности в формировании гармоничной личности, так и к ошибочной трактовке фанатизма в качестве сугубо рационального, либо исключительно иррационального феномена;
- связи мира и личности стоят на одном из первых мест в формировании здоровой рациональности. Сужение коммуникаций субъекта с обществом, сокращение пространства диалога с Другим обедняет высшие потребности, эмоциональную жизнь, восприимчивость и разнообразие деятельности, «освобождая место» в душе человека для фанатичной идеологии;
- фанатизм как социальное явление, соответствует закрытому типу рациональности, который подвержен абсолютизации, некритическому восприятию и догматизации. При этом в картине мира фанатичного субъекта открытая рациональность не присутствует, будучи подмененной рационализацией;
- правильное применение принципа *ratio* заключается в использовании его с учетом целостности культуры, ценностей, мировоззрения личности и общества. Подчинение рациональности догме, пренебрежение ее «открытостью», уход от личностного развития порождает фанатизм;
- механизмом, поддерживающим целостность картины мира фанатика, и воспроизводящим фанатизм с аксиологической точки зрения, является подмена рациональной оценки рационалистической, имеющей внешнее сходство с рациональной оценкой, формирующейся по логике эмоциональной оценки, но, в то же время,

не позволяющей субъекту постичь подлинную ценностную сущность предмета оценивания. Подменная функция рационалистичной оценки состоит в предоставлении фанатичному субъекту суррогатной картины мира, и укреплении его догматических заблуждений.

- формирование фанатичных ценностей, а по сути - антиценностей в индивидуальном жизненном процессе связано с нарушением связей субъекта и мира, его отделенностью от подлинного переживания любви и целостности как собственной, так и другой личности;
- ценности фанатичного субъекта и социальной группы фанатиков обладают признаками подмены, основанной на разделении субъективного и объективного смысла воплощающего их поведения. Антигуманный объективный смысл поступков фанатичной личности и группы сопровождается субъективно ощущаемой собственной правотой, бескорыстием, стремлением к благу и прогрессу;
- исповедуя ценности гуманитарности и творческого труда, общество может создать условия для развития высших ценностей, которые делают узость фанатичного сознания неприемлемой и способствуют трансформации личности фанатика, ее «социальной терапии», а также профилактике фанатизма и экстремизма;
- стратегические цели общества потребления противоположны творческому саморазвитию его граждан и поэтому создают благоприятные условия для формирования социального фанатизма.

Глава 2. СОЦИАЛЬНЫЙ ФАНАТИЗМ КАК СИСТЕМНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

2.1. Фанатичное сознание: условия формирования, особенности, специфика

Рассмотрев потребностные и ценностные аспекты, а также охарактеризовав особенности использования принципа *ratio* применительно к феномену фанатизма, мы установили, что фанатизм отличается наличием масштабных подмен в сфере высших потребностей, ценностей, а также в механизмах рациональной оценки. Теперь, опираясь на найденные закономерности, перейдем к выяснению вопроса о характере условий, способствующих формированию данных подмен, и их присутствию в таком сложном и неоднозначном явлении, как фанатичное сознание.

Современное общественное развитие отличается значительным усложнением социальных субъектов и их отношений, глубокими, не виданными ранее, экономическими и социокультурными контрастами, сочетанием архаичных мировоззрений с передовыми коммуникационными технологиями. Для постиндустриального этапа развития характерно вовлечение огромного числа сообществ в процесс формирования информационной среды, распространение, благодаря цифровым СМИ и Интернету, визуальных эталонов потребительского общества, недостижимых для большинства населения Земли. Такие условия благоприятны для возникновения фанатичного сознания, которое имеет в основе сложную смесь факторов субъективно понимаемой и объективно существующей ущемленности в социально-статусной, бытийно-личностной и материальной сфере. Недовольство местом в социальной иерархии, материальной средой, личная нереализованность – условия, способствующие фанатизму, но не достаточные для его возникновения.

Распространена точка зрения, что для понимания сущности фанатичного сознания необходимо изучать фанатичные состояния психики индивидуума, формы его поведения, так же, как и формы коллективного сознания и поведения в их взаимосвязи и взаимной обусловленности.¹²¹ В рассмотрение необходимо также включить социальные условия формирования фанатизма, поскольку для него характерен замкнутый цикл: кризисность социально-политических и социально-экономических условий создает предпосылки развития фанатизма, и тогда к объективно уже существующей нестабильности добавляются разрушительные социальные действия, еще более усугубляющие ситуацию (Рассел, 1959).¹²²

Фанатик настроен на преобразование социальных условий, его переполняет энергия и мотивация к быстрому изменению ситуации, радикальному, не исключаяющему насилие. Такая сила возникает вследствие возникновения преграды между фанатичным субъектом и бытийно-нравственной стороной жизни. Причем преграда эта строится с помощью комплекса социальных условий, провоцирующих в личности рост эгоцентрических и нарциссических черт. Эгоцентризм, по мнению Н. А. Бердяева, является основной причиной развития фанатизма. Личность должна выходить из себя к Другому, для нее нужен «воздух» живого общения в экзистенциальном мире.¹²³

Формирование фанатизма, вследствие эгоцентрической и антисоциальной направленности фанатика, связано с выходом фанатичного субъекта за пределы традиций, организующих социальную ткань общества, к которому он принадлежит. Мы считаем, что совместное действие этих двух факторов – «выпадение» фанатика из современного общества и выход за пределы традиции своей социальной группы, действуют совместно, порождая мощнейшую фрустрацию и дезориентацию личности, компенсаторным механизмом которой

¹²¹ Ким В.В. Указ. соч.

¹²² Рассел Б. Фанатизм и терпимость. Интервью 1959 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://musa.narod.ru>. - (Дата обращения 26.12.2015).

¹²³ Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности : Избранные труды / Н. А. Бердяев. М. : Московский психолого-социальный институт - Флинта, 1999. 312 с.

является формирование конфликтного сознания, конструирование образа врага, дуалистическое мышление и ценностная деформация.

Социально-культурная ситуация формирования фанатизма предполагает конфликт между социальным статусом, стратой, с которыми связан фанатичный субъект, и его социальными претензиями, культурными стандартами доминирующего общества, его идеологической основой, системой мировоззрения и верований, и фанатичной идеологией. Фанатизм слит с социальным конфликтом, проявляясь в нем и как феномен человеческого сознания, и как явление жизни общества. При этом фанатичное сознание у субъектов может быть изначально, а может быть приобретено в его ходе, а рефлексивность социального конфликта есть условие формирования и воспроизводства фанатизма.¹²⁴

В то же время, первостепенным фактором фанатизации в современных условиях является характер общественного устройства, которое направляет все усилия людей на материальное потребление. Иными словами, нужно изучать сущность социального конфликта, чтобы дойти до его мировоззренческих основ. Не всякий социальный конфликт катализатор фанатизма. Следует дифференцировать фанатизм от проникнутого гуманизмом стремления к общественному прогрессу, и в этом случае критерием прогрессивности следует считать гуманистичность, открытость миру и своей экзистенциальной основе. В экзистенциальном смысле сущность социального фанатизма – защитная, вектор деятельности фанатика – всегда движение назад, от подлинного «Я» к нарциссическому «Эго».

В становление фанатизма вносят вклад личностные, психосоциальные предпосылки. Это дисгармоничное детство, когда ребенку не уделялось достаточно любви и внимание, чтобы он мог сформировать чувство базового доверия к миру, фрустрированность потребностей, нарушения коммуникативности, и нормальной иерархии мотивов, формирование ригидного, шаблонного мышления, ориентированного на догматизм, избирательность в картине мира, склонность к непродуктивным психологическим защитами. Из-за

¹²⁴ Ким В.В. Указ. соч.

нарушений коммуникации со своим окружением субъект ощущает себя выброшенным из ситуации социального взаимодействия.¹²⁵ «Неправильность» мира, невозможность в таких условиях самореализоваться подталкивают личность к рубежу фанатизма.

Поскольку бытие человека нераздельно, и причины его поведения комплексны, они могут быть лишь условно подразделены на психологические, экономические, политические, культурные, политические, то и воздействие названных факторов на формирование фанатизма будет иметь комплексный характер.

Так, сложность социально-экономической ситуации для субъекта может иметь субъективное выражение в чувстве ущемленности, социальной неполноценности, отсутствия перспектив. Ответственность может быть возложена на политический строй, религиозные структуры, этнические группы, и найти выражение в поиске таких институциональных сил, которые обеспечат личности выход ее негативной энергии, что позволит каким-либо образом восстановить утраченный душевный комфорт и социальное функционирование.

Радикализация как процесс формирования фанатичного сознания как правило, не происходит одномоментно – личностная предрасположенность, социальная ситуация, сложная экономическая обстановка, невозможность (реальная или воображаемая) полноценной личностной самореализации – ее необходимые условия.

Социальный фанатизм возникает как массовое явление в зависимости от комплекса внутренних и внешних условий. Фанатичное сознание формируется не само по себе – оно находится под воздействием социально-экономической ситуации, политической обстановки, ценностно-мировоззренческих характеристик общества. Ситуация противоборства политических сил, слом экономического уклада, масштабная социальная трансформация порождают противоречия между различными социальными группами населения, которые также выступают как конфликт потребностно-ценностной сферы.

¹²⁵ Ясперс К. Указ. соч.

Здесь мы имеем дело с целенаправленным формированием социальных иллюзий, которые являются проявлением «обманывающегося сознания», и выражают ложные представления о действительности, вызванные как социально-психическим состоянием групп населения, так и специально внедряемыми социальными установками.¹²⁶

Следующий социальный фактор формирования фанатизма – несвободный характер труда при капитализме. Энергия преобразования себя и общества, работы на благо общества замещается усилиями по приобретению. От этого обстоятельства происходит двойственная роль потребления – с одной стороны, оно стабилизирует готовую взорваться от внутренних противоречий капиталистическую систему, вызывая иллюзию того, что новый глобальный порядок либерален, демократичен, и что период острых социальных конфликтов остался в прошлом. Вторая сторона потребительской модели – ее потворство личностному регрессу и застою, делающее ненужным развитие. Происходит это потому, что самореализующиеся, высокодуховные личности не заинтересованы в увеличении потребления, и, следовательно, могут рассматриваться как скрытая угроза для общества потребления.

Эта двойственность очень хорошо осознается «архитекторами» общества потребления, и поэтому сознательно формируемые ценностные стандарты и потребности должны удерживать индивидов, которые интерпретируются как «потребляющая масса», в границах отведенных им социальных ролей и ниш. Настороженное отношение к личностному развитию в обществе потребления можно интерпретировать с помощью концепции биофилии и некрофилии Э. Фромма. В основе этики биофилии, согласно данному подходу, находится жизнь и уважение ко всему, что способствует развитию, росту и творчеству. Некрофилия, напротив, фундаментальная альтернатива биофилии, синоним деструктивности, «результат непрожитой жизни, неспособности достигнуть некоторой ступеньки по ту сторону индифферентности и нарциссизма ... Если

¹²⁶ Хевеши М. А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы //Философские науки. 2001. №. 2. С. 5-17.

человек не может творить и не способен «пробудить» кого-нибудь к жизни, если он не может вырваться из оков своего нарциссизма и постоянно ощущает свою изолированность и никчемность, единственный способ заглушить это невыносимое чувство ничтожества ... самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения жизни»¹²⁷. Мотивационный конфликт, возникающий у личности, охваченной противоборством некрофильных и биофильных тенденций, может быть различен по степени глубины: в легких случаях социальная жизнь человека не нарушается, но при явном перевесе деструктивного компонента может доминировать склонность к асоциальному поведению. Триада условий формирования данного конфликта включает: исходную интенсивность деструктивных, либо созидательных сил, социальные условия, стимулирующие, либо сдерживающие одну из двух ориентаций, и опыт личности, судьбу субъекта. Общество потребления преимущественно способствует сдвигу равновесия в сторону некрофилии: стремление к материальным ценностям не влечет преодоления Эго, а закрепляет в человеке нарциссические черты характера, вызывая страдания вечного неудовлетворения потребительского голода. Творческое развитие, на котором строится биофильная, созидательная ориентация, и сами возможности свободного труда, в котором реализуется творческое начало личности, существенно (и целенаправленно!) ограничиваются в капиталистическом обществе, включая постиндустриальную стадию его развития. Платой за искусственно сдерживаемый общественный прогресс является социальный фанатизм – компенсация недостигнутой самореализации.

Таким образом, группировка условий возникновения фанатичного сознания дает следующие крупные блоки.

Во-первых, социальные и личные ценности, мировоззрения и невозможность реализации высших потребностей вносят свой значительный вклад: энергия нереализованности часто может быть направлена в фанатичное русло.

¹²⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ -Астрель, 2004. С.312

Во-вторых, это личностные, индивидуально- и социально- психологические дефекты коммуникации субъекта с миром и социумом.

В-третьих, роль идеологии и пропагандистских техник, задействованных в мобилизации фанатичного сознания как инструмента достижения цели конкретных политических сил.

В-четвертых, фанатичное сознание провоцируется социальной ситуацией, общественно-политическими и социально-экономическими кризисами, периодами трансформаций ценностей.

Коллективные и индивидуальные сферы феномена фанатизма не ограничиваются психологическими и идеологическими характеристиками. Социально-экономические условия общества, где выявляются фанатичные группы, с неизбежностью вовлечены в их воспроизводство. Вклад социальных взаимодействий охватывает материальное производство, социальную стратификацию, и место фанатиков в этой иерархии, обуславливая базу для создания чувства дискриминации и социального ущемления, несправедливости. Социально-экономические факторы оказывают воздействие на ценностную сферу, мировоззрение, вносят вклад в строительство модели самоидентичности фанатичной группы. Культурная идентичность, сформированная по типу фанатичной, сверхценной идеологии, служит предпосылкой и средой формирования личности, ее жизненного мира. В свою очередь, в деятельности отражены названные социальные, мировоззренческие и культурные, психологические и идеологические характеристики: фанатичный субъект «преобразует» неправильную, с его точки зрения, социально-экономическую среду и политическую структуру общества.

Таким образом, социальные и личностные предпосылки фанатичного сознания тесно связаны, образуя круг взаимовлияния социально-экономических, коллективно-идеологических и мировоззренческих, индивидуально-психологических и поведенческих факторов. Ни один из них не может быть исключен без ущерба для полноты осмысления условий возникновения фанатизма и механизмов, его порождающих.

Баланс биофилии и некрофилии в обществе потребления нарушается в пользу деструктивности. Биофилия связана с самореализацией личности, творческим, созидательным трудом, который противоречит интересам потребительского общества. Современное капиталистическое общество провоцирует индивида к личностной стагнации и регрессу, перенаправляя всю его энергию и смыслы деятельности в сферу потребления. Деструктивной компенсацией отрыва от бытийной, экзистенциальной основы является рост фанатичного сознания.

Перейдем к анализу основные его основных черт и особенностей.

В. В. Ким использует термины «фанатичное сознание» и «фанатичное состояние сознания» как синонимы: фанатичное сознание – это «... тип сознания, где нет места сомнениям и рассуждениям об истине, а есть лишь полная уверенность в том, что он (носитель данного сознания) обладает полным и абсолютно правильным знанием о происходящем в мире, об окружающем мире. У него нет боязни (отсутствует страх) совершить ошибку, в сознании фанатика присутствует такое свойство как арефлексивность».¹²⁸ Основанием целостности фанатичного сознания, согласно данному автору, является исступленная вера. Вера определяет цели, которые направляют деятельность. Сомнения – дестабилизирующий фактор – в структуре фанатичного сознания отсутствуют.

Тем не менее, нельзя что-либо просто вычеркнуть из психики. Если важное процессуально-психологическое содержание отсутствует, то, скорее всего, оно вытеснено за пределы сознания. Вытесненное содержание – эмоции, страхи, сомнения, вина – это теньевые (в терминах К. Юнга) структуры, которые управляют личностью исподволь, проецируясь на окружающий мир. Действительно, конфликтность – основополагающая черта фанатичного сознания. Но конфликт не исчерпывается «видимыми» бинарными оппозициями между «верным» и «неверным» мировоззрением, поведением. Разлом конфликта проходит гораздо глубже, охватывая социальные и личностные структуры. «Сознание человека, далекого от фанатизма, не всегда имеет такую

¹²⁸ Ким В.В. Указ. соч. С.45-46.

характеристику, как целостность, – утверждает В. В. Ким, – так как зачастую человек имеет несколько разных жизненных ориентиров, и проблема предпочтения одного из них решается сиюминутными и реальными потребностями».¹²⁹ Сразу же возникает вопрос: насколько, по мнению данного автора, сиюминутные и «реальные» потребности руководят поведением фанатичного субъекта? То есть «нецелостная» личность, обычный, далекий от фанатизма человек, довольно хорошо адаптируется социально, чему доказательством служит сообразность действия реальным потребностям и коммуникативным контекстам.

И, следуя такой логике, фанатика можно было бы распознать по поведенческим проявлениям, даже не выясняя его взглядов. Его поведение, направляемое «не-сиюминутными» и «не-реальными» потребностями в повседневном, социальном контексте будет выглядеть странно, что и приведет нас к выводу о потенциальной фанатичности данного социально дезадаптированного субъекта.

На самом деле, если бы признаки фанатизма настолько «лежали на поверхности», работа правоохранительных органов по социальной профилактике, предотвращению экстремизма и терроризма была бы существенно облегчена. Но в реальности распознать носителя фанатичного сознания можно лишь при интерпретации его ценностей и потребностей, причем не «сиюминутных», а высших уровней, которые образуют фундамент личности.

В триаду главных признаков фанатичного сознания входят догматизм, конформность, нетерпимость. Все они взаимосвязаны, и отслеживание данной связи выявляет их взаимно дополнительный характер.

Догматизм состоит в индоктринации субъекта и его окружения утверждениями, которые практически не рефлексированы. Главная функция догмы – поддержание стабильности сознания. Догма ответственна за стабильность личностной и социальной системы: все, что не вписывается в ее границы, – потенциально грозит кризисом и должно быть «вычищено» из

¹²⁹ Ким В.В. Указ. соч. С.48.

сознания фанатика. Отсутствие сомнений укрепляет фанатичное сознание. Механизмом догматизации служит рационалистичная оценка, не позволяющая проникнуть в сущность ценности.¹³⁰ Догма однозначно устанавливает формы поведения, ее позитивное намерение – обеспечить устойчивость мировоззрения и верований группы, передачу культурных ценностей, традиций. Но доходя до своего предела в развитии, догматичный тип мышления, «кристаллизирующий» определенную идеологию, становится препятствием на пути живой, связанной с реальностью саморефлексии, продуцируя неадекватную действительности картину мира. Все это позволяет считать догматизм антиценностью, соответствующей деформации познавательных потребностей.

Второй признак из названной триады – конформизм. Суть конформизма в пассивном восприятии стандартов группы, страхе выделиться из человеческой «массы», самоидентификация через членство в группе. До определенного предела, конформизм – необходимое условие социализации человека, его этап. Конформистские установки обеспечивают принятие социальных норм, облегчают начальное обучение ребенка эмпатии. Но «переразвитие» конформизма приводит личность к боязни ответственности и стремлению ее разделить с другими людьми, а в итоге - к эмоциональной и когнитивной недостаточности. Конформная позиция большинства членов группы создает среду, способствующую распространению догматичной идеологии. Это принятие формы через боязнь «быть в бытии», боязнь личной ответственности и глубокая неуверенность в своих силах, в праве жить и творить. Конформное сознание имеет все элементы потенциального фанатизма. Конформизм в нашем понимании – антиценность, соответствующая деформированной в своей реализации, подмененной потребности в аффилиации.

Третий признак, нетерпимость также может быть эмпирически полезен на этапе социогенеза, для консолидации определенной группы в неоднородной и враждебной среде. Но мера ее – в деструктивном характере социальных установок и их реальном воплощении. Нетерпимость обусловлена реализацией социальных

¹³⁰ Кислов Б.А. Указ. соч.

потребностей.¹³¹ Она есть результат дальнейшей диалектической трансформации конформизма, переходу его в свою противоположность. Преобразуясь в фанатика, конформист приобретает силу. Процесс трансформации знаменует не прогресс, а регресс – то психическое содержание, которое «поднялось» в сознании конформиста и вызвало пусть ограниченный, но все же всплеск энергии, с регрессом к фанатичным состояниям, снова «опускается» на глубину, вытесняясь и становясь невидимым для сознания. Фанатичный субъект снова непогрешим, из ведомого он превращается в ведущего, из неуверенного – в убежденного и компетентного. Но вытесненные потребности могут в любой момент начать «командовать» его упрощенной личностной структурой, приводя к разрушительным последствиям, виной которым – внутриличностный раскол. Таким образом, в саму структуру личности заложена предпосылка деформации сознания и поведения: это нарушение целостности, фрустрация подлинных потребностей и неоправданная гипертрофия социальной роли, «персоны».

Сознание фанатика также характеризуется «переразвитой» и излишне ригидной волей, подчиненной сверхценной идее. Интеллект фанатика также не свободен: он функционирует только в отведенных ему догматических пределах. Отметим, что рациональность и развитая воля – черты гармоничной личности. Свойственный рационализму взгляд на духовность и культуру вообще и религию в частности как на «сумму отдельных формул, обрядов и уставов», а не связную и целостную духовную форму, оказался «бомбой замедленного действия» и проявил свои разрушительные последствия в масштабном всплеске фанатизма и экстремизма конца XX – начала XXI веков.

При анализе фанатичного сознания и поведения мы сталкиваемся, с одной стороны, с ясной идентичностью, основанной на убеждениях и ценностях, а также стратегиях их воплощения в конкретном поведении. С другой стороны, поведение может противоречить исходно декларируемой ценности. А. Гжегорик полагает, что «Положительно оцениваемое направление действия обычно связано с

¹³¹ Конторович С.П. Социальная нетерпимость: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2005. -181 с.

определенной духовной ценностью, более или менее ясно декларированной субъектом. Отступление от ее достижения связано с реализацией витальных потребностей и ценностей взамен духовных, если даже субъект не расходует никаких усилий по достижению последних... Группа может декларировать миролюбие, умеренность, незаинтересованность и сдержанность, а на деле вести себя противоположным образом».¹³² Как было установлено выше, не обязательно замещающая, «подменная» потребность витальная – как в случае с подменой рационализма рационалистичностью, подменная потребность имеет внешнее сходство с высшей, не принадлежит материальным потребностям, но в то же время ориентируется не на ценность, а на антиценность, что и вызывает разрыв между провозглашаемым и реальным образом мыслей и действий.

Относительно деформационной сущности фанатичного сознания следует подчеркнуть три аспекта: во-первых, деформация ценностных и потребностных структур социальна, это групповое поведение, во-вторых, существует разрыв между поведением и мотивом, и в-третьих, расхождение между целью и результатом деятельности подвергается рационалистичной, а не рациональной оценке, а в итоге – фальсификации. Так, одной из распространенных психологических защит военных преступников, характеризующей данные механизмы работы фанатичного сознания, был перенос вины на жертву, которая провоцирует агрессора. «Перевоспитание» евреев, декларированное в начальной политической платформе национал-социализма, свелось к их тотальному истреблению самыми бесчеловечными методами, а пропаганда использовала рационалистичный, «антиценностный» ход – «евреи спровоцировали такое поведение, они заставили власти действовать жестко в целях защиты немцев».

Почвой фанатичного сознания становится опыт масс, который выстроен по стандартным шаблонам и избегает философствования, обращения к экзистенциальной глубине, как лишено практически-полезного смысла. «Масса снимает все непохожее, недюжинное, личностное и лучшее... жить – это

¹³² Гжегорик А. Жизнь как вызов. Введение в рационалистическую философию. М.: Вузовская книга, 2006. – С. 237.

вечно быть осужденным на свободу, вечно решать, кем ты станешь в этом мире». ¹³³

Фанатичное сознание вырастает в условиях массового рационалистичного сознания, которое служит для него питательным субстратом. Между человеком, «умеющим держать себя в бытии» и фанатиком обязательно присутствует слой конформной массы людей, выбирающих добровольно право на зависимость, право на духовное рабство. Именно в этом слое, придерживающемся преимущественно витальных ценностей и потребностей, «живут» деформации потребностных и ценностных структур и рационалистические оценки.

Таким образом, ни социально-экономические, ни правовые барьеры сами по себе не способны стать эффективным противодействием фанатизации сознания. Запретить фанатизм нельзя – ведь фанатик «ждет» нападения на свою позицию, нуждается и в репрессиях и в ограничениях, чтобы актуализировать свой потенциал агрессии, встав на защиту сверхценной идеи. Образно говоря, таким способом пытаясь потушить костер, можно лишь раздуть его пламя. Выход – в преодолении фанатизма через восстановление контакта человека с его собственной экзистенциальной глубиной.

Чтобы осмыслить пути достижения этой цели, обратимся к психологическим трактовкам фанатичного сознания. Н. А. Калюжная определяет фанатичное сознание как условно обозначаемый комплекс психических процессов, характеризующий фанатичность. Придавая особое значение онтогенезу фанатичного сознания, данный автор выделяет ряд его существенных характеристик. Предрасполагающая предпосылка – личностные невротические склонности, активизирующиеся в моменты кризисов. Иррациональная вера, тревога, неуверенность в себе разрешаются с помощью всепоглощающей идентификации с идеей, системой, лидером. ¹³⁴ Психологические проблемы, типичные для склонной к фанатизму личности – навязчивый страх и связанное с ним чувство нарциссической гиперкомпенсации потребностей в

¹³³ Ортега -и- Гассет. Указ. соч. С. 311–312

¹³⁴ Калюжная Н. А., Указ. соч.

самоактуализации. Объективация эмоциональной жизни фантика ведет его к утрате связей с миром. Сужение репертуара социальных ролей, нарушение оценочных процедур, сокращение перцептивного поля – черты фанатичного сознания.

Формирование оппозиции доверия – недоверия к миру приходится на первые годы жизни ребенка. При этом складывается доверие как к внешнему так и внутреннему миру, своим чувствам и эмоциям, под влиянием безусловной любви родителей. Страх, опасность, враждебность – последствия неудачного прохождения данного возрастного этапа, в полной мере реализуются во взрослом состоянии, когда субъект проецирует на мир, отдельных людей и себя самого негативные эмоции и опасения¹³⁵. Фанатичная личность пребывает в хроническом, непрекращающемся кризисе доверия, что позволяет предположить сбой нормального гармоничного развития именно в этой точке. Возрастной регресс также прослеживается и в других линиях психосоциального становления личности.

Таким образом, в основе фанатизма, с психологической точки зрения, находится замкнутый круг невротической зависимости: недостаток доверия к себе порождает недостаток доверия к миру, следовательно, невозможность конструктивной реакции на меняющиеся жизненные и коммуникативные условия. Отсюда следует два варианта – обходной, рационалистичный сценарий нападения и такой же объективирующий шаблон избегания. Невротические «поломки» являются предпосылками двух типов фанатизма – агрессивно-мессианского антисоциального и «избегающего», асоциального. Бесстрашие фанатика на самом деле мотивировано глубинным страхом. Страх побуждает его «заморозить», закрепить в понятных и постоянных формах социальные институты, духовную жизнь, отношения между людьми и вообще – культуру.

Роль веры в образовании ценностных структур личности заключается в активной вовлеченности в предмет своих интересов. Вера направляет волевую регуляцию, она связана с экзистенциальной основой человеческого бытия.

¹³⁵ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 340 с.

Фанатизация веры ведет к формированию комплекса сверхценных идей. Это обстоятельство отмечал С. Л. Франк, полагая, что «фанатик может уверять себя и других, что убеждения его обоснованы на чисто рациональных аргументах, и тем не менее психологически его убеждения стоят выше всех этих аргументов и вне их; не они подчиняются рациональным доводам и зависят от них, а, напротив, сама иррациональная вера подыскивает себе соответствующие аргументы».¹³⁶ Данный комплекс сопровождается интенсивностью эмоциональных состояний, сверхнапряжением воли, фиксацией сознания на предмете фанатичной веры. С психофизиологической стороны можно отметить существование в головном мозге субъекта очага возбуждения – доминанты, подчиняющей себе мысли, установки и поведение личности.

Вера и ценности в фанатичном сознании сливаются в единую, негибкую структуру, которая может функционировать ценой огромных энергетических затрат, обеспечиваемых с помощью воли. Формируется семантический ряд: фанатичная вера – ценность – сверхценная идея – установка сознания – усечение иерархии ценностей и потребностей – поведение. Таким образом, в центре структуры фанатичного сознания находится сверхценность – идея, символ, вербальный образ, заключающий в себе концентрированные смыслы, актуальные для личности, которые видятся ею как решение глубинных неосознаваемых конфликтов. С точки зрения проецирования в окружающий мир, они дают фанатику «путеводную нить» по избавлению его от сложности принятия решений, восприятия многообразия и парадоксальности мира. Фанатичная вера есть отражение фанатичного недоверия реальности. С помощью фанатичной веры отрицаются очевидные факты и предпочитают иллюзии. Разрыв фанатичной веры с действительностью, иными словами, «недоверие реальности» выражается в сверхценностном отношении к своим идеям относительно мира. Эти жесткие, заданные наперед идейные шаблоны блокируют получение информации от других людей и из окружающей среды.

¹³⁶ Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 120.

Фанатик, отличающийся радикализмом, считает свое мнение истиной в последней инстанции, которое вполне может воплощаться в жизнь за счет жизней других людей. При этом фанатично-радикальную личность совершенно не волнует тот факт, что большинство членов общества не разделяет такую позицию. Применяя рационалистичную оценку, субъект делает вывод, что большинство «неправо», имеет разлагающее влияние на общество и должно быть подчинено либо остановлено любой ценой.

Фанатичное сознание дуалистично: оно обязательно подразделяет мир на «мы» и «они». В ходе развития общества это разделение наблюдалось всегда, способствуя внутригрупповой консолидации, выработке этнической, территориальной, конфессиональной, лингвистической и иных идентичностей. Без разделения «мы» и «они» не сформировалось бы этнокультурное разнообразие человечества.

В разных социокультурных сообществах это противопоставление имеет специфику: в догосударственных этнических образованиях представлены минимальные возможности для продуктивной коммуникации, взаимного обмена глубинными, бытийными смыслами, поскольку «они» воспринимаются как конкурирующая общность, и более широко – как пространство враждебной среды. Тем не менее, данное явление имеет этноконсолидирующее значение, которое сплачивает членов сообщества, способствует формированию традиций, общего поля сознания «мы». К данному периоду относятся многочисленные предания о борьбе с врагами, которые обязательно принадлежат к чуждым (реальным или мифологическим) сообществам.

Потеря значимости противопоставления «свой» – «чужой» происходит в эру формирования наций, когда этноцентризм слабеет, личность приобретает «голос» и права, возможность выбора идентичности. Выход за пределы «мы» и «они» к более широкому классу общности «все мы» - предпосылка формирования толерантного сознания.¹³⁷ Названные социокультурные тенденции имеют общий,

¹³⁷ Мельникова Л. В. Толерантность как сберегающий подход в современной культуре : дис.канд. философ. наук. Тюмень, 2003.

«рамочный» характер, поскольку обретение индивидуальным личностным сознанием полноты возможно на любом уровне общественного развития.

Фанатизм выходит за рамки простой дифференциации «своих» и «чужих»: ин-группа («мы») вместо позитивного отношения в умеренном варианте приобретает статус богоизбранности, эталона нравственности и чистоты, аут-группа («они») наделяется всеми возможными негативными проекциями (безнравственность, грязь и разложение в помыслах, деструктивность). «Они» становятся не просто врагами, а воплощением космического зла, и мир не просто состоит из различных людей с их достоинствами и недостатками, но становится полем битвы между добром и злом, между светом и тьмой, поэтому уместна параллель между фанатизмом и манихейским мировоззрением.¹³⁸

Связь сверхценности и дуализма мышления состоит в том, что границы между «светом» и «тьмой» проводятся более резко, однозначно и не поддаются корректировке. Поэтому в процессе исследования фанатичного сознания важно установить не только его структуру, в которую может быть помещено разнообразное по смыслу и характеру содержание, но и войти в жизненный мир фанатичного субъекта, увидеть его поляризованность «изнутри». Как именно в мировоззрении фанатика реализуется идея избранности? Каково сверхценное «ядро», кристаллизующее вокруг себя ценности, потребности, веру, особенности когнитивных и волевых процессов? Каков баланс безапелляционности, категоричности и конформизма? Бесстрашия и вытесненных страхов? Персоны и тени, идеального «я» и реального поведения? Это базовые вопросы, позволяющие более четко определить сущность феномена фанатичного сознания. О фанатичных состояниях сознания уместно говорить в контексте психологии масс, масштабных переломных эпох, сопровождающих слом политических режимов, рождение новых идеологий, государств, политических программ и геополитических сдвигов.

¹³⁸ Nystrom C. L. Immediate man: The symbolic environment of fanaticism //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 19-34.

Первые научные попытки определения механизма формирования фанатичного сознания восходят к работам П. Б. Ганнушкина, полагавшего, что фанатики, как и параноики, люди «сверхценных идей», крайне односторонние и субъективные. Отличает их от параноиков то, что они обыкновенно не выдвигают так, как последние, на передний план свою личность, а более или менее бескорыстно подчиняют свою деятельность тем или другим идеям общего характера. Центр тяжести их интересов лежит не в самих идеях, а в претворении их в жизнь, – результат того, что деятельность интеллекта чаще всего отступает у них на второй план по сравнению с движимой глубоким, неистощимым аффектом волей».¹³⁹ Учение о доминанте как мотивационном центре личности, разработанное в отечественной психофизиологической школе, в сфере исследования фанатизма позволило определить его как патологическое следование психическим структурам, не учитывающим «лицо Другого», в котором проявляется настоящая жизнь. «Старинная мысль, что мы пассивно отпечатлеваем на себе реальность, какова она есть, совершенно не соответствует действительности. Наши доминанты, наше поведение стоят между нами и миром, между нашими мыслями и действительностью. ...И тут возникает, очевидно, ежеминутно в нашей жизни, следующее критическое обстоятельство: мы принимаем решения и действуем на основании того, как представляем действительное положение вещей, но действительное положение вещей представляется нами в прямой зависимости от того, как мы действуем!»¹⁴⁰

Фанатичное сознание, согласно современным разработкам психологии, берет начало в «фанатичном элементе», который побуждает к появлению «драйва», сопряженного с внутриспсихическим, неосознаваемым мотивом. «Драйв» и мотив связаны с личным и коллективным бессознательным субъекта и социума. Идеология, выработка картины мира фанатически упрощенной и редуцированной – результат рационализации и объективации действия глубинных

¹³⁹ Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Н. Новгород: Изд-во НГМД, 1998. С.25.

¹⁴⁰ Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 342.

процессов. Таким образом, поведение фанатика – верхушка айсберга, а его подводная часть – вытесненное содержание сознания, индивидуальное бессознательное и архетипы коллективного бессознательного. Достигнув устойчивого состояния компенсации, преодолев с помощью механизмов искажения реальной картины мира, свой внутренний невротический конфликт, фанатичный субъект индуцирует окружающих.

Глубинный механизм склонности к восприятию чуждой идентичности вскрыт З. Фрейдом через понятие «массовой души», где «растворяется» индивидуальность, которую заменяет образ, идеал лидера. Это происходит вследствие незрелости «Я» субъекта, его нарциссизме, выраженном в поиске собственного отражения в личности сильного лидера, наделяя его желанными качествами. Далее фанатик индуцирует окружение.¹⁴¹

Такой ситуативный, «скорректированный» и подвергнутый суггестии фанатик, не обладает устойчивым фанатичным сознанием: находясь в трудной личной, семейной, экономической ситуации, он реагирует на соблазн простоты решений, предлагаемых фанатичным мировоззрением, что активизирует на какое-то время в нем фанатичное состояние сознания.

В становлении фундаментализма деформации потребностно-ценностных структур более глубоки: исходной предпосылкой является защита собственной идентичности от «неверного», «чужого». В результате формируются твердые «защитные» идеологические, политические, этносоциальные шаблоны ригидных догм и действий. Для фундаментализма характерно преобладание коллективной идентичности над личной, опора на Текст – Святое писание, догматы, свод правил поведения, откровение. В качестве такого текста, ядра фундаментализма может выступать даже научная картина мира, если ее содержание воспринимается без сомнений, абсолютизируется и не рефлексивируется.

С этой точки зрения интересен анализ роли теории биологической эволюции в формировании «идеологических оснований» расовой нетерпимости в США в XIX – первой половине XX в. Согласно К. Клакхону, до появления хотя

¹⁴¹ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». СПб.: Азбука Аттикус, 2012. 192 с.

бы слабой возможности «теоретически» обосновать положение негроидной и монголоидной рас как «низших», в Европе и США не было настолько интенсивной расовой нетерпимости, какая сформировалась впоследствии. Так, чернокожие были вхожи в европейское светское общество, а индейцы считались одной из отколовшихся от основного древа ветвей потомков Авраама. Появление эволюционной парадигмы «вдохновило» лжеученых, и с помощью примитивной и поверхностной интерпретации физических особенностей данных рас, адепты социобиологии доказывали превосходство европеоидов. Причем ущербность, несостоятельность и псевдо научность данных взглядов вызывала обоснованную критику со стороны естествоиспытателей того времени, однако фанатики «расовых теорий» оставались глухи к любым аргументам.¹⁴²

Следующий важный момент в характеристике фанатичного сознания – его противоречивость. Из уже рассмотренных свойств можно выделить ряд таких парадоксов. Приведем их перечень.

- Сверхценность идеи – ничтожная ценность всего остального (идей, людей, мира вообще).
- Безапелляционность, бескомпромиссность – непреодоленный, непроработанный страх.
- Невозможность пробиться к собственной экзистенциальной глубине – несознаваемый страх перед бытийной глубиной Себя и Другого.
- Коммуникативный слом, разрыв связей с окружением – мессианство и стремление к распространению своей идеологии.
- Страх перед активной жизненной позицией, недостигнутая самоактуализация – ориентированность на решительные и жесткие действия, готовность отдать жизнь за идею.
- Конформность – сверхволевая регуляция (гипербулия).
- Стремление «вырваться» из рабства неправильного мира – глубинная реализация потребности в подчинении.

¹⁴² Клакхон К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. С-Пб: «Евразия» - 1998. 352 с.

- Безграничное доверие к лидеру сочетается с безграничным недоверием к миру.
- Эгоизм – недостаток интереса, внимания, любви к подлинным нуждам своей личности.
- Декларируемый гуманизм – сущностная антигуманность.
- Требование от окружающих уважения – низкое самоуважение.

После того, как мы обозначили парадоксальные характеристики фанатичного сознания, можно заключить, что ему свойственен перенос, трансфер. Фанатичное сознание продуктивно рассматривать в терминах деформации жизненно важных высших потребностей и соответствующих им ценностей, их подмены, когда подоплека, сущностные смыслы деятельности и убеждений оказываются противоположны их декларируемому смыслу.

Фанатичное сознание нуждается в поляризации. Фанатик не может справиться с собственным внутриличностным хаосом, ему страшно, он не чувствует бытийной основы, позволяющей принимать мир, боится возможной боли столкновения с бытием и наносит превентивный удар – проецирует все это неосвоенное, хаотичное психическое содержание, которое сам маркирует как «злое», «греховное», «неприемлемое», во внешний мир. Таким образом, одиозный образ внешнего мира – залог относительной психической целостности сознания фанатика, позволяющий ему функционировать в социальном смысле.

Манипуляция групповыми фанатическими состояниями сознания обращается именно к уровню идентичности – мы, народ, партия, конкретный этнос, противостоим миру. В. Клемперер в работе, посвященной языку «Третьего Рейха», отмечает лингвистические особенности пропаганды, глубоко укоренившиеся в обыденном общении. Сообщая как можно меньше сенсорных деталей в своей речи, конкретных понятий, говорящий умело манипулирует «пустотой» смысла максимально обобщенных слов, когда каждый человек сам может достроить их содержание, понять так, как будто вождь обращался именно к нему. Язык «Третьего Рейха» отличался бедностью выразительных средств, «принципиальной нищетой», декламационным, пропагандистским стилем устной

и письменной речи. При этом интересно, что слово «фанатический» (в контексте «фанатично преданный Родине, фюреру, партии») носит позитивный смысл, является часто употребительным наряду со словами «народ», «нация», «наш», «немецкий», «государственный», «исторический». Характерно отсутствие в речи признаков сомнения, размышления, рефлексии, язык динамичен и агрессивен, часто встречаются «иронические кавычки», принижающие и обесценивающие чужие цитаты.¹⁴³

Язык, как проявление сознания, является индикатором фанатизма: В. Клемперер выделил несколько пластов, для которых характерны отмеченные нами выше черты фанатичного сознания.

«Романтический пласт» – идеи сверхчеловека реализуют эгоцентрические побуждения фанатика. Вдохновенное почитание «рода», «крови и почвы» и неприятие других людей апеллирует к дуалистичному сознанию, обоснованию своей групповой исключительности.

«Экспрессивный пласт» выражает страстность, энергичность, агрессивность, воодушевление. Содержание и форма речевых эпитетов отражают экстремальность «перенаправления» энергии фанатика на преобразование мира.

«Сакральный пласт» включает идею «спасения», чуда, богоизбранности фюрера и его народа, особого предназначения немцев и недостойности, неполноценности всего остального человечества. Помимо дуализма сознания, сакральный пласт активизирует мощные иррациональные силы коллективного и личного бессознательного, делает человека «глухим и слепым» к доводам разума, неспособным ни к рефлексии, ни к критическому, рациональному мышлению.

И наконец, «рекламный пласт» является выражением гиперболизированного восприятия важности деяний вождя: «В империи был явный «дефицит будней», все ее дни были «историческими».¹⁴⁴ Геббельс, повторяя слова Лютера, говорил, что тот, кто хочет говорить с народом, должен «смотреть народу в рот», отсюда

¹⁴³ Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.

¹⁴⁴ Клемперер В. Указ. соч. С.211.

популизм речи, создающий иллюзию «свойскости», близости к простому человеку и фюрера, и нацистского руководства. Этот пласт был более манипулятивным, по сравнению с предыдущими, представляя осознанный инструмент управления людьми. Интересно, что один фанатик (Геббельс), цитирует другого фанатика (Лютера), для того чтобы целенаправленно возвращать фанатичное сознание масс. Таким образом, перед нами не только язык психологического программирования, это также механизм внедрения деструктивной социальной мифологии. Активация сил бессознательного, романтизация целей ставят вопрос о соотношении творчества и фанатичного сознания.

При исследовании оснований фанатичного сознания мы сталкиваемся с той же проблемой, которая обозначилась в процессе выявления критериев фанатизма и анализа его определений: их чрезвычайной разнородностью. Так, одна группа авторов считает основанием фанатичного сознания сверхценную идею, другие полагают, что главную роль играет неосознаваемый психологический драйв, связанный с мотивацией личности и реализованный в бессознательном. Третьи отводят главную роль аффективной напряженности и гипертрофированной волевой регуляции, четвертые считают, что причины формирования фанатичного сознания нужно искать в содержании его идеологической доктрины и специфике ценностей, пятые настаивают на культурно-этнических предрасположенностях, шестые признают приоритет социально-экономических факторов.

По нашему мнению, такие значительные разночтения в определении ведущих факторов развития фанатичного сознания свидетельствуют не только о плюрализме подходов и разнообразии исследовательских позиций, они также отражают многогранность и неоднозначность самого феномена. В интегральном философском подходе признается, что личностное развитие представляет собой изменчивое течение нескольких потоков, линий. Как полагает К. Уилбер, в их число входят когнитивная, эмоционально-аффективная, коммуникативно-межличностная, эстетическая, моральная, линия развития эго (самоидентичности), линия развития потребностей, культурных традиций,

социальноэкономического развития, мировоззрений, ценностей, веры, в том числе религиозной, духовности и другие. Отмечено, что линии «могут развиваться независимо друг от друга, в разном темпе, с разной динамикой и в разные возрастные периоды. В одно и то же время человек может быть очень высоко развитым по некоторым линиям, средне развитым по другим и низко развитым по третьим».¹⁴⁵

Рассмотрение фанатичного сознания как деформации названных линий позволяет получить более объемное представление о сущности феномена: в таком случае каждой из отмеченных характеристик (нарушениям когнитивной сферы, дуалистическому мировоззрению, ригидности, отсутствию эмпатии, догматизму, мессианству, склонности к агрессии, внутренней конфликтности и конформизму) находится свое место. Фанатичное сознание базируется на догме, конформности и нетерпимости, и в то же время исторические примеры (фанатизм ученого, фанатизм революционера) говорят о вовлеченности в него творческих людей. Чтобы ответить на вопрос, каким образом фанатичное сознание допускает творчество при всей его сверхценности и зашоренности, суженной и упрощенной картине мира, дуализме и разделении на полюса добра и зла, необходимо рассмотреть его в структурном отношении. Противоречие разрешается с помощью двух возможностей: первая предусматривает, что фанатизм в чистом виде – это искажение почти всех основных линий личностного и социального развития – эмоциональной, когнитивной, коммуникативной, а второй вариант – фанатичное сознание может быть представлено деформацией одних линий без нарушения других, что мы уже видели в случае относительно нормальной социальной адаптации фанатичного субъекта (внешним обликом не выделяется, поддерживает ритуальные формы межличностного общения, социализирован).

Таким образом, мы полагаем, что более продуктивно говорить не об эссенциальном и индуцированном фанатизме, а о нарушении эмоциональных, когнитивных, коммуникативных и других линий развития. Различия

¹⁴⁵ Уилбер К. Интегральная психология: сознание, дух, психология, терапия. М.: Издательство АСТ. 2004. С.118.

эссенциального и индуцированного типов фанатизма трудноуловимы, экспериментально обнаружить «драйв», активирующий сверхценные идеи и задействующий глубины бессознательного, при современном уровне психодиагностики не представляется возможным. А в случае индуцированного фанатизма также недоказуемо отсутствие первопричины «фанатичного комплекса» и «драйва» и индоктринальный характер фанатизма. Тем более, что личностные кризисы и осознание человеком своей жизненной ситуации как угрожающей, могут спровоцировать регресс личности к уровню удовлетворения элементарных витальных потребностей и фиксации внимания на них, что также будет иметь внешнее сходство с фанатичными состояниями сознания. Помимо этого, психологические подходы могут дать еще одну категорию, позволяющую продвинуться в социально-философском понимании фанатизма – понятие о субличностях. Субличности представляют собой функциональные представления идентичности, вернее, спектр ситуативных идентификаций, социальных ролей, которые управляют конкретными психосоциальными ситуациями (отца, сына, сотрудника, «Я», ориентированное на успех, и т. д). Поскольку субличности становятся источником проблем только по мере их диссоциации, которая может быть легкой, умеренной и тяжелой, то сложности возникают в том случае, когда какая-либо из них значительно диссоциирована или лишена доступа к сознательному «Я» вследствие травматизации либо потребностно-ценностной деформации. «Эти вытесненные «маски» – со своим автономным и неизменным набором моральных критериев, потребностей, мировоззрений – развертывают собственную деятельность в подсознании, саботируя дальнейший рост и развитие. Они сохраняются в качестве «скрытых субъектов», аспектов сознания, с которыми самость больше не может разотождествиться, чтобы их трансцендировать, поскольку они заперты в бессознательных отделах психики, откуда они посылают символические сигналы в виде болезненных симптомов».¹⁴⁶ Понятие о субличностях в контексте фанатичного сознания остается пока не исследованным и нуждается в совместном изучении на стыке психологии и

¹⁴⁶ Уилбер К. Указ. соч. С.163.

философии, постановка такой проблемы может дать интересные результаты. Ведь фанатичному сознанию присущи, как мы выяснили, и потребностно-ценностные деформации, и раскол, и травматизация, и недостаток рефлексии., иными словами, все те признаки, которые провоцируют раскол целостной личности.

Формирование подобного «раскола» является целью тоталитарных сект, и включает ряд шагов, которые вызывают целенаправленные «поломки» в линиях развития сознания их адептов. Согласно Р. Лифтону, исследовавшему процесс превращения новичка в яркого фанатика на примере секты «Аум Синрикё» достаточно следующих мер:

1) Жесткий контроль среды, в которой пребывает неофит, его контакты с внешним миром ограничиваются, информация дозируется.

2) «Мистическое манипулирование» – любые изменения в состоянии сознания и самочувствии субъекта объясняются с помощью господствующей доктрины, как «достижение благодати», «приближение к истине», либо как результат греха, если эти изменения негативны.

3) Дуализм и полярность мира: оппозиции грязное / чистое, греховное / праведное, ин-группа «хорошая» и «чистая», все остальное – «плохое» и «грязное».

4) «Культ исповеди» – необходимость постоянного раскрытия своего личного пространства, утрата его неприкосновенности для стирания границ «Я», размывания прежней идентичности самостоятельной личности, обладающей свободной волей и возможностями жизненного выбора. Также способствует поддержанию чувства вины, генерирует аутоагрессию, обеспечивает подчинение лидеру.

5) Некритичный догматизм: идеология группы определяется как «святая наука» – неизменная, абсолютная истина, иные точки зрения недопустимы, враждебны и подлежат уничтожению вместе с их носителями.

6) Языковые особенности внутригруппового общения для формирования единообразия мышления, устранения его самостоятельного и критического характера.

7) Первичность доктрины и идеологии над личностными интересами, обесценивание личности и ее индивидуального бытия.

8) Право на жизнь (от буквального в экстремистских вариантах, до благополучного загробного существования) определяется членством в группе либо принадлежностью к избранной идеологии: «праведники спасутся»¹⁴⁷.

В результате нарушается эмоциональное, когнитивное, духовное, межличностно-коммуникативное, ценностное измерение личности, формируется структура ложных потребностей и редуцированное фанатичное мировоззрение.

В пользу фрагментации целостного «я» и активизации субличностей говорит мнение В. Д. Менделевича о том, что ответственность за принятие решений переносится с конкретной личности на группу, поэтому самые нелепые и странные решения воспринимаются и выполняются рядовыми членами как должное. В процессе приобщения человека к групповым нормам тоталитарной секты происходит формирование феномена «удвоения» личности, сутью которого является разделение «Я» индивида на две независимо функционирующие системы. При этом люди не испытывают чувства эмоционального дискомфорта или неустойчивости. Они не склонны к критическому осмыслению собственного положения.¹⁴⁸

Определение степени развития фанатичного сознания связано с мерой «захваченности» субъекта фанатичной доминантой: тотальный фанатизм с полной активацией всех элементов сознания стойко и продолжительно охватывает большинство линий, в случае мягкого, либо частичного фанатизма, (фанатичных состояний сознания) активируются фанатичные доминанты лишь в строго определенных контекстах. Роль контекстов как условия активации фанатичного сознания состоит в том, их разнообразие может рассматриваться как индикатор проявления глубины фанатизма. Если для личности возможны контексты, где сохраняется ее социальная адаптация и успешное функционирование, то можно

¹⁴⁷Lifton R. J. *Destroying the World to Save It: Aum Shinrikyo, Apocalyptic Violence, and the New Global Terrorism*. – Macmillan, 2000. 278 p.

¹⁴⁸ Менделевич В. Д. *Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты)*. М.: МЕД пресс-информ. – 2003. 328 с.

говорить о развитии отдельных фанатичных состояний, ситуативно обусловленных и не захватывающих личностное ядро. В случае полной активации фанатичного сознания «островок» социальной адаптации уменьшается, количество ситуаций, в которых фанатичные режимы латентны, снижается, стремясь к нулю.

Таким образом, различия глубины фанатичного сознания имеют количественный характер, но это количественное различие не может быть диагностировано с помощью объективных научных методов, а определяется качественно, с помощью анализа коммуникативных и поведенческих моделей фанатичного субъекта, его лингвистических особенностей, высказанных и воплощенных в деятельности убеждений и мировоззренческих черт, а также стратегий взаимодействия с окружающим миром, их аффективного наполнения.

Экзистенциальные истоки фанатичного сознания находятся в нелюбви к себе. Эту нелюбовь Э. Фромм связывал с эгоизмом; он полагал, что З. Фрейд ошибочно считал эгоизм и нарциссизм результатом накопления энергии любви и перенаправления их на себя. Лишение любви – первая предпосылка формирования фанатизма. Первая и важнейшая, поскольку любовь к миру, к Другому, предполагает любовь к себе. «Если человек способен превратиться лишь в средство для возвышения славы Господней, при условии, что Господь, как мы уже поняли, анализируя догмы Лютера и Кальвина, не обладает ни любовью, ни справедливостью, то такой человек имеет все шансы превратиться в раба экономической системы, а со временем в какого-нибудь «фюрера».¹⁴⁹ «Ничтожность», «греховность» человека настолько вошли в культурную традицию что потребовали специального рассмотрения вопроса о сущности аскезы. И эта суть аскетического самоограничения, состоит в лишении любви, как ни парадоксально, в лишении себя своей собственной любви, дабы с помощью страданий заслужить прощение и снисхождение Господа. Следуя такой логике, человек, отказывая в праве на любовь к самому себе, а через себя – к миру,

¹⁴⁹ Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. М.: Попурри, 2000. С.138.

отказывает миру в праве на существование.¹⁵⁰ Это и есть основа фанатичного сознания. Связь фанатизма и догматичного следования закону отмечает Б. П. Вышеславцев: по его мнению, «христианству предназначено быть религией, заменяющей рабскую зависимость от закона свободой милосердия, как учил об этом митрополит Иларион, и этику закона – этикой очищения. Закон не может быть высшим руководителем в жизни, поскольку он есть только абстрактная норма, лишенная творческой силы. Хуже всего то, что обязательный характер закона и сознательного усилия воли вызывает дух сопротивления, поднимающийся из глубины подсознательных инстинктов и стремлений».¹⁵¹

Коренное недовольство собой, антилюбовь порождает эгоизм. Он требует источников питания: человек, чтобы заполнить пустоту на месте своего творческого, мироосознающего «Я», стремится к безудержному потреблению, чтобы доказать себе и социально-значимому окружению свою ценность. Это путь объективации мира. Отношения не по принципу «я» и «ты», а по модели «я» и «это» должны компенсировать отсутствие глубинного смысла бытия. В другом случае, когда душевный голод не может быть утолен предметами, и человек подходит к границе понимания тщетности своих усилий, он может встать на путь фанатизма, отвержения мира в угоду своему больному «эго». Отвержение, разрушение, переустройство должны заполнить пустоту, находящуюся в самой сердцевине бытия человека, там, где должны были раскрываться его жизненные смыслы.

Лишенное самоуважения «я» пребывает в подавленном состоянии, оно отодвинуто на второй план, закамуфлировано «общими» для группы и социума целями. Причем подмена мотивов и целей может быть масштабной и кардинальной: «... как правило, современный индивидуум считает, что все его поступки мотивируются прежде всего его жизненными интересами, тем не менее, на самом деле, его жизнь всецело посвящена целям и задачам, которые нужны в

¹⁵⁰ Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности : Избранные труды / Н. А. Бердяев. М. : Московский психолого-социальный институт - Флинта, 1999. 312 с.

¹⁵¹ Вышеславцев Б. П. Вера, неверие и фанатизм. Париж: YMKA PRESS, 1928. С.17.

первую очередь не ему».¹⁵² Последние десятилетия процветания потребительской морали в обществе подтверждают это положение.

В итоге параграфа можно сформулировать краткие выводы:

- Фанатичное сознание – сложный, системный феномен, имеющий многолинейную природу. От развития линий (когнитивной, эмоциональной, потребностей, ценностей, веры, эго, мировоззрений) зависит конкретная типология и конфигурация содержания фанатичного сознания.
- Механизмом формирования фанатичного сознания служат деформации ценностей, невозможность реализации высших духовных потребностей личности и достижение ею самореализации, а также подмена рациональности рационалистичностью.
- Типы фанатичного сознания в литературе выделяются на основании предпочитаемых линий, в основу классификации положены либо эмоционально-аффективные, либо когнитивные, ценностные или коммуникативные процессы.
- Для более полной картины фанатичного сознания необходим синтез названных направлений, придание им не конкурирующего, а взаимно дополнительного характера.
- Фанатичное сознание отличается парадоксальностью и противоречивостью, и может использоваться как инструмент манипуляции и индоктринации людей в политических целях.
- Экзистенциальные, бытийные интерпретации фанатичного сознания обнаруживают его тесную связь с эгоцентризмом и неприятием своей глубинной человеческой природы. В данном смысле фанатичное сознание и самоактуализация личности, достижение ею высших духовных потребностей несовместимы.

¹⁵² Фромм Э. Указ. соч. С.147

2.2. Экстремизм и терроризм как крайние формы социального фанатизма

В отечественной науке экстремизм трактуется как склонность к экстраординарным, крайним формам социальных и политических практик. Приверженность к крайностям предполагает фокусировку деятельности вокруг определенных ценностей и идеалов, доктрины, систем верований. Их содержательная характеристика определяет видовую специфику как экстремизма, так и лежащего в его основе фанатизма: религиозным ценностям соответствует религиозный экстремизм, политическим – политический, идеи об этнической исключительности и ущемленности конкретных групп могут стимулировать появление этнического экстремизма и фанатизма.¹⁵³

Мы предлагаем понимание фанатизма как содержания экстремизма, а экстремизма как формы фанатизма, что обуславливает их неразрывность и слитность. Экстремизм не самостоятелен, ему необходимо питание, и питание происходит за счет фанатизма, а фанатизм, в свою очередь, не самодостаточен, ему необходимо во что-то выливаться, воплощаться. Социальное измерение – непреложное качество фанатизма как основы экстремизма и терроризма.¹⁵⁴ Лишь в социальном взаимодействии реализуются его сущностные характеристики – дуалистическое мировоззрение, стремление к распространению сверхценных идей и борьба с инакомыслием. Личностная размерность экстремистских форм фанатизма включена в социальное взаимодействие и представляет предмет социальных коммуникаций, являясь результатом действия различных социальных условий. Деструктивная сущность экстремизма также социальна, поскольку направлена на воплощение завладевшей фанатиком идеологии в виде конкретных поступков, нацеленных на изменение существующего общественного порядка или его отдельных элементов.

¹⁵³ Степанов Е.И. Современный терроризм: состояние и перспективы. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 240 с.

¹⁵⁴ Фельде В. Г. Виды экстремизма и типы его субъектов // Омский научный вестник. 2013. №5 (122).С.127-130.

Экстремизм значительно обостряет социальную обстановку, «накаляет» и упрощает межличностные и межгрупповые коммуникации, внедряет стереотипное мышление, сужает горизонты восприятия, а память, как индивидуальную, так и групповую, делает орудием манипуляций.

В российском научном дискурсе, так же, как и за рубежом, существует разнообразие трактовок и экстремизма, и терроризма, при том, что общепринятого понимания данных явлений не сложилось. Факторами формирования экстремизма и терроризма признаются резкость социально-экономической трансформации общества, кризисность этнической и личностной идентичности, этнополитическая мобилизация, опирающаяся на религиозный радикализм и фундаментализм.¹⁵⁵

Терроризм определяется в теснейшей связи с экстремизмом как преимущественно социально-политическое явление. Близость юридических трактовок данных понятий нашла отражение в федеральном законодательстве.

Согласно Федеральному закону № 35 ФЗ, терроризм есть «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».¹⁵⁶ В юридической трактовке экстремизма прослеживаются следующие линии: экстремистскими считаются призывы к установлению диктатуры, захвату власти, созданию вооруженных формирований, разжигание розни. Последний термин уточняется: имеется в виду эскалация социальной, расовой, национальной, языковой, религиозной розни и призывы к ограничению прав граждан по названным направлениям. При этом экстремизм и экстремистская деятельность употребляются как синонимы.¹⁵⁷ Меры борьбы с

¹⁵⁵ Дробижева Л. М., Аклаев А.Л., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 384 с.

¹⁵⁶ Федеральный закон от 06.03.2006 г. N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму».

¹⁵⁷ Федеральный закон от 25.07.2015 г. N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности».

экстремизмом и терроризмом, в основном, согласно законодательству, локализуются в криминологической сфере.

Философская рефлексия связей фанатизма, экстремизма и терроризма задает более широкий горизонт вопросов: о роли социальных условий, способствующих формированию личностно-мотивационного ядра, которое свойственно всем трем видам данных деструктивных явлений, смысловом наполнении феномена радикализации сознания фанатиков, о социальном и институциональном измерении фанатизма, терроризма и экстремизма в соотнесении с аксиологической и потребностной плоскостью развития личности. Ответы на поставленные вопросы потенциально позволяют расширить спектр мер, направленных на предотвращение данных социально деструктивных явлений.

Социальные условия радикализации сознания фанатичных личностей, способствующие переходу их за грань экстремизма, многообразны. Они проявляются в виде нарушения связей в системе социума, а также деформации отношений между различными обществами, и прежде всего, их ценностными системами. Ценностные системы социумов находятся под влиянием экономических и политических факторов, поэтому общая конфликтность социальной ситуации является предпосылкой становления экстремистского образа мыслей и действий.

В последнее время «могущество бесчеловечности», рационализируемое и объективируемое в обществе потребления, приобретает характер тотальной угрозы. «Отвержение совести и веры вписывается в политику, в жизненный опыт, в международные проблемы, в стратегические завоевания. Это тревожное состояние человеческого бытия, неотвратимо снабженное силой раздробить мир на мелкие кусочки, определяется универсальной способностью человечества покончить с самим собой. Как сдержать, вразумить, парализовать человеческую бомбу? Некогда терроризм вызывал целый букет тщательно продуманных мер – полицейские репрессии, экономические и социальные предосторожности. Сегодня вызов, не признающий границ, обращен здесь и теперь к разумному

обоснованию нашей жизни, к нашим надеждам на выживание и нашей отваге перед лицом смерти».¹⁵⁸

Социальным проявлением экстремизма является деятельность групп, находящихся на периферии идеологии и культурных стандартов доминирующего социума. В каком-то смысле данные группы маргинальны, противопоставлены «большому» обществу с точки зрения идеологических, мировоззренческих позиций и методов деятельности. К примеру, масштабные процессы миграции населения из беднейших регионов мира в европейские страны и США значительно обострили социальные противоречия: правительства этих государств, обладающих (особенно в Европе) в целом стареющим, с низкой рождаемостью, населением, привлекая трудовых мигрантов, не могут обеспечить им адекватный уровень интеграции в принимающее общество. И если экономические вопросы интеграции (обеспечение пособием, жильем, работой) до недавнего миграционного кризиса 2014 – 2016 гг. хотя бы удовлетворительно, но решались, то в настоящее время миграционная проблема стала для Европы настоящим бедствием. При этом потенциально опасная в отношении экстремизма обстановка создается и в принимающем обществе, и в сообществе мигрантов. Между тем проблема «чужого» является ключевой для философского осмысления экстремизма. Принимающее общество может предоставлять «чужому» шанс, который будет им восприниматься не как помощь, но испытание, и субъект вместо включения в процесс адаптации ощущает себя запутавшимся в лабиринте. «Чуждость и близость не ограничены социальным полем; они являются общими категориями нашей интерпретации мира. Если в нашем опыте мы сталкиваемся с чем-то прежде незнакомым, находящимся вне обычной системы нашего знания, мы начинаем процесс исследования. Мы, в первую очередь, определяем новый факт; мы пытаемся понять его смысл; потом мы шаг за шагом преобразовываем нашу общую схему интерпретации таким образом, что незнакомый факт и его смысл становятся совместимыми и согласующимися со всеми другими фактами

¹⁵⁸ Гуревич П. С. Новые темы философской антропологии (очерки). Очерк 1. Феномен деантропологизации человека // Личность. Культура. Общество. 2009. Вып.1. (№ 46-47) С.247.

нашего опыта и их смыслами. Если наша попытка будет успешной, тогда то, что прежде было для нас незнакомым фактом и ставящей в тупик проблемой, преобразовывается в дополнительный элемент нашего надежного знания. Мы расширили и скорректировали наш опыт».¹⁵⁹ Эта гибкость здорового социума и личности – залог их успешного развития и интеграции новых сообществ. Принимающее общество декларирует либерально-демократическую идеологию равенства этнических и социальных сообществ, соблюдение «прав человека». Но политика, позволяющая создавать этнически самозамкнутые анклав и диаспоры, когда знание культуры, языка, повседневности становится необязательным, снижает возможности коммуникации. При такой ситуации коренной житель и мигрант имеют меньше шансов вступить в диалог, осознать партнера по коммуникации как Другого, обладающего равной экзистенциальной глубиной. А где нет диалога, открывается пространство негативных проекций и объективации: каждое сообщество наделяет другого негативными ярлыками. И если старшее поколение европейцев, в детстве пережившее ужасы нацизма, относительно толерантно к мигрантам, большей частью, «тепло-прохладной» толерантностью, по выражению Н.А. Бердяева, то среди молодежи наблюдается рост популярности экстремистских фанатических антимигрантских движений.

В свою очередь, мигрантское сообщество, слабо интегрированное в европейскую культуру, сталкивается со многими проблемами. Прежде всего, это контраст в уровне потребления коренного населения и переселенцев, реклама, ориентирующая человека, только что покинувшего традиционное общество, на такие уровни потребления, которые данному субъекту с его образовательным и профессиональным статусом почти невозможно достичь. Мигрант «выброшен» из своего общества, для него уже не предусмотрены возможности образования, здравоохранения, трудоустройства на Родине, но и на новом месте все эти нужды могут быть удовлетворены не в полном объеме, и не всегда. Иными словами, социоэкономическая система прежней Родины мигранта «вычеркивает» его из

¹⁵⁹ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: ИФ «Общественное мнение», 2003. С.306.

своих членов, а принимающее общество не готово рассматривать его наравне со своими гражданами. И одной из наиболее популярных, рационализирующих психологических защит становится интерпретация европейского общества как порочного, находящегося на «полюсе Зла», нуждающегося в немедленном насильственном исправлении.

Приведенный пример миграционных проблем лишь частный случай, подтверждающий общую закономерность: в капиталистическом обществе всегда существуют люди любой этнической и социальной принадлежности, которые переживают объективно существующее, либо субъективно воспринимаемое ущемление своих прав и возможностей, что зачастую выступает катализатором фанатичного сознания. При этом «глухота» к Другому, невозможность выйти на уровень отношения диалогичных «Я» и «Ты», оставаясь в пространстве эгоцентрически-монологичного «Я» и «Это» побуждает навязать «Этому» свою волю. Данный процесс наблюдается при отсутствии «единения сознаний» на метафизическом уровне, и доминировании в коммуникации гносеологической структуры «субъект- объект».¹⁶⁰

Экстремизм использует те черты, которыми уже обладает общество, его политическая культура, мораль и этика. Но неприемлемыми в социальном смысле их делает гипертрофия, искажение, подмена, крайняя ригидность и статичность. Экстремистская идеология, ценности и идентичности – отражение в кривом зеркале существующего в обществе культурного содержания, его «вывернутость наизнанку». Фанатизм определяется как «внесистемный» с социальной точки зрения феномен: он противопоставлен упорядоченной и взаимосвязанной жизнедеятельности общества. Выразителями экстремистского сознания, «действующими лицами», претворяющими фанатичную идеологию в жизнь, являются группы и индивидуумы, чья деятельность лежит вне правового и ценностного поля данного социума.

¹⁶⁰ Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М.: Изд-во Института философии РАН, 1999. 132 с.

На уровне социума экстремистские практики воплощаются организациями, занимающимися неодобряемой обществом деятельностью, либо в виде неформальных сообществ. Такие сообщества, тем не менее, имеют иерархическую структуру, адепты перед лицом лидера неравноправны, существует феномен «вождизма». Экстремистские сообщества символически, вербально и организационно находятся в конфронтации с существующим общественным устройством, противопоставляя себя ему с идеологической и практической (включая деструктивное поведение) сторон.

Институционально фанатичное сознание и деятельность могут быть воплощены в различных формах, имеющих ситуативный характер – поскольку роль экстремизма лежит за пределами социальной и культурной легитимности и не имеет устойчивого функционального наполнения. Таким образом, вывод В.В. Гурского¹⁶¹ о том, что религиозный экстремизм не является социальным институтом, в силу отсутствия закрепленных за ним социальных функций, может быть распространен и на более широкий феномен социального фанатизма.

Существует парадокс – институциональная невыделимость фанатичного сообщества (так как его функции ситуативны, они не включены в систему устойчивого функционирования социума, существуют за границей его социальных институтов) сопровождается его огромным и масштабным влиянием на все общественные структуры, приводя их в состояние «контртеррористической мобилизации», своеобразную тревожную готовность. Фанатизм в качестве цели своей «преобразовательной» деятельности выбирает наиболее важные социальные отношения, имеющие системообразующий характер.

Таким образом, институциональная неопределенность экстремизма и терроризма в общественном устройстве сопровождается их институциональным противопоставлением государству. Исключением являются немногочисленные государственные образования, исповедующие фанатичную идеологию, возникшие, как правило, в результате насильственного захвата власти

¹⁶¹ Гурский В.В. Религиозный экстремизм как форма социальных отношений (на примере российского общества). Автореф. дисс. канд. философ. наук. - Челябинск, 2012. 25 с.

экстремистской группировкой. Институциональным оформлением фанатичной идеологии служат социальные субъекты, действующие за пределами, либо на дальней периферии сложившихся коммуникативных структур сообщества. Их преобразовательная энергия служит цели разрушения, либо существенной деформации общественной жизни.

Разрушительная роль фанатизма рассмотрена нами выше с позиции концепции некрофилии Э. Фромма, на основе которой формируется мотивационный комплекс, противостоящий развитию и созиданию. Продолжим эту линию рассуждений относительно экстремизма и терроризма. Поскольку фанатизм, как основа названных явлений, представляет ядро деструктивного типа социальных взаимодействий, то он противопоставлен конструктивным связям в обществе. Социальные отношения могут быть подразделены на созидательные и разрушительные. Созидание связано с творческим, осмысленным трудом на благо общества, разрушение – со сломом существующих социальных коммуникаций, экономических, семейных, смысловых и ценностных отношений, которое прикрывается мотивировкой «социального блага». Позитивный аспект разрушения, как смены отжившего порядка, не соответствующего новым ценностям и потребностям, «расчищающего» место для новых структурных образований, выявляется посредством отстраненной исторической рефлексии прошлого: для человека, погруженного в гущу событий, деструктивные социальные процессы болезненны. Тем более, что для адекватного понимания его роли нужно ориентироваться на рациональную оценку, которая служит мощным инструментом самокоррекции рефлексивного мышления. Так, вспоминая войны и революции XX столетия, П. А. Сорокин отмечал: «во всей человеческой истории едва ли найдется другой, столь же критический период с точки зрения сохранения жизни на земле, столь же пораженный безумием людских масс и особенно правящих кругов, столь же отмеченный превращением человека в самого дикого и опасного из зверей. Человек-убийца, человек-разрушитель принес смерть телу, духу, уничтожил в себе Божье подобие. Все гибло – тело, дух, вековая мудрость,

прекрасные мечты».¹⁶² Потрясения XXI в. не меньше по масштабам, но намного страшнее по «технической вооруженности», грозящей существованию человечества. И как в основе личностной размерности социального фанатизма лежит комплекс мотивов, потребностей и ценностей, возникающий под влиянием социальных условий современности и побуждающий субъекта к сужению его мировоззренческого горизонта, фиксации на сверхценной идее и четкому проведению границы между добром и злом, так и в социальном экстремизме и терроризме имеется комплекс социальных мотивов, групповых потребностей и ценностей, толкающий экстремистские сообщества к террористической деятельности.

Потребностная структура экстремистов вариативна: у одних на первый план может выступать потребность принадлежности и одобрения группой (аффилиации), другие стремятся к самоутверждению, преодолению фрустрации и отчужденности от источника бытия с помощью направленного на других людей насилия, которое дает им возможность почувствовать собственное существование, его «подлинность». В этом смысле, фанатик-террорист, причиняя разрушение и смерть, ощущает свою витальность, подпитываясь ею, как зависимый наркоман. Поэтому правомерен вывод о том, что фундаментальной основой экстремизма и терроризма служит фрустрация высших потребностей личности. Но потребности находятся в тесном соответствии с ценностями, поэтому подмененным потребностям соответствуют подмененные ценности. И в случае экстремизма категория антиценностей как понятий, противостоящим бытийным ценностям с позиции целевой направленности, уместна и функциональна. Антиценности, маскирующиеся под ценности блага, справедливого мироустройства, репрезентируют высшие реальности сознания, «проблемы смысла», в своей сути основаны на подмене сами ценности и актуализируются в процессе применения «для других»¹⁶³.

¹⁶² Сорокин П. А. Долгий путь / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР, 1991. С.161.

¹⁶³ Волков Ю.К. Об онтологическом и логико-гносеологическом статусе антиценностей // Приволжский научный вестник. 2014. №12. С. 93-99.

Основой экстремистской деятельности является система переплетающихся мотивов, которые имеют индивидуальную (эмоциональную, психопатологическую и невротическую) и коллективную (политико-идеологическую, социально-политическую, этно-националистическую и т. д.) размерности. Их невозможно разделить: коллективные мотивы служат контекстом возникновения личностных, а личностные выражаются в коллективных как результат рационализации психосоциальных проблем субъекта. Данные мотивы внутри каждого типа неравноценны: политические слабее этнических, а этно-религиозные, особенно связанные с фундаментализмом, превосходят по силе все остальные. При всем разнообразии и противоречивости индивидуальных и коллективных мотивов выделяют общую доминанту экстремистского и террористического мотивационного комплекса, соответствующую «идеальной модели» экстремистского сознания и возникающую в разной социальной среде – от пресыщенной потреблением до люмпенизированной. Эта доминанта одновременно соответствует всем видам терроризма, является ядром экстремистского сознания и заключается в вере «в обладание высшей единственной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, социальной группы или всего человечества». Доминанта, как необходимый, но не достаточный компонент экстремизма, дополняется условиями, среди которых:

- нетерпимость к инакомыслию;
- отвержение сомнений и колебаний;
- субъективная поляризация мира;
- отказ от общечеловеческих ценностей (либо лишь их декларативное провозглашение);
- идея обращения остального мира в свою веру (мессианство);
- допущение и поощрение насилия, агрессивность.¹⁶⁴

¹⁶⁴ Чурков Б. Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Психология террористов и серийных убийц: хрестоматия. Минск: Харвест. 2004. С. 186.

Соотнесем выделенные В.А. Чурковым основные черты экстремистского сознания с особенностями сознания фанатичного. Как было показано выше, фанатичное сознание располагает почти всеми характеристиками экстремистского сознания, что позволяет считать последнее его родовидовой категорией. Тем более, что «идеальный тип» сознания террориста и экстремиста с необходимостью включает фанатизм. В то же время, история изобилует примерами, когда конкретный террорист не являлся выраженным фанатиком, либо конфигурация мотивационно-потребностного ядра его личности выводила на первое место потребности аффилиации, социального одобрения, даже обогащения.

Чтобы прояснить данную ситуацию, и не придать исключениям характера правила, обратимся к рассмотрению экстремистской идентичности.

Фанатичная идентичность связана с осознанием себя как носителя определенной идеологии и ценностей. При этом идеологическая схема фанатичной сверхценной идеи интериоризируется, становится элементом представления о себе, сердцевиной «я-концепции», «я-образа». Сформированная таким образом идентичность, как своеобразный фильтр, руководит реализацией потребностей и восприятием ценностей, реализуя ценностные стандарты, соответствующие экстремистскому мировоззрению, в деятельности.

Идентичность индивида как субъекта общества является результатом стремления интегрировать социальные роли, которые он играет, и его психологические характеристики с моделями личности, одобряемыми в культуре, к которой принадлежит индивид.¹⁶⁵

Социальная идентичность фанатика-экстремиста строится вокруг общественно неодобряемых ролей и психологических качеств, с чем косвенно связана притягательность его образа для групп, выражающих социальный протест — молодежи, этнических меньшинств, контркультурных, андеграундных сообществ.

¹⁶⁵ Бакланов И. С., Душина Т. В., Микеева О. А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 396-408.

Типологии экстремистских идентичностей отражают сложность потребностно-ценностного комплекса, причем в каждом типе выделяется определенный акцент мотивации. В.Л. Леви выделил двенадцать типов экстремистских идентичностей.¹⁶⁶ Сопоставив их с мотивационной и ценностной сферой экстремизма и объединив сообразно ведущей мотивации, получим четыре основные группы.

Первая группа – идеологически мотивированная, тяготеет к рассмотренному выше «экстремистскому идеалу», ее представитель – «идеологический» экстремист-фанатик. Для него характерны все перечисленные признаки «идеального» экстремистского сознания, он поглощен фанатичной доктриной, основная ценностная доминанта которой – фанатичная идея по преобразованию мира, средства воплощения ее простираются от мессианства, проповедничества до насилия. Близка по содержанию к выделенной В. Л. Леви «миссионерской» идентичности.

Вторая группа мотивируется эмоционально и делится на три подгруппы. Первая из них условно может быть названа реваншистской. Преобладают личные мотивы реванша за мнимые или реально причиненные страдания и беды, при этом уровень отождествления личности, ее идентификации, определяет масштабы реванша, которые простираются от собственной личности, семьи, поселка, к этносу, нации, стране. Идеология также занимает высокий ранг в системе ценностей представителей группы. В ней велико присутствие женщин, причем вербовка экстремистами неофинок ведется с помощью манипуляции ценностями, где ведущим мотивом является месть. Поскольку до недавнего прошлого использования женщин в качестве смертниц полагалось несовместимым с исламом, «перед исламистскими фундаменталистами встала задача религиозного обоснования такого явления, ибо Коран строго запрещает самоубийство. Такое обоснование было найдено в формуле, гласящей, что женщины-смертницы

¹⁶⁶ Савицкая Н. Фанатизм - это сверхусилие в сочетании с забытой целью (двенадцать психологических типов личности потенциальных террористов) // Россия и мусульманский мир. 2003. №3. С. 161-164.

свершают не акт самоубийства, а акт мученичества, а к мученикам Аллах благоволит».¹⁶⁷ Здесь явно видна логическая подмена понятий на основе рационалистичной оценки. Во второй подгруппе аффективно-эмоциональный компонент проявляется в нарциссизме и демонстративности, представителям свойственна «инфляция эго», под которой К.-Г. Юнг понимал присвоение содержания коллективного бессознательного. Субъект, «раздувший» свою личность через идентификацию с экстремистской группой, почувствовав себя выразителем коллективной воли, впадает в самообожествление.¹⁶⁸ Восхищение смелостью и отвагой, тщеславие первичны, идеология может отступать на второй план. И в то же время, незаметно для себя, данный индивидуум переживает атрофию своей личности, вследствие чего невозможно полноценное критическое отношение к собственному состоянию. Так формируется порочный круг нарциссического экстремизма.

Третья подгруппа мотивируется эмоциями страха и неуверенности. Зависимый, конформный субъект, имеющий слабое развитие личностных структур, нуждается в постоянном одобрении группы. Жесткость методов экстремистского сообщества помогает ему преодолевать свой страх, такой индивидуум склонен к насилию в компенсаторных целях. Идеологическая составляющая для него вторична, на первом плане – психологический дисбаланс. Четвертая подгруппа – «игрок-авантюрист», зависимый от риска и экстремальных впечатлений.

Следующая, третья группа имеет невротическую и психопатологическую мотивацию. К ней относятся три подгруппы: первые две – представители полярных садистских и мазохистских типов. Для первой характерна страсть к насилию ради насилия, которое служит источником эмоциональной разрядки, для второй – влечение к некрофилии, страданию, подвижность чувством вины. Н.

¹⁶⁷ Гарунова Н. Н. Религиозный фанатизм в молодежной среде и социо-психологический портрет террористки-смертницы на северном Кавказе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №. 8. С. 65.

¹⁶⁸ Одайник В. Психология политики: политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Ювента, 1996. 382 с.

Савицкая приводит в пример героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Кириллова.¹⁶⁹ Третья подгруппа – эмоционально холодный субъект, неспособный к эмпатии. Может проявлять садистические наклонности, но не получать от них удовольствия. Подобное расстройство личности часто связано с органическими поражениями головного мозга,¹⁷⁰ а его обладатель также может мотивироваться материальным обогащением.

Последняя, самая немногочисленная, четвертая группа объединяет субъектов с рационалистичной мотивацией. В терминологии В.Л. Леви сюда могут быть отнесены типы «сценарист-режиссер», хладнокровно планирующий террористические акты, примыкающий к нему «технар», прежде всего сконцентрированный на средствах их осуществления.¹⁷¹

Приведенная мотивационная схема довольно условна, поскольку изолированных, чистых типов экстремистской идентичности практически не бывает. Но все же она дает возможность представить социально-психологическую структуру экстремистской организации. В ней найдется место и функциональная роль для каждого из названных типов и подтипов. При этом доля идеологической составляющей для каждого типа, как было показано выше, может существенно колебаться, но в той или иной мере присутствует у всех.

Современные масс-медиа, часто не задумываясь, пропагандируют экстремизм, допуская на экраны сцены насилия, агрессии, дегуманизированного отношения. Причем зритель испытывает те же чувства обостренной витальности, как и конформный тип фанатика-экстремиста, нуждающийся в психологической компенсации. Результатом становится снижение способности к эмпатии, диалогу с Другим. Лонгитюдное исследование 13737 студентов американских колледжей с 1979 по 2009 г. показало падение уровня эмпатии, начиная с 1990 г. Резкий спад способностей ставить себя на место другого человека и понимать его чувства наблюдался в последнее десятилетие, что связывается с распространением

¹⁶⁹ Савицкая Н. Указ. соч.

¹⁷⁰ Жмуров В.А. Клинико-психопатологическое исследование. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1988. 134 с.

¹⁷¹ Савицкая Н. Указ. соч.

киноиндустрии и электронных средств коммуникации.¹⁷² Насилие, экстремизм и фанатизм в этом смысле обретают своеобразную притягательность для обывателя: «Фанатизм как явление становится интересным в связи с эффектом, который он производит в обществе, на других людей. Речь идет о поклонении, говоря иначе, культивировании такого эмоционального отношения в своем наличном опыте, который зачаровывает, делает человека лишенным здравого смысла».¹⁷³

Механизмом вовлечения в экстремистскую деятельность служит радикализация сознания, которой наиболее подвержено молодое поколение. Вопрос о связи молодежи и экстремистских воззрений не является приобретением современности: С.Н. Булгаков, придавая огромное значение идеологическому максимализму, отмечал: «Превращение русского юноши или вчерашнего обывателя в тип героический по внутренней работе, требующейся для этого, есть несложный, большею частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожества и quasi-научной «программы» какой-либо партии и затем соответствующая перемена собственного самочувствия, после которой сами собой вырастают героические котурны. В дальнейшем развитии страдания, озлобление вследствие жестокости властей, тяжелые жертвы, потери довершают выработку этого типа, которому тогда может быть свойственно что угодно, только уже не сомнения в своей миссии... Такой максимализм имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни».¹⁷⁴ Причем «героизм» в понимании С. Н. Булгакова изначально имеет негативные смыслы, но это вопрос терминологии, а не принципиальных разногласий: в названной статье высоко оценивается и цитируется работа Н.А. Бердяева,¹⁷⁵ который связывал страстную

¹⁷² Konrath, et al. Changes in Dispositional Empathy in American College Students Over Time: A Meta-Analysis // Personality and Social Psychology Review. 2011. V. 15. № 2. P.180-198.

¹⁷³ Фархитдинова О. М. Фанатизм как предпосылка экстремизма // Человек. Религия. Право. Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия. Екатеринбург, 2011. С.212-126.

¹⁷⁴ Булгаков С. Н. Из философии культуры. Размышления о национальности / Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. – С. 188.

¹⁷⁵ Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. – 1997. Т. 9.

любовь к свободе, истине, допускающую самопожертвование, с нетерпимостью к ортодоксии и фанатизму.

Особенно важно наблюдение русских православных философов о легкой подверженности молодежи протестным течениям. В настоящее время ситуация значительно усугубляется: если на пороге XX в. основным фактором, «подталкивающим» молодежь к экстремизму, был полицейский аппарат, то сейчас небывалое развитие средств массовой коммуникации в обстановке господства потребительской модели жизни и соответствующих ценностей намного облегчили как передачу, так и восприятие экстремистской идеологии молодым поколением.

К примеру, эмпирическое социологическое исследование студенческой молодежи, проведенное И. В. Васениной, выявило, что возникновение экстремизма в молодежной среде провоцируется кризисным состоянием общества и его основных институтов, включая семью; негативными сдвигами в ценностных ориентациях молодых людей; коммерциализацией средств массовой информации, целенаправленно формирующих определенный «образ» субкультуры; тенденциями к дегуманизации и деморализации искусства; отсутствием единой системы гуманитарного воспитания.¹⁷⁶

В большинстве обществ профессионально смонтированные специалистами образы глянцевого стандарта потребления способствуют тому, что нарушается социализация молодежи в рамках традиции, а стремления к самостоятельному поиску смысловых оснований своей жизни, ее глубины, не возникает. «Экзистенциальный вакуум», о котором писал В. Франкл (1990), становится уделом небольшой прослойки индивидов, ищущих смыслы, тогда как остальным, основной массой населения уже усвоен предъявленный идеал потребительского общества. Но без последствий отказ от ценностей своей культуры пройти не может.

¹⁷⁶ Васенина И. Ценностные ориентации студенческой молодежи и экстремизм // Высшее образование в России. 2007. №11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studencheskoy-molodezhi-i-ekstremizm> (дата обращения: 20.05.2016).

В первом случае, столкнувшись с невозможностью достижения того уровня потребления, на который программирует человека современная западная цивилизация, сохранив нереализованное желание достичь этого уровня, личность испытывает фрустрационные состояния, определяющие мотивы деятельности и мировосприятия, что подталкивает ее к несанкционированному обществом поведению и делает склонной к восприятию фанатичной идеологии и экстремистских установок. Во втором случае, человек остро воспринимает диссонанс между личными ценностями и ценностями общества, где господствует стереотип, приравнивающий успешность жизни к успешности потребления. Эмоционально переживая эту конфликтность, индивид может пойти как минимум, тремя путями: либо использовать несовпадение реальности и ожиданий как ресурс для углубления работы над собой, самосовершенствования, либо вытеснить конфликт и перейти к стагнации личности, регрессировав на уровень витальных и социально-статусных потребностей, впрочем, без особых притязаний, либо примкнуть к существующей экстремистской организации, или же, как разновидность этого же пути, предложить собственную доктрину изменения существующего социального порядка. Тем самым субъект дает выход скопившейся негативной, протестной энергии в форме деятельности по преобразованию мира. Как правило, такая деятельность не бывает созидательной: в силу поверхностности фанатичной доктрины, не вовлеченности в глубинные, бытийные смыслы, фанатичная деятельность деструктивна. Фанатик-экстремист стремится восстановить свой личностный мир, «преобразуя», (а по сути, нарушая и разрушая) мир социальный.

Экстремизм нацелен на дестабилизацию власти, эскалацию социальных конфликтов, применение социально недопустимых стратегий и тактик их разрешения. По сути, целью экстремизма и терроризма, при крайней формальности, скудости и схематичности идеологических программ, является внедрение мифологизированной, инфернальной картины реальности в общественное сознание, которая должна способствовать тотальной деструкции ценностей общества. Защита и распространение фанатичных догматов –

приоритетная цель создания объединений фанатиков. Помимо этого, в экстремистских и террористических сообществах осуществляются социальные коммуникации, которые должны заменить адепту все связи с миром. В этом смысле фанатичное сообщество – пример реализации общественного идеала фанатичной идеологии в миниатюре. В то же время, большинство адептов, позитивно оценивая сообщество «верных», не удовлетворены такой «микроуровневой» реализацией своих ценностей. Цель экстремистских организаций – расширение влияния, обретение силы и социальной власти, необходимой для построения «правильного» общества.

Фанатичные и экстремистски настроенные группировки стремятся в кратчайшие сроки (вспомним концепцию «немедленного человека») этот баланс разрушить, утвердив новую, правильную с их точки зрения систему ценностей и поведенческих стандартов. С позиций такой функциональной роли становится понятно, почему некрофильские установки фанатичного образа мыслей и действий, воплощенные в экстремизме, являются мощным оружием в руках капиталистических правящих классов. Но умело направляемый фанатизм, выполнив свою деструктивную роль в обществах, являющихся сферой финансовых и политических интересов транснациональных империалистических групп и национальных торгово-промышленных элит, часто выходит из-под контроля. Его энтропийная энергия как взрывная волна распространяется на соседние общества, причиняя беспокойство самим «манипуляторам», выпустившим силы фанатизма, экстремизма и терроризма на свободу. Они не в состоянии подчинить, загнать в общественно приемлемое русло вплеснувшиеся энергии *mortido*, во много раз превосходящей созидательные силы. Примеры этого – множество военно-политических конфликтов, где экстремистски настроенные силы «подкармливались» лидерами развитых стран, преследующими конкретные политические и экономические цели, а потом вышли из под контроля, поставив целые общества в ситуацию затяжных социальных бедствий и насилия.

Экстремист-фанатик – запрограммированный человек, он не гибок, не спонтанен, и в поведении возможно уловить этот структурный элемент

роботизированности. При этом роботизированность – черта, очень распространенная, отражающая потерю смысла существования, и не обязательно сопровождающаяся фанатизмом: «Современный человек изголодался по жизни, но поскольку он робот, жизнь не может означать для него спонтанную деятельность, поэтому он довольствуется любыми суррогатами возбуждения: пьянством, спортом или переживанием чужих и вымышленных страстей на экране».¹⁷⁷ Поиск суррогата переживания жизни, соприкосновения с бытием лежит в основе развёртывания последовательности фанатизм–экстремизм–терроризм.

Функции социального экстремизма сводятся к распространению своего образа мыслей и идеологии (при этом существуют насильственный и ненасильственный пути). К выбору насильственного пути реализации своих целей более склонны такие виды экстремизма, как религиозный, политический, этнический, – это так называемый «экстравертный» тип. «Интровертный» тип может также быть религиозным, этническим, экологическим, он предполагает относительно ненасильственный путь – по крайней мере, причинение вреда идет в основном собственной личности и ближайшему окружению, для него характерна ориентация на «спасение» своего сообщества. Разница между двумя названными типами состоит в том, что градус, степень напряжения здесь неодинакова. То есть речь идет о количественном аспекте энергетического потенциала фанатизма – сколько негативных установок и какой интенсивности накоплено в данной группе. С положениями Найстрома¹⁷⁸ о «немедленном человеке» можно предполагать, что выброс экстремистской деятельности «экстравертного» типа не заставит себя ждать. Фанатичная аскеза, как самоцель – черта интровертного типа экстремизма. Ценности экстремистов-фанатиков, переживаемые как «истинные», чистые, свободные от искажений, противопоставляются ценностям, разделяемым основными структурами общества, а в результате чем дальше отстоят друг от

¹⁷⁷ Фромм Э. Указ. соч. С. 368.

¹⁷⁸ Nystrom C. L. Immediate man: The symbolic environment of fanaticism //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 19-34.

друга, чем менее совместимы системы ценностей, тем ярче и рельефнее проявления экстремизма.¹⁷⁹

Однако, как мы выяснили при рассмотрении подмены, декларируемые ценности могут совпадать: фанатик и не-фанатик одинаково стремятся к «справедливости», «правде», общественной гармонии, процветанию своей страны либо народа (субэтноса, социальной группы), но значение, вкладываемое ими в эти понятия, может кардинально различаться. Так, если для не-фанатика «справедливость» означает равные права перед законом, то для носителя фанатичного сознания она может состоять в следовании идеологическим догмам, оценивании поступков и мыслей людей сквозь призму доктрины. Происходит ценностная мимикрия: то, что называется одинаково, таковым не является. В одно и то же понятие может быть вложен противоположный смысл, с чем связывается понятие «антиценность».

Фанатик – личность не развивающаяся, «застывшая». Фанатичная идеология группы ориентирована экстенсивно, «по горизонтали», на расширение числа адептов и нейтрализацию противников. Догматизм, отсутствие творчества, избегание нового в поиске смыслов бытия, ориентация на то, что ответы на все вопросы уже содержатся в доктрине, исповедуемой фанатичной группой, делают невозможным развитие фанатичной идеологии в глубь, «по вертикали». В таком идейно-ценностном контексте реализация духовных потребностей личности, неразрывных с творчеством, невозможна. Поэтому ориентация на витальные потребности, их фрустрация и вытеснение – неизбежные спутники экстремистских и террористических форм проявления фанатизма.

Экономические и политические трансформации общества сопровождаются изменениями в мировоззренческой сфере: старые ценности утрачивают свою актуальность, а новые еще не завоевали себе прочную позицию. Сходные процессы протекают в сфере религии: авторитетные традиционные конфессии теряют свои позиции и популярность, их структурообразующие способности падают, поскольку традиционные конфессии отождествляются со «старым»,

¹⁷⁹ Гурский В.В. Указ. соч.

теряющим популярность режимом власти. Это еще одно условие выдвижения на первый план фанатичных по сути, экстремистских по содержанию, религиозно-политических течений. При этом возможны четыре варианта: в первом случае доктрина таких течений может оставаться в пределах традиции, но интерпретироваться более радикально, а деятельностная сторона допускать неприемлемые с точки зрения общественной морали и нравственности средства реализации. Второй вариант предполагает возникновение новых идеологических, политических и религиозных течений, которые противопоставляются обществу и могут навязываться силовыми методами. Третий вариант – радикальная доктрина в сочетании с личностно-деструктивными средствами ее воплощения, не нарушающие социальных норм. При этом страдает сам субъект и лица, входящие в его ближайшее окружение. В четвертом случае социально неприемлемыми являются и радикальная доктрина, и антигуманные средства ее воплощения, вред наносится и личности, и обществу в целом.

В. В. Гурский выявляет и акцентирует феномен ценностной подмены в политической функции экстремизма: вместо ценностей группы ценными становится сама неформальная группа, ее лидер, а не декларируемые гуманистические ценности.¹⁸⁰ Характер этой подмены иной, в отличие от выявленного нами замещения ценности антиценностью по сути, но декларирования ценности по содержанию, основанного на рационалистичной оценке, происходит сдвиг объекта оценивания. Можно провести параллель с подходом К.-Г. Юнга и аналитической психологии: ценностная подмена в выявленном нами смысле – это действие персоны и тени: поскольку сама ценностная подмена не осознается, то декларация – это персона, а невысказанный антипод, включая конформистские ценности – тень. То есть, если мы провозглашаем цель, основанную на ценности любви и идем к цели посредством агрессии, насилия, «добра с кулаками», то мы аннигилируем саму любовь.

В случае социального фанатизма ценностная и потребностная подмена – мотор, сильный мотив преобразовательных действий. От степени преобладания

¹⁸⁰ Гурский В.В. Указ. соч.

тени, отсутствия осознанности и здоровой рациональности, недостаточной степени рефлексии собственного поведения и образа мыслей, слепой веры в декларации, попадания во власть психологических защит, как раз зависит степень выраженность фанатизма, его склонность к перерождению в деятельный экстремизм и терроризм.

В итоге параграфа отметим ряд ключевых моментов:

- социальный фанатизм является сердцевиной и сущностным ядром экстремизма и терроризма, которые в эпоху технологизации, господства потребительских стандартов и коррозии традиционных ценностей становятся первоочередной угрозой для выживания человечества;
- экстремизм и терроризм служат инструментами современных политических манипуляций; активация разрушительных сил, лежащих в их основе, выходя из под контроля, приносит значительные и масштабные бедствия не только в плане разрушения материальной жизни, но и деформации путем ценностно-мотивационной сферы личности;
- типы экстремистской идентичности, выделенные по психосоциальным основаниям, отличаются разными пропорциями идеологических, эмоциональных, невротических и психопатологических компонентов и позволяют представить разнообразие социально-психологического профиля экстремистских организаций и оценить риски вхождения в них конкретных субъектов;
- для фанатизма, экстремизма и терроризма характерны ценностные и потребностные подмены: вместо потребностей высшего уровня реализуются низшие и фрустрированные высшие, а ценности декларируются, замещаясь антиценностями;
- в институциональном плане существуют трудности определения экстремистских организаций, поскольку они функционируют на периферии общества, их деятельность

ориентирована на избегание и уход от ответственности, отличаясь криминальным и полукриминальным характером;

- дополнительная опасность экстремистских организаций в мировоззренческом плане связана с их романтизацией в глазах недостаточно зрелых субъектов, прежде всего молодежи;
- социальный экстремизм, терроризм и фанатизм нуждаются в философской рефлексии, существенно расширяющей методологический горизонт данных понятий. Криминологическая и политическая трактовки данных феноменов не могут охватить их глубинных, экзистенциальных истоков, следовательно, рекомендуемые мероприятия по предотвращению и профилактике более узкие, чем масштаб названных явлений.

2.3. Глобализация и интегральная стратегия преодоления фанатизма

Феномен фанатизма в период глобализации привлекает внимание с позиций онтологического исследования: его суть тесно сопряжена с искажением глубинных личностных и социально-культурных механизмов существования в противовес гуманистическому дискурсу объединения человечества. Рассмотрим стратегии преодоления фанатизма в современном мире, принимая во внимание его комплексность.

Глобализация всех сторон жизни человечества привела не только к невиданным прежде масштабам технологического прогресса и обеспечения уровня жизни в развитых странах; всеобщая связанность бытия и культур территориально отделенных обществ грозит совместным уничтожением человеческой культуры и цивилизации в случае возникновения войны. Еще никогда в истории не был столь высоким риск перехода войн в глобальные, губительные для всего человечества катастрофы. Фанатизм в современном мире наиболее опасен, поскольку он может «высечь искру» в условиях межцивилизационных противостояний. В этой ситуации становление морально

ответственных личностей, обладающих критическим мышлением и ясным пониманием ценностей, становится противовесом фанатизму.

Со второй половины XX в. формируется принципиально новая природа военного противостояния, когда из сферы материальных объектов оно переносится в духовную плоскость, провоцируя социальный конфликт, разделение и противоборство внутри человека, социума, государства; тенденция эта со временем набирает силу. На первый взгляд, процессы глобализации должны снижать напряжение и противоборство, объединяя человечество крепкими культурными, политическими, экономическими связями. Но побочный эффект глобализации состоит в ее двойственной неолиберальной риторике: представления о добре и зле, связанные с жизнью многих поколений, подвергаются ревизии в свете «общеевропейских» ценностей, а традиция трактуется как архаичный механизм, стоящий на пути прогресса. Как никогда, теперь актуален выбор: быть ведомым, потребителем сконструированных маркетологами духовных и материальных продуктов, либо, как призывал П. А. Сорокин, вступить на путь добровольной индивидуальной трансформации.¹⁸¹

Представление о социальном развитии тесно связано с категорией социального времени: войны, снижение благосостояния и рост уязвимости отдельных слоев общества являются проявлениями регрессивного вектора.¹⁸² С учетом данного положения, социальный конфликт, порождающий фанатизм, в случае опоры на традиционалистскую почву имеет характер несовпадения временных векторов, буквального столкновения субъективных миров, относящихся к разным этапам общественного развития.

Роль традиций в глобализированном обществе противоречива: в общественном сознании складывается негативный образ традиционности как отсталости, несовременности, нуждающейся в преодолении, при этом

¹⁸¹ Бадмаева М. В. Личность в период религиозной и моральной поляризации // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 3. С. 91-97.

¹⁸² Бартунаев Л.Р. Желаева С.Э. Экономическая форма времени как полимодального феномена природы: понятия и свойства // Вестник Бурятского государственного университета, 2013. № 2. С. 41

«двигателем прогресса» считается так называемый креативный класс, пропитанный неолиберальной идеологией. Глобализация понимается как результат работы общественно-исторических законов, но по сути, «то, что выдается за объективный (и, следовательно, единственно возможный) процесс - является разработанной стратегией финансово-экономического поведения, всего лишь одной из возможных и допускающих альтернативы».¹⁸³

Процессы глобализации современного общества сопровождаются многоуровневой дифференциацией. Постиндустриальное общество часто рассматривается как система взаимозависимо развивающихся частей, для которых свойственны единство и сотрудничество. Под внешним благополучием и декларируемым гуманизмом глобализации кроются множественные неравенства – имущественные, образовательные, социокультурные, имеются огромные разрывы в качестве жизни и возможностях доступа к благам цивилизации, непреодоленная социальная, национальная и расовая рознь во многих регионах мира. Культура, ценности, включая религию, в такой ситуации – мощная интегративная сила, способная сплотить распадающееся общество. В то же время, современные условия таковы, что разъединяющая, даже не дифференцирующая, а угрожающая существованию мира роль фундаменталистских религиозных течений все более нарастает.¹⁸⁴

В эти процессы вносит вклад поляризация экономического развития регионов мира. С одной стороны, можно видеть процветание «золотого миллиарда» – экономически обеспеченного населения Западной Европы и США, потребляющего значительно больше материальных благ, чем это нужно с точки зрения здоровой рациональности, и с другой, целые регионы Африки, Ближнего

¹⁸³ Лепехов С. Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. /Материалы XI Международной научной конференции "Байкальская встреча", Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. С.197.

¹⁸⁴ Бреская О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 77-87.

Востока, Латинской Америки, погруженные в военно-политический и экономический хаос.¹⁸⁵

Степень эксплуатации трудящихся правящими классами в современную эпоху часто недооценивается, рассматриваясь как проявление глобализации и международной интеграции. Глобализация выражает стремление к росту капитала, социальные последствия эксплуатации не сглаживаются, но наоборот, приобретают транснациональный характер. В настоящее время внешние признаки эксплуатации человека человеком не настолько ярко представлены, как в XIX–XX вв., но сущность ее не изменилась. Поляризация мира по критериям экономического развития, качества жизни населения, образования, доступности медицинских услуг и возможностей для развития личности, приобретает поистине угрожающий характер. В этих условиях «регулятором», направленным на смягчение социального напряжения и недовольства, становится манипуляция потребностно-ценностной сферой личности и общества. Возведение вещи и вещных ценностей к социальному идеалу, ориентация на безграничное потребление, иллюзорная доступность для каждого все более усложненных и отвечающих самому взыскательному вкусу товаров и услуг – не только идеология правящих классов капиталистического (в том числе – постиндустриального) общества, но и инструмент социальной манипуляции, специально сконструированная идеологическая программа, позволяющая переориентировать социальное недовольство и напряжение с социальной борьбы, отстаивания своих прав, стремления людей к духовному росту и саморазвитию – на потребительскую модель сознания и деятельности.

Причем такая программа конструируется с учетом новейших открытий психологии и психофизиологии, задействуют все сенсорные системы человека, создавая притягательный образ будущего, себя-в-будущем, окруженного совершенными вещами, имеющего множество возможностей приобретать не только предметы, а также ощущения, впечатления, эмоциональные состояния

¹⁸⁵ Ткачев В. С., Федчин В. С. Эпистемологические и социологические предпосылки обретения идентичности // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. №. 5. С.

обладания. Но достижение такого потребительского идеала проблематично, поскольку каждая ступень на данном пути вызывает дальнейший рост жажды потребления.

Реальная глобализация сопровождается экономическими взаимодействиями интеграционного характера, а виртуальная, как отмечает С. Ю. Лепехов, протекает лишь в информационном пространстве, когда наименее развитые страны, а также социальные страты населения «оказываются объектом культурной суррогатной глобализации, не получая никаких дивидендов от глобализации экономической»¹⁸⁶. Происходит «замораживание» духовного интеллекта на этноцентрическом, свойственном части населения этих стран, уровне мифического сознания. Рациональное мировоззрение, доминирующее в западном мире, не дает социально приемлемых средств выражения дорациональных религиозных убеждений и ценностей.

Набирающие с каждым годом силы миграционные процессы межгосударственных и межконтинентальных масштабов вызывают смену ценностной и культурной картины западного мира. Неолиберальные социальные и мировоззренческие институты препятствуют эволюционному, плавному переходу от мифической и этноцентрической духовности (которая была свойственна в процессе исторического развития всем обществам и осталась у многих представителей незападных обществ в современном мире). Истоки терроризма К. Уилбер метафорически представляет как «крышку на кипящей кастрюле» в виде рационального научного и мироцентрического постконвенционального мировоззрения, которая не дает возможности выразить в социально-приемлемой форме этноцентрические верования.¹⁸⁷ Носители традиционалистских, мифологических, этнических, обрядово-центрированных форм религии не могут найти понимания в рациональном и

¹⁸⁶ Лепехов С. Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. /Материалы XI Международной научной конференции "Байкальская встреча", Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. С.196.

¹⁸⁷ Уилбер К. Интегральная духовность: Новая роль религии в современном и постсовременном мире. – Ipraktik, 2013.

постконвенциональном мире, их взгляды подвергаются насмешкам и научным опровержениям. Это провоцирует ожесточение, социальный и личностный конфликт и субъективную поляризацию картины мира: чтобы не отречься от своих верований, человек начинает отстаивать их с чрезмерной силой, обозначая для себя весь остальной мир как «неверный», нуждающийся в исправлении. Отсутствует полноценный социальный диалог, когда диалоговые отношения определяют возникновение нового типа рефлексии, где реализуется «не столько информативное, сколько экзистенциально-методологическое взаимодействие».¹⁸⁸

Последствия виртуальной глобализации создают не только экономическое неравенство и напряжение, они провоцируют социальный конфликт, как предпосылку фанатизма. Исключенные социальные слои, этнические и конфессиональные группы, интересы которых не может выразить государство, исповедующее неолиберальную идеологическую доктрину, становятся почвой для пополнения рядов потенциальных фанатиков и экстремистов.

Но дело не в самой рациональности, а в пренебрежении диалогом между группами, культурами и конфессиональными сообществами: ведь холистические подходы к научной рациональности не отвергают, а наоборот, инкорпорируют субъективные, личностные грани опыта для построения целостного современного мировоззрения.¹⁸⁹ Интеграция ценностей предполагает синтез эмпирических и надопытных феноменов: интегрализм П. А. Сорокина предполагает непротиворечивое сочетание науки, философии и теологии. Интегральная культурная суперсистема устойчива, когда индивид и группа гармоничны в социальном, политическом, культурно-ценностном отношениях.¹⁹⁰ К примеру, идея синтеза ценностей разных культур и цивилизаций может опираться на

¹⁸⁸ Болдонова И.С. Межличностный диалог: устный и письменные дискурсы // Наука и образование, 2010, № 3. С. 71.

¹⁸⁹ Сандакова Л. Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации / Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора В. А. Балханова. Улан-Удэ: БГУ, 2015. С. 46 - 49.

¹⁹⁰ Бадмаева М. В. Питирим Сорокин и философия евразийства // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения) / Материалы Международной научной конференции. Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г. С. 410-420.

региональный опыт сознательного ограничения потребления, свойственный сибирским этносам, и в частности, жителям Байкальского региона, где в диалогическом процессе кристаллизуются в единое целое духовные этические ценности буддизма и христианства¹⁹¹. Напротив, социальный конфликт и следующая за ним эскалация фанатичного сознания всегда вырастает из нарушения интеграционных взаимодействий личности и социума, различных культур и государств.

Что же можно противопоставить увеличению эгоцентризма и связанному с ним риску роста фанатизма в современном обществе? Ответ можно дать, исходя из предложенной П. А. Сорокиным парадигмы альтруизации общества.¹⁹² Переводя внимание с безличной ответственности общества на персональную ответственность личности, П. А. Сорокин апеллирует к возвращению индивидууму свободы, лидерства, сознательной и сверхсознательной энергии, обретению новых личностных смыслов. Рост осознанности, владение всей полнотой и мощью критического мышления в сочетании с ясным пониманием своих ценностей избавит людей от необходимости сражаться за чуждые им цели и погибать в войнах. Основанная на осознанных личностях общество альтруизация, по замыслу П.А. Сорокина, должна охватить сферу социальных и культурных институтов. План трансформации, предусматривающий альтруизацию общества, включает встречное движение вверх и вниз- от продуманной политики, включающей накопление знаний и методов альтруизации, к спонтанному движению альтруистических личностей в ее поддержку. Укоренение в сознании альтруистического типа мироотношения способно лишить фанатичные движения почвы формирования. Фанатизм всегда поляризован, он требует образа Другого-Чужого, но если весь мир мыслится как мирный и созидательный космос, то не остается места насаждению воинствующих идеологий, разрушительных для

¹⁹¹ Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский ун-т технологий и управления, 2007. 263 с.

¹⁹² Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, ... СПб., 2000.

личности и социума. Именно поэтому П.А. Сорокин приходит к выводу, который особенно актуально звучит сегодня, в обстановке поляризованной и взрывоопасной политической ситуации: «Без увеличения производства, накопления и распространения энергии неэгоистической любви никакие другие средства не смогут ни предотвратить будущие самоубийственные войны, ни установить гармоничное устройство человеческого универсума».¹⁹³

Соприкосновение человека с миром абсолютного, не подвластного времени возможно лишь на основе гуманитарности, как естественного движения человека, действующего определенным образом не из принуждения, а согласно естественному побуждению к любви и благу.¹⁹⁴

Мировоззрение фанатика отвергает ценности подлинной альтруистической любви, поскольку оно основано на разграничении людей на своих и чужих, когда группоцентризм становится разновидностью эгоцентризма.

Система ценностей «чувственной культуры», которая имеет ярко выраженную прагматичную ориентацию, согласно П.А. Сорокину, в будущем неизбежно придет в упадок и сменится ценностями идеационального порядка.¹⁹⁵ Имеются все признаки того, что в настоящее время ценности «чувственной культуры» искусственно консервируются с помощью сознательно конструируемой экономическими и политическими силами установки на сверхпотребление. Тем не менее, кризис «чувственных» ценностей происходит повсеместно, и он не только выражается в поляризации мира и экономическом неравенстве, «линия раскола» охватывает сознание личности и общества. Поляризация, вызванная кризисом, закономерна, и современный кризис также свидетельствует о расхождении общества к двум противоположным полюсам: моральности и осознанности на одном, бездумное потребительство, жестокость и алчность - на другом. Всплеск социального фанатизма, который находит свое

¹⁹³ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 248 с.

¹⁹⁴ Ильин В.В. Аксиология. - М.: Изд-во МГУ, 2005. - 216 с.

¹⁹⁵ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, ... СПб., 2000.

воплощение во множестве экстремистских течений - проявление современного кризиса общества, предсказанного П. А. Сорокиным.

Итак, П.А. Сорокин отмечал, что образование, научные знания, беспрецедентно увеличившиеся в объеме и глубине в XX в., освоение физической энергии, религия в виде «словесно-ритуального вероисповедания» в варианте, сконцентрированная на обрядах и словах, коммунистическая и капиталистическая формы экономической организации не дадут человечеству рецепта «излечения язв человечества», лежащего вне сферы альтруистической любви. Переход к более высокому уровню морального сознания, как писал П. А. Сорокин, с помощью «благодати творческой любви (the grace of creative love)¹⁹⁶ дадут стойкий эффект в преодолении причин социального фанатизма.

Глобализация обусловила углубляющуюся взаимосвязанность всех областей жизни: Запад в культурном плане проникает на Восток, а Восток - на Запад, формируя островки- анклавов традиций, значений и образов мира. Исповедуя секулярную духовность, неолиберальная парадигма отказывается в праве реализации множеству религиозных форм и течений. Это несовместимо с опасностью современных конфликтов, когда глобализация может дать не только позитивные культурные и социальные плоды, но и в результате обострения ситуации в политике и экономике поставить человечество на грань самоуничтожения¹⁹⁷. Стратегии преодоления фанатизма должны исходить из взаимной корреляции социально-экономических (интеробъективных), личностно-бытийных (субъективных), культурно-мировоззренческих (интерсубъективных) и конкретно-исторических (объективных) предпосылок развития личности и социума. Данные факторы воздействуют комплексно, в определённом сочетании являются условиями формирования фанатизма и лежат в основе объяснения его природы. Совместное развитие четырех доменов, представляют собой

¹⁹⁶ Сорокин П. А. Таинственная энергия любви //Социологические исследования. – 1991. – №. 8. – С. 121-137.

¹⁹⁷ Гаськова М. В. Интегральный подход К. Уилбера в контексте постнеклассической науки //Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal) № 9(13). 2016. С. 76 - 82.

«тетраэволюцию», в терминах К. Уилбера¹⁹⁸, идеологии и мировоззрений, личностного сознания, его интрапсихических граней, феноменального переживания опыта Бытия, а также социальных структур, общественно-экономических формаций и технико-экономических систем на каждом уровне развития общества.

И здесь сливаются два интегральных мировоззрения: интегрализм П.А. Сорокина и интегральная теория К. Уилбера. При всех теоретических различиях, и П. А. Сорокин, и К. Уилбер едины в понимании необходимости религиозной, ценностной и мировоззренческой интеграции разнотипных стран и социумов как условия выживания человечества. Холистическая, диалоговая парадигма - путь, который сможет предотвратить развитие фанатичной идеологии, экстремизма и терроризма.

Культивирование традиций, не противоречащее технологическим достижениям современности, экологический баланс в сфере сознания, культуры и природы, уважение Другого и его образа мира, подлинная экономическая интеграция без эксплуатации слаборазвитых стран, ориентация на духовное, предметное и экономическое творческое преобразование действительности - интегральный идеал будущего. Его неотъемлемой частью становится духовность, где религиозность может сочетаться с научным познанием на непротиворечивой, взаимно дополнительной основе «сверхрационального» мировидения, предсказанного еще П. А. Сорокиным.

В итоге параграфа можно сформулировать краткие выводы:

- риторика неолиберальной глобализации противоречит порожденным ею сущностным процессам: росту экономического неравенства, скрытой экономической и экологической эксплуатации незападных членов мирового сообщества, что создает предпосылки обострения социальных, этнокультурных и личностных конфликтов;
- установка на безграничное потребление, скрыто транслируемая неолиберальными культурными стандартами, провоцирует рост

¹⁹⁸ Уилбер К. Интегральное видение. — М.: Открытый Мир, 2009.

эгоцентризма, и также подталкивает к фанатизму при неполноценности доступа субъекта к состоянию необусловленной, альтруистической любви;

- препятствия в религиозном и культурном самовыражении представителей незападных обществ, недооценка важности традиций и традиционных ценностей в контексте глобализации способствуют поляризации образа мира, агрессивной защите своих ценностей и провоцируют фанатизм;
- преодоление фанатизма возможно на основе интегрального понимания его причин и природы: совместное действие экономических, культурных, мировоззренческих и социосистемных факторов создает условия для того, чтобы личность могла взять на себя ответственность за собственную жизнь и с помощью «энергии творческой любви» подняться на более высокий уровень морального сознания;
- развитие альтруизма, интегральной духовности, уважение к ценностям и религиям всех культур, а не только доминирующих в западном обществе, надежно предотвращает формирование фанатизма и связанных с ним экстремизма и терроризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-философский анализ природы фанатизма, представленный в работе, позволяет прийти к ряду основных выводов.

Прежде всего, отметим многомерность социального фанатизма как явления. По нашему мнению, ни социально-психологическая, ни социально-экономическая, либо историко-культурная трактовки его причин не являются сами по себе исчерпывающими, а представляют собой взаимно дополнительное единство. Взаимное соответствие и тесное переплетение социально-экономических условий, раскалывающих личностную целостность и отдаляющих человека от подлинной самореализации, культурных стандартов общества, ориентированных на потребление, социальных факторов, усиливающих атомизацию личности, психологических предпосылок, порождающих глубинные внутренние конфликты и вынуждающие искать убежище в догматичной идеологии, создает системные предпосылки формирования фанатизма в современном обществе. Только при таком комплексном понимании истоков фанатизма мы можем «не упустить» его существенных аспектов.

Для подтверждения этой гипотезы о связи природы фанатизма с одновременными, коррелирующими друг с другом деформациями социального, психологического, экономико-социального и культурно-ценностного «доменов» жизни личности и общества нами был предпринят анализ критериев, трактовок и видов фанатизма в контексте социальных условий, ценностей, потребностей, проблемы рациональности.

Феномен фанатизма эволюционировал вместе с обществом: его слитность с культом и сферой сакрального, проявленная в этимологических трактовках понятия со времен античности, в Новое время ассоциировалась с недостатком рациональности, темным, полным суеверий мышлением. Виды фанатизма в современный период – от религиозного, политического, этнического, до литературного, музыкального, автомобильного, спортивного иллюстрируют

расширение контекста приложения данного термина. Но поскольку определить в содержательном смысле все виды потенциально фанатичной деятельности не представляется возможным, логично сосредоточиться на выработке комплекса критериев, характеризующих социальную ситуацию, мышление, деятельность фанатика. Мы полагаем, что диагностическое значение в ряду таких критериев имеют ценностные и потребностные подмены, фрустрация духовных потребностей, подчинение сознания доминанте – сверхценной идее, сужение мировоззренческого горизонта, поляризация мира на добро и зло, безусловное подчинение лидеру и ориентация на действие без размышлений, с полной уверенностью в своей правоте.

Поскольку психологическая и идеологическая специфика не исчерпывает многогранной природы фанатизма, социально-экономические и социально-политические условия общества могут трактоваться в качестве предпосылки его воспроизводства. Социально-экономические условия и факторы влияют на мировоззрение, ценности и идентификацию фанатиков, но не определяют их полностью. Можно отметить теснейшую связь социальных и личностных факторов формирования феномена фанатизма, при этом баланс биофилии и некрофилии в обществе потребления смещен в сторону последней, в пользу чего говорит отчуждение труда, разрыв связей субъекта с бытийной основой, ориентация личности, поглощенной потреблением, не на развитие, а на застой и регресс. В этой ситуации социальный фанатизм выступает в двуединстве своих функций, являясь иллюзорной компенсацией отсутствующей экзистенциальной глубины и выражением социального протеста.

Развертывание фанатичного сознания многолинейно, поскольку оно представляет сложный системный феномен. Его конфигурация в каждом конкретном случае индивидуальна, а для более полного, целостного исследования необходим учет не только когнитивных и идеологических составляющих, как это принято в большинстве современных работ, а также и ценностно-потребностной сферы личности и социума. Парадоксальность сознания фанатика буквально «раскалывает» его мировоззрение и бытие: ее суть – в непризнании и отвержении

глубинной природы личности, устремленной к Любви и Богу. Эгоцентризм и нарциссизм заменяет для фанатичного субъекта самоактуализацию его личности, служа суррогатом реализации высших духовных потребностей.

Все вышеназванное позволяет сформулировать наше понимание фанатизма как результата системной деформации развития личности и социума. Корни ее – в дисбалансе духовных и материальных потребностей в современном потребительском обществе, непонимании того, что реализация высших духовных потребностей – не только императив гармоничного развития личности, но и условие стабильности и прогресса социума. Понятие о рационалистической оценке позволило рассмотреть совместно и проблему рациональности и аксиологические аспекты. Различие рациональных и рационалистичных (технологичных, с вычищенным из них гуманистическим содержанием, не саморефлективных) оценок позволило выйти к различию понятий «ценностей» и «антиценностей». Мы пришли к выводу о том, что фанатизм в потребностно-ценностном смысле есть результат подмен (потребность- на псевдопотребность, ценность – на антиценность), а механизм подмен – рационалистичная оценка. Современное общество потребления само порождает глубинный внутренний конфликт, эксплицируемый в феномене социального фанатизма, а искаженные, фрустрированные потребности фанатичного субъекта, направленные на смягчение болезненности для личности этого конфликта, деструктивны не только для самого фанатика, но и для всего общества.

Фанатизм как одностороннее социальное явление, в сути своей отвергающее многообразие мира и спонтанность, творческий характер личности, активно использует инструмент рационализации, связанный с закрытым типом рациональности, и рационалистичной оценки для апологетики своих действий. Между тем, рациональность двойственна, сочетает две линии, идущие от Логоса и Рацио, переплетающиеся и взаимодействующие. Но в мировоззрении фанатика нет места открытой рациональности, которая сама же тестирует разум, калькулирующий ratio на наличие в нем системных ошибок, благодаря чему эти ошибки возникают и воспроизводятся снова и снова. Этому способствует

обеднение и фрагментация связей фанатика и мира, они формальны, не выходят в пространство intersubjectного диалога, позволяя фанатику пребывать и далее в своем иллюзорном, мифологизированном мире.

Пользуясь принципом *ratio* как инструментом, фанатик организует в своем бытии серию масштабных подмен. Прежде всего это относится к сфере потребностей: вместо духовного развития – насаждение своей идеологии, вместо любви – «спасение» мира, вместо самоактуализации и самореализации – реализация директивных предписаний своей фанатичной (а иногда и экстремистской) группы. Ценностные подмены строятся по такому же образцу, к примеру, преданность ценностям свободы и равенства заменяется преданностью вождю, декларируемое созидание справедливого порядка сопровождается антигуманным разрушением социокультурных традиций. Для ценностной подмены характерен разрыв между объективным характером поступка и придаваемым сознанием субъективным смыслом. При этом рационалистичность фанатика играет роль «несущей конструкции» его личности, обеспечивая социализацию в масштабах фанатичной среды.

Воплощение фанатичной идеологии в действие предполагает вовлечение в орбиту экстремизма и терроризма. При всей неоднозначности и сложности, их ядром, и догматическим, и поведенческим, и когнитивным, является социальный фанатизм. Мотивационная сфера терроризма и экстремизма фокусируется вокруг проблем социального, личностного и психосоциального характера. Различные основания позволяют выделить несколько типов экстремистской идентичности, что существенно расширяет представления о личности экстремиста и террориста.

Социально-философский анализ феномена фанатизма, проведенный в настоящей работе, выявил его многогранность и сложность, а также привлек внимание в недостаточности только криминологических, психологических, политических оснований исследования и планирования мер профилактики для данного социально опасного феномена. Поскольку фанатизм есть деформация бытийной основы личности, невозможно игнорировать поднимаемые им философские вопросы, а без них меры борьбы с фанатизмом останутся

недостаточными. Лишь постепенное, но настойчивое движение в сторону развития личности, гармонизации общества, формирования оптимизированной структуры потребностей, творческий труд и самореализация личности дадут эффект в преодолении социального фанатизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аббаньяно Н. Человек: проект 2000 [Текст] / Н. Аббаньяно. – Краснодар, 2010. – 188 с.
2. Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность [Текст]/ Н.С. Автономова. – М.: «Наука», 1988. - 286 с.
3. Адлер А. Индивидуальная психология как путь к познанию и самопознанию человека [Текст] / А. Адлер. – Киев: Port-Royal, 1997. – 63 с.
4. Александрова Ю.В. Основы общей психологии [Текст] / Ю.В. Александрова. – М.: НОУ , 1999. – 805 с.
5. Ахмедова Х.Б. Фанатизм и идея мести у лиц, имеющих посттравматические стрессовые расстройства [Текст] / Х.Б. Ахмедова // Социальная и клиническая психиатрия. – 2003. – №. 2. – С. 24-32.
6. Бадмаева М.В. Питирим Сорокин и философия евразийства [Текст] / М.В. Бадмаева // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Материалы Междунар. науч. конф. Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г. – С. 410-420.
7. Бадмаева М.В. Личность в период религиозной и моральной поляризации [Текст] / М.В. Бадмаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 91-97.
8. Бакланов И.С. Человек этнический: проблема этнической идентичности [Текст] / И.С. Бакланова, Т.В. Душина, О.А. Микеева // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 396-408.
9. Бартунаев Л.Р. Экономическая форма времени как полимодального феномена природы: понятия и свойства [Текст] / Л.Р. Бартунаев, С.Э. Желаева // Вестник Бурятского государственного университета, 2013. – № 2. – С. 39-45.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман; Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.

11. Бейтсон Г. Корни экологического кризиса. Экология разума [Текст] / Г. Бейтсон // Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии: Пер. с англ. - М.: Смысл, 2000. - С. 454 – 459.
12. Беляев И.А. Ограничение и компенсация способностей и потребностей целостного человеческого существа [Текст] / И.А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 2 (96), февраль. – С. 24-30.
13. Беляев И.А. Религиозный фанатизм как иллюзорная компенсация недостаточности духовно-душевных составляющих целостного мироотношения [Текст] / И.А. Беляев // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 68-71.
14. Бердяев Н.А. Истина и откровение [Текст] / Н.А. Бердяев. - СПб.: РХГИ, 1996. – 156 с.
15. Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине [Текст] / Н.А. Бердяев // Человек. – 1997. Т. 9.
16. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности : Избранные труды [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Московский психолого-социальный институт – Флинта, 1999. – 312 с.
17. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – 678 с.
18. Бердяев Н.А. Философия свободы [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – 732 с.
19. Бреская О.Ю. Изучение религиозности: к необходимости интегрального подхода [Текст] / О.Ю. Бреская // Социологические исследования. – 2011. – №12. С. – 77-87.
20. Болдонова И.С. Межличностный диалог: устный и письменные дискурсы [Текст] / И.С. Болдонова // Наука и образование, – 2010. – №3. – С. 69 - 73.
21. Бубер М. Проблема человека [Текст] /М. Бубер : Перевод с немецкого. - Киев: «Ника-Центр», 1998. – 132 с.

22. Булгаков С.Н. Из философии культуры. Размышления о национальности [Текст] // Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. – М.: Русская книга, 1992. – С. 188.
23. Бухаров Д.Н. Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей [Текст]/ Д.Н. Бухаров, Е.И. Надыкто, В.А. Неудакин и др. – Иркутск: Издательство Восточно-Сибирской государственной академии образования, 2011. – 324 с.
24. Бэрон Р. Агрессия [Текст] / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 2001. – 352 с.
25. Вальцев С.В. Являются ли психические потребности духовными? [Текст] / С.В. Вальцев // Проблемы современной науки и образования. – 2012. – №7. – С. 1-3.
26. Валюженич А.В. Обзор: Лакёр У. Новый терроризм. Фанатизм и оружие массового разрушения [Текст] / Валюженич // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Серия 5: История. - Реферативный журнал. – 2001. – №2. – С.5-15.
27. Васенина И. Ценностные ориентации студенческой молодежи и экстремизм [Текст] / И. Васенина // Высшее образование в России. – 2007. – №11. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-studencheskoy-molodezhi-i-ekstremizm> (дата обращения: 20.05.2016).
28. Варданыц Г.К. Терроризм: диагностика и социальный контроль [Текст] / Г.К. Варданыц // Социологические исследования. – 2005. – №7. – С.78-83.
29. Витюк В.В. Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема [Текст] / В.В. Витюк, И.В. Данилевич // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С.7-41.
30. Волков Ю.К. Об онтологическом и логико-гносеологическом статусе антиценностей [Текст]/ Ю.К. Волков // Приволжский научный вест-ник. – 2014. – №12. – С. 93-99

31. Вольперт Л. Бесмысленный и беспощадный» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) // <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal5txt.htm> (дата обращения 4.04.2015)
32. Вольтер Ф. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря»: [сб.: пер. с фран.] [Текст] / Вольтер. М.: АСТ: Астрель, 2011. – 748с.
33. Вышеславцев Б.П. Вера, неверие и фанатизм [Текст] / Б.П. Вышеславцев. – Париж: YMKA PRESS, 1928. - 25с.
34. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика [Текст] / П.Б. Ганнушкин. – Н. Новгород: Изд-во НГМД, 1998. – 128 с.
35. Гарунова Н.Н. Религиозный фанатизм в молодежной среде и социально-психологический портрет террористки-смертницы на северном Кавказе [Текст] / Н.Н. Гарунова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №. 8. – С. 60-71.
36. Гаськова М.В. Интегральный подход К. Уилбера в контексте постнеклассической науки // *WschodnioeuropejskieCzasopismoNaukowe (EastEuropeanScientificJournal)* № 9(13). 2016. С. 76 - 82.
37. Гегель Г. Философия религии: В 2-х томах [Текст]/ Г. Гегель. –Т.2. М.: «Мысль», 1976. – 573 с.
38. Гжегорик А. Жизнь как вызов. Введение в рационалистическую философию [Текст] / А. Гжегорик. – М.: Вузовская книга, 2006. – 320 с.
39. Гольбах П. Священная зараза. Разоблаченное христианство [Текст] /П. Гольбах. – М., 1936. – 128 с.
40. Гуревич П.С. Новые темы философской антропологии (очерки). Очерк 1. Феномен деантропологизации человека [Текст] /П.С. Гуревич // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Вып.1. – (№ 46-47). – С.236 -250.
41. Гурский В.В. Религиозный экстремизм как форма социальных отношений (на примере российского общества) [Текст] / В.В. Гурский: Автореф. дисс. канд. философ.наук. – Челябинск, 2012. – 25 с.

42. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Текст] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – №. 4. – С. 63-77.
43. Дробижеева Л.М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов [Текст] / Л.М. Дробижеева, А.Л. Аклаев, В.В. Коротеева, Г.У. Солдатова. – М.: Мысль, 1996. – 384 с.
44. Дудик С.Г. Человеческие потребности как критерий творческой деятельности // <http://e-lib.gasu.ru/konf/SocPr/2002/sp18.shtml>
45. Евстифеева Е.А. Феномен веры [Текст] / Е.А. Евстифеева: Дисс... доктора филос. наук. – Тверь, 1995. – 215 с.
46. Жмуров В.А. Клинико-психопатологическое исследование [Текст] / В.А. Жмуров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1988. – 134 с.
47. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 1. Психоисторическая характеристика [Текст] / Г. В. Залевский // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 26. – С. 66-69.
48. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества. Сообщение 2. Индивидуально-личностные диспозиции фанатизма [Текст] / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 28. – С. 49-52.
49. Залевский Г.В. Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ [Текст] / Г.В. Залевский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей. / Под ред. В.В. Знакова и Г.В. Залевского. – М.: ИП РАН, 2008. – С. 314-340.
50. Залевский Г.В. Фанатизм как проблема духовного здоровья личности и общества [Текст] / Г.В. Залевский // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 28. – С. 50-56.
51. Зарева Л.С., Рабцевич А.А. Проблемы отчуждения труда // Научный электронный архив. URL: <http://econfr.ae.ru/article/7267> (дата обращения: 28.04.2016).

52. Зейгарник Б.В. Понятия квазипотребности и психологического поля в теории К. Левина [Текст] / Б.В. Зейгарник // Психология мотивации и эмоций. - Серия: Хрестоматия по психологии / [Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман]. – М.: Омега-Л., 2006. – С. 182-194.
53. Зинурова Р.И. Экстремизм в мировом пространстве: теоретико-методологический аспект [Текст] / Р.И. Зинурова, А.Р. Тузиков // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – №17. – С.214-221.
54. Злоказов К.В. Экстремистский текст и свойства личности [Текст] / К.В. Злоказов // Политическая лингвистика. – 2013. – №3. – С.215-225.
55. Змановская Е.В. Девиантология. (Психология отклоняющегося поведения) [Текст] / Е.В. Змановская: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений // М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 357с.
56. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления [Текст] / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2008. – №5. – С. 37-47.
57. Иванов С.Н. Терроризм смертников. Исторический аспект [Текст] / С.Н. Иванов // Вестник Удмуртского университета. – Выпуск 1. – 2008. – С. 126-134.
58. Ильин В.В. Аксиология [Текст] / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
59. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е.П. Ильин. - СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
60. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности [Текст] / Е.П. Ильин. – СПб.: «Питер», 2009. – 448 с.
61. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества [Текст] / Р. Инглхарт // Полис. – 1997. – №4. – С. 6-32.
62. Ионин Л.Г. Основания социокультурного анализа [Текст] / Л.Г. Ионин: Учебное пособие. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – 150 с.
63. История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера: Христианство [Текст]. – Л.: Наука, 1978. – 318 с.

64. Калюжная Н.А. Фанатизм: личностные и групповые черты [Текст]/ Н.А. Калюжная //Философские науки. – 2007. – №9. – С. 66-82.
65. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство [Текст] / А. Камю. – Политиздат, 1990. – 415с.
66. Кареев Н.И. Фанатизм [Текст]/ Н.И. Кареев // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – т. XXXV (1902). – С. 291
67. Ким В.В. Фанатизм как социальный феномен [Текст]/ В.В. Ким: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2003. – 195 с.
68. Ким В.В. Образование и фанатизм: точки соприкосновения [Текст]/ В.В. Ким // Ученые записки Орловского государственного университета. - Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №5. – С.81-85.
69. Ким В.В. Критерии фанатизма [Текст] /В.В. Ким // Ученые записки Орловского Государственного университета. – Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2012. - №5. – С. 99-103.
70. Ким В.В. Развитие критического мышления и профилактика фанатизма [Текст] /В.В. Ким // Ученые записки Орловского государственного университета. – Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №2. – С.77-81.
71. Кислов Б.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии [Текст] / Б.А. Кислов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. – 183 с.
72. Киреевский И.В. Разум на пути к истине: Философские статьи, письма, дневник [Текст] / И.В. Киреевский. – М.: Правило веры, 2002. – 662 с.
73. Клакхон К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию [Текст] / К.М. Клакхон. – СПб: «Евразия», 1998. – 352 с.
74. Клемперер В. LTI Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога [Текст] / А. Клемперер; Пер. с нем. А.Б. Григорьева. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.
75. Кондратьев М.Ю. Азбука социального психолога-практика [Текст] / М.Ю. Кондратьев, В.А. Ильин. – М.: Пер. Се, 2007. – 464 с.

76. Конторович С.П. Социальная нетерпимость: философский анализ [Текст] / С.П. Конторович: Дис. ... канд. филос, наук. - Саранск, 2005. -181 с.
77. Концен П. Фанатизм: психоанализ этого ужасного явления [Текст] / П. Концен. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. – 388 с.
78. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе [Текст] / Ц.П. Короленко, Т.А. Донских. - Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. – 224 с.
79. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия [Текст] / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – М.: Академический проект, 1999. – 464 с.
80. Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления [Текст] / М.Н. Кузнецова: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. – Омск, 2003. – 171с.
81. Кутырёв В.А. Бытие или ничто [Текст] / В. А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2010. – 496 с.
82. Лазуткин В.В. От раскола к цельности: истоки фанатизма [Текст] / В.В. Лазуткин // Омский научный вестник. – Вопросы философии. – 2008. –№5. – С. 115-117.
83. Лакёр У. Новый терроризм: фанатизм и оружие массового уничтожения [Текст] / У. Лакёр // Международный терроризм и право. – М.: ИНИОН РАН. 2002. – С. 7-25.
84. Лебон Г. Психология народов и масс [Текст] / Г.Лебон. – М.: Издательство Терра – Книжный клуб, 2008. – 272 с.
85. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и сознание [Текст] / А.Н. Леонтьев // XVIII Международный психологический конгресс: Симпозиум 13. – М. – 1966. – С. 24-36.
86. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции [Текст] / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С.15 – 26

87. Леонтьев Д.А. Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу [Текст] / Д.А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 1987. – №3. – С. 150-158.
88. Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ [Текст] / Д.А. Леонтьев // Современная психология мотивации / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 13-46.
89. Лепехов С.Ю. Роль интеллигенции в социальных преобразованиях в эпоху глобализации [Текст] / С.Ю. Лепехов // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча», Улан-Удэ, 16-19 июня 2016 г. – С. 195 - 205.
90. Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера [Текст] / Т.П. Лифинцева. – М.: Изд-во Института философии РАН, 1999. – 132 с.
91. Лосский Н.О. Ценность и Бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей [Текст] / Н.О. Лосский. – Харьков: Фолио; М.: Издательство АСТ, 2000. – 864 с.
92. Лурия А.Р. Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. – М.: МГУ, 1979. – 320 с.
93. Магун В.С. Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст [Текст] / В.С. Магун // Вопросы психологии. – 1985. – №. 2. – С. 118-126.
94. Мамардашвили М. Как я понимаю философию [Текст] / М. Мамардашвили; Сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
95. Мамардашвили М. Лекции по античной философии [Текст] / М. Мамардашвили. – М.: «Аграф», 1997. – 320 с.
96. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии [Текст] / М. Мамардашвили. – М.: Азбука-Классика, 2014. – 688 с.
97. Мантатов В.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития [Текст] / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский ун-т технологий и управления, 2007. – 263 с.
98. Маркарян Э.С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений [Текст] / Э.С. Маркарян // Методологические

проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. – Ереван: Изд-во Армянской ССР, 1978. – 9 с.

99. Маркс К. Об атеизме, религии и церкви [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс; [Авт. вступ. ст. Ю. Б. Пишик]. – М.: Мысль, 1986. – 669 с.

100. Маркс К. К истории первоначального христианства [Текст]/ К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – т. 22. – М.: Политиздат, 1962. – 804 с.

101. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. //Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Политиздат. – Т42. – 1974. – С. 41-174.

102. Маслоу А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

103. Мельникова Л.В. Толерантность как берегающий подход в современной культуре [Текст] / Л.В. Мельникова: Дис.канд. философ. наук. – Тюмень, 2003.

104. Менделевич В.Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства поведения (психологические и психопатологические аспекты) [Текст] / В.Д. Менделевич. – М.: МЕД Пресс-Информ. – 2003. – 328 с.

105. Митрофанова А. Три системы ценностей в современном мире [Электронный ресурс] / А. Митрофанова // Режим доступа: <http://gumilevica.tripod.com/Matter/Article17.htm>.

105.Одайник В. Психология политики: политические и социальные идеи Карла Густава Юнга [Текст] / В. Одайник. – СПб.: Ювента, 1996. – 382 с.

106. Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды [Текст] / Г. Оллпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.

107. Ольшанский Д.В. Психология терроризма [Текст] / Д.В. Ольшанский. – М.: Питер, 2007. – 288 с.

108. Омельчук Р.К. Фанатизм в свете онтологического подхода к вере [Текст] / Р.К. Омельчук // Вопросы философии. – 2012. – №4. – С. 25-34.

109. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Текст]/ Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М.: Прогресс, 1991. – 311 с.

110. Радаев В.В. Потребности как экономическая категория социализма [Текст] / В.В. Радаев. – М.: Мысль, 1970. – 222 с.
111. Рапопорт А. Истоки насилия: подходы к изучению конфликта [Текст] / А. Рапопорт // Социальный конфликт: современные исследования. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991. – С.36-51.
112. Рассел Б. Фанатизм и терпимость. Интервью 1959 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://musa.narod.ru>. - (Дата обращения 26.12.2015).
113. Роджерс К.Р. Гуманистическая психология. Теория и практика [Текст] / К.Р. Роджерс. – М.: Изд-во «МОДЭК», 2013. – 456 с.
114. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательский дом «Питер», 2011. – 288 с.
115. Савицкая Н. Фанатизм - это сверхусилие в сочетании с забытой целью (двенадцать психологических типов личности потенциальных террористов) [Текст] / Н. Савицкая // Россия и мусульманский мир. – 2003. – №3. – С. 161-164.
116. Санаева Т.Н. Социальный фанатизм [Текст] / Т.Н. Санаева: Диссертация на соискание степени кандидата философских наук. – Нижний Новгород, 2002. – 195 с.
117. Сандакова Л.Г. Холизм как основной принцип современной постнеклассической научной рациональности [Текст] / Л.Г. Сандакова // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации: Материалы региональной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения д-ра философских наук, профессора В.А. Балханова. – Улан-Удэ: БГУ, 2015. – С. 46 - 49.
118. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм [Текст] / Ж.П. Сартр // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990. – С.319 – 344.
119. Севостьянов Д.А. Фанатизм: анализ иерархических и инверсивных отношений [Текст] / Д.А. Севостьянов // Власть. – 2009. – №12. – С.78-80.
120. Сизов И.В. Теория постматериалистической трансформации ценностей и политическое пространство современной России [Текст] / И.В. Сизов // Пространство и Время. – 2010. – №1. – С.91-97.

121. Симонов П.В. Потребностно-информационная теория эмоций [Текст] / П.В. Симонов // Вопросы психологии. – 1982. – №. 6. – С. 44-56.
122. Симонов П.В. Междисциплинарная концепция человека: потребностно-информационный подход [Текст] / П.В. Симонов // Вопросы психологии. – 1988. – №6. – С. 94-100.
123. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание [Текст] / А.Г. Спиркин. – М., 1972. – 303 с.
124. Степанов Е.И. Современный терроризм: состояние и перспективы [Текст] / Е.И. Степанов. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.
125. Сорокин П.А. Долгий путь [Текст] / П.А. Сорокин; Пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. - Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР, 1991. – 304 с.
126. Сорокин П.А. Таинственная энергия любви [Текст] / П.А. Сорокин //Социологические исследования. – 1991. – №. 8. – С. 121-137.
127. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1997. – 351 с.
128. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства [Текст] / П.А. Сорокин. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – 1054 с.
129. Таланов В.М. Общечеловеческие ценности [Текст] / В.М. Таланов. – М.: Изд-во РАЕ, 2010. – 234 с.
130. Тимофеева В.Ю. Фанатизм как стремление решить конфликт идентичности [Электронный ресурс] / В.Ю. Тимофеева // Электронный журнал позитивной психотерапии в России. – Vol.1, август 2013 г. // <http://www.positum-russia.ru>. Режим доступа свободный: загл. с экрана.
131. Ткачев В.С. Эпистемологические и социологические предпосылки обретения идентичности [Текст] / В.С. Ткачев, В.С. Федчин // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – №5. – С. 34-41.

132. Токтомаев О.К. К вопросу о понятии «фанатизм» // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: В 4 т. – Т.2. – Иркутск, 2011. – С. 77-82.

133. Токтомаев О. К. Фанатичный тип сознания как препятствие к толерантности [Текст] // Известия Иркутской государственной экономической академии Байкальского государственного университета экономики и права. – Иркутск. – 2012. – №5. – С. 189 – 192.

134. Токтомаев О.К. Рациональность как основание фанатизма [Текст] // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. №14. – С. 48-51.

135. Токтомаев О.К. Жизненная установка на обладание и ее влияние на развитие фанатизма [Текст] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2012. – № 2 (26). – С. 165-169.

136. Токтомаев О.К. Фанатизм как ценностная деформация сознания [Текст] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – №22. – С. 192-197.

137. Токтомаев О.К. Ценностный анализ фанатизма [Текст] // Социокультурные механизмы преемственности ценностей: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Иркутск, 16-17 ноября 2012 г.). – М.: Культурная революция, 2012. – С. 86 – 89.

138. Токтомаев О.К. Диалог в механизме преемственности ценностей, Социокультурные механизмы преемственности ценностей[Текст] //Материалы Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 15-16 ноября 2013 г.). – Алетейя, Санкт-Петербург. – 2013. – С.111 – 114.

139. Токтомаев О.К. Проблема критериев социального фанатизма [Текст] / О.К. Токтомаев // Общество: философия, история, культура. – 2016. – №9. – С. 57-59.

140. Токтомаев О.К. Виды социального фанатизма [Текст] // Теория и практика приоритетных научных исследований сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4-х частях. – 2016. – С. 121-123.

141. Токтомаев О.К. Современный фанатизм и радикализация сознания [Текст] // Материалы XVI молодежной межрегиональной научно-практической конференции «Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы». – 17 апреля 2016 г. – С. 56-59.
142. Толмач А.Д. Феномен терроризма в массовом сознании [Текст] // Социологические исследования. – 2009. – №4. – С. 82-88.
143. Туев В.А. Человеческие потребности: (эскиз философской теории) [Текст] / В.А. Туев. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. – 364 с.
144. Туев В.А. Принцип ratio в оценке человеческих потребностей [Текст] // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2003. – №2. – С.114 -119.
145. Туев В.А. Потребление и проблема оптимизации потребностей [Текст] // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2003. – №3-4. – С. 87-94.
146. Туев В.А. Возвышение потребностей человека в созидательной деятельности [Текст] // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2004. – №1. – С. 99-105.
147. Туев В.А. Мотивация труда и развитие потребностей личности [Текст] // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – №. 4. - С.177-182.
148. Туев В.А. Динамика потребностей личности [Электронный ресурс]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2015.
149. Туев В.А., Токтомаев О.К. Современный фанатизм как следствие дисгармонии потребностей личности [Текст]/ В.А. Туев, О.К. Токтомаев // Известия ИГУ. - Серия политология и религиоведение. – 2016. – №18. – С.196 – 203.
150. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия [Текст] / К. Уилбер. – М.:Издательство АСТ, 2004. – 389 с.
151. Уилбер К. Интегральное видение [Текст] / К. Уилбер. — М.: Открытый Мир, 2009. – 229 с.

152. Уилбер К. Интегральная духовность: Новая роль религии в современном и постсовременном мире [Текст] / К. Уилбер. – Ipraktik, 2013. – 436 с.
153. Ухтомский А.А. Доминанта [Текст] / А.А. Ухтомский. – СПб.: Питер, 2002. – 448с.
154. Фархитдинова О.М. Фанатизм как предпосылка экстремизма [Текст] // Человек. Религия. Право. Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия. Екатеринбург, 2011. С.212-126.
155. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
156. Федеральный закон от 25.07.2015 г. N 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/).
157. Фельде В.Г. Виды экстремизма и типы его субъектов[Текст] // Омский научный вестник. – 2013. – №5 (122). – С.127-130.
158. Фейербах Л. Сущность христианства [Текст]/ Л. Фейербах // Сочинения: В 2т. – Т.2. – М.: Наука, 1995. – 424 с.
159. Флоренский П.А. Записка о православии [Текст] / П.А. Флоренский // Православие: proetcontra / сост., вступ. ст., коммент. В. Ф. Федорова. – СПб., 2001. – С.298-305.
160. Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма [Текст] / С.Л. Франк // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С. 114 - 127.
161. Франкл В. Человек в поисках смысла [Текст] / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
162. Франкл В. Воля к смыслу [Текст] /В. Франкл: Пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, 2000. – 369 с.
163. Фрейд З. Психология «Я» и защитные механизмы [Текст] / А. Фрейд: Пер с англ. – М.: Педагогика, 1993. – 144 с.

164. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» [Текст] / З. Фрейд. – СПб.: Азбука Аттикус, 2012. – 192 с.
165. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ – Астрель, 2004. – 625с.
166. Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя [Текст] / Э. Фромм. – М.: Попурри, 2000. – 672 с.
167. Хевеши М.А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы [Текст] / М.А. Хевеши //Философские науки. – 2001. – №2. – С. 5-17.
168. Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма [Текст] / Б.Г. Чурков // Психология террористов и серийных убийц: хрестоматия. - Минск: Харвест, 2004. – С. 180-196.
169. Шарипова Э.М. Социокультурная специфика религиозного фанатизма [Текст] / Э.М. Шарипова: Дисс. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. – Тюмень, 2014. – 198 с.
170. Шарипова Э.М. Формы религиозного фанатизма в научном дискурсе [Текст] / Э.М. Шарипова //Фундаментальные исследования. – 2015. – №2-24. – С.5529 -5534.
171. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры: традиции и современность [Текст] / В.С. Швырев. – М.: Прогресс – Традиция, 2003. – 176 с.
172. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности [Текст] / Л.И. Шестов. – М.: Авалон Аттикус, 2011. – 224 с.
173. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира [Текст] / А. Шютц. – М.: ИФ «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
174. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.
175. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени [Текст] / К.Г. Юнг. – М.: Прогресс, 1996. – 336 с.

176. Юнг К.Г. Диагностируя диктаторов (Интервью, взятое у К.Г. Юнга Х. Никербокером в 1938 г.) // В. Одайник Психология политики [Текст] / В. Одайник. – СПб.: Ювента, 1996. – С.344–361.
177. Юнг К.Г. Послевоенные психические проблемы Германии (Интервью, взятое у К. Г. Юнга П. Шмидтом в мае 1945 г.) / В. Одайник Психология политики СПб.: Ювента, 1996. С.362–367.
178. Ясперс К. Смысл и назначение истории [Текст] /К. Ясперс. -М.: Политиздат, 1991. – 488 с.
179. Яхьяев М.Я. О природе социального фанатизма [Текст] / М.Я. Яхьяев // Вестник ДГУ. Философия. Экономика. – Вып. 2. – 2004. – С.112-115.
180. Яхьяев М.Я. Истоки и смысл фанатизма [Текст] /М.Я. Яхьяев. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2005. – 212 с.
181. Яхьяев М.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен [Текст] / М.Я. Яхьяев: Автореф. дисс. докт. философ.наук. – Махачкала, 2006. – 40 с.
182. Яхьяев М.Я. Фанатизм и терроризм: общее и особенное [Текст] / М.Я. Яхьяев // Исламоведение. – 2010. – №4. – С. 47-55.
183. Яхьяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире [Текст] / М.Я. Яхьяев // Исламоведение. – 2012. – №. 2. – С. 4-14.
184. Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: examination and reformulation // Psychological bulletin. 1989. V. 106. №. 1. P. 59.
185. Calhoun L. An anatomy of fanaticism //Peace Review. 2004. V. 16. – №. 3. P. 349-356.
186. Cavanaugh W.T. The invention of fanaticism //Modern Theology. – 2011. V. 27. №. 2. P. 226-237.
187. Colas D. Civil Society and Fanaticism: Conjoined Histories. Stanford, CA: Stanford University Press, 1997. 512 p.
188. Gasper P. Capitalism and alienation // International Socialist Review. Issue № 74. November 2010. (URL: <http://isreview.org/issue/74/capitalism-and-alienation> (дата обращения: 28.04.2016)).

189. Harmon, C.C. Fanaticism and Guerrilla Warfare in the Late Twentieth Century. / Fanaticism and Conflict in the Modern Age. M. Hughes, G. Johnson (eds.). London & New York: Frank Cass, 2005/ pp. 101-115.
190. Haynal A., Molnar M., de Puymège G. Fanaticism: A historical and psychoanalytical study. Schocken, 1983. 343 p.
191. Hughes M., Johnson G. (ed.). Fanaticism and conflict in the modern age. Frank Cass (Taylor & Francis), Abingdon, Oxfordshire and New York, NY, 2004. 208 pp.
192. Ellis A. Fanaticism that may lead to a nuclear holocaust: The contributions of scientific counseling and psychotherapy //Journal of Counseling and Development. 1986. V. 65. №. 3. P. 146-151.
193. Konrath, et al. Changes in Dispositional Empathy in American College Students Over Time: A Meta-Analysis // Personality and Social Psychology Review. 2011. V. 15. № 2. P.180-198.
194. Lifton R.J. Destroying the World to Save It: Aum Shinrikyo, Apocalyptic Violence, and the New Global Terrorism. – Macmillan, 2000. 278 p.
195. Lovink G. Civil society, fanaticism, and digital reality: A conversation with Slavoj Zizek // Ctheory. V. 1996. 2015. P. 2-21.
196. Marimaa K. The many faces of fanaticism //ENDC Proceedings. – 2011. V. 14. P. 29-55.
197. Milgram S. The social meaning of fanaticism //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 58-61.
198. Nystrom C.L. Immediate man: The symbolic environment of fanaticism //ETC: A Review of General Semantics. 1977. P. 19-34.
199. Passmore J. Fanaticism, toleration and philosophy //Journal of Political Philosophy. 2003.V. 11. №. 2. P. 211-222.
200. Perkinson H. J. Fanaticism: flight from fallibility //ETC: A Review of General Semantics. 2002. V. 59. №. 2. P. 170-174.
201. Toscano A. et al. Fanaticism: On the uses of an idea. Verso, 2010. 398 p.

202. Toscano A. et al. Fanaticism: a brief history of the concept //Eurozine.
2006. <http://www.eurozine.com/fanaticism-a-brief-history-of-the-concept>

203. Webster Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language.
New York: Gramercy Books, 1996, p. 697.